This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Jerusalem, J. F. W.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

ВАЖНѢЙШИХЪ ИСТИНАХЪ

РЕЛИГІИ.

Превосходнѣйшее твореніе

Знаменитѣйшаго Іерузалема,

переведено съ Нѣмецкаго

Т. Крыловымъ.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1818 года.

описаніи потопа. — Происхожденіе народа и построеніе башни вавилонской.—Книги Моисеевы суть единственный вѣрный источникъ для повѣрки и древности народовъ. — Китайцамъ напрасно приписывается глубокая древность. — О происхожденіи языковъ, или разныхъ нарѣчій.— Причины измѣненія языковъ и нарѣчія.—Планъ Аппора.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Стр. 59.

Опъ призванія Авраама до его смерти. Когда началось истинное богопознаніе. — Мѣры Провидѣнія къ сохраненію его.—Какъ оно постепенно искажалось. — Поклоненіе звѣздамъ въ Халдеи.—Ѳара.—Почему для сохраненія истинной вѣры избралъ Богъ народъ Израильскій, а не другой. — Польза сохраненія истинной Вѣры.— Авраамъ.—Взглядъ на Египетъ.—Пребываніе Авраама во Египтѣ.—Возвращеніе Авраама въ Ханаанъ.—Мельхиседекъ, истинный Богопоклонникъ.— Подтвержденное обѣтованіе Аврааму о размноженіи потомства его.— Рожденіе Измаила. — Обѣтованіе о рожденіи Исаака. — Наказаніе Содомлянъ. — Приключеніе съ Авраамомъ у царя Филистимскаго Авимелеха.—Рожденіе Исаака.— Приношеніе Исаака на жертву.—

ОТДѢЛЕНІЕ III. Стр. 119.

тъ Исаака до путешествія Іакова во Египетъ. Исторія жизни Исаака.—Характеры Исава и Іакова. — Видѣніе Іаковлево. — Іаковъ у Лавана—Отшествіе Іакова отъ Лавана.—Различіе характеровъ въ Праотцахъ.—Для чего Моисей описываетъ небольшія случившіяся обсто-

ятельства. — Склонность людей къ идолослуженію. — Прибытіе Іакова въ Ханаанъ и приключеніе съ нимъ. — Планъ Провидѣнія къ просвѣщенію рода человѣческаго истинною Вѣрою. — Іосифъ во Египтѣ. — Его толкованіе сновъ Фараоновыхъ. — Благоразумныя мѣры Іосифа къ спасенію государства отъ голода. — Прибытіе Іакова со всею фамиліею во Египетъ. — Заключеніе.

БІОГРАФІЯ ІЕРУЗАЛЕМА.

Іоаннъ Фридрихъ Вильгельмъ Іерузалемъ родился въ Оснабрикѣ 22 Ноября 1709 года. Отецъ его, маг. Ѳеодоръ Вильгельмъ Іерузалемъ, былъ первый пасторъ при тамошней соборной церкви, Суперъинтендентъ и Инспекторъ. На восьмомъ году своего возраста Іерузалемъ ходилъ уже въ Гимназію; впрочемъ и домашнее его воспитаніе не было оставлено безъ вниманія. На двенадцатомъ году былъ онъ отданъ въ пансіонъ одному Ректору въ небольшомъ сосѣдственномъ городѣ; здѣсь, по тогдашнему обычаю, занимали его прилѣжнымъ чтеніемъ классическихъ Латинскихъ Авторовъ, также и различныхъ Греческихъ, а особливо *Гомера* и *Гезіода*; въ чемъ онъ и пріобрѣлъ довольное познаніе. Онъ нашелъ также случай у одного тамошняго проповѣдника, весьма искуснаго въ восточной словесности, научиться Еврейскому языку и діалектамъ съ нимъ сроднымъ.

На пятнадцатомъ году онъ возвратился въ Оснабрикскую Гимназію и тамъ исключительно избралъ себѣ учителемъ Конректора, Г. *Л. Поната*, человѣка изящнаго вкуса и тонкихъ познаній въ словесности, подъ надзоромъ котораго онъ прилѣжно упражнялся въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ слогѣ и разговорахъ, также и въ изученіи про-

изношенія; подъ его руководствомъ онъ, читая древнихъ, получилъ первое чувство къ изящному и справедливому.—Но спустя годъ, онъ лишился отца, а съ нимъ всякаго вспомоществованія къ продолженію ученія, такъ что онъ съ сего времени былъ оставленъ самому себѣ.

Въ сіе время Іерузалемъ посвятилъ себя Богословіи и отправился въ Лейпцигъ.—Тамъ, для слушанія догматики, рекомендованъ былъ педанту, человѣку самому тупому. Онъ думалъ, что подъ простою, совершенно неизвѣстною маскою, скрывается глубокая мудрость; но скоро опытъ показалъ противное: ибо онъ самъ не могъ слушать безъ досады и насмѣшки бѣдныхъ, недостаточныхъ толкованій его. За то началъ Іерузалемъ привашно читать *Герарда*, *Хейлиццензa*, Іоанна *Музея*, а потомъ всѣ сочиненія *Буддеевы*, посредствомъ коихъ онъ вмѣстѣ познакомился и съ ученою словесностію.

Въ филологіи вѣшхаго завѣта здѣлался онъ ревностнымъ ученикомъ Г. Готлиба *Карпцова*, бывшаго послѣ въ Любекѣ Суперъинтенденшомъ; и какъ онъ имѣлъ уже въ сей наукѣ нѣкоторыя свѣденія, то пріобрѣлъ особенную любовь своего учителя. Сей-то наипаче руководствовалъ его къ точному познанію сочиненій *Буксторфа* и дру-

гихъ славнѣйшихъ Голландскихъ Философовъ. Но онъ тутъ же ознакомился съ писаніями Клерика, *Гроція*, а наипаче Ричарда *Симона*. Въ два послѣдніе года, по совѣту Готшеда и подъ его руководствомъ, слушалъ онъ *Вольфіеву* Философію; между тѣмъ въ Готшедовомъ обществѣ занимался Нѣмецкими разговорами и литературою, которая тогда еще начинала разцвѣтать. Сверхъ того у *Гебоцера* слушалъ всеобщую Исторію, у *Маскова* исторію Германіи, и за успѣхи во всемъ, по тогдашнему обыкновенію, получилъ титулъ Магистра.

На пятомъ году Академическаго воспитанія Іерузалемъ возвратился въ свою отчизну и два раза говорилъ проповѣдь; но все онъ болѣе имѣлъ склонности къ жизни ученой. И какъ для всякаго состоянія былъ еще слишкомъ молодъ, то отправился на два года въ Лейденъ. Весь первой годъ провелъ онъ въ тамошнемъ университетѣ; слушалъ уроки Алберта *Шультена*, у Петра *Бурманна* Исторію и Латинскихъ классическихъ авторовъ, у *Гравезанда* Философію и опытную Физику, у *Мушенброка* теоретическую физику; слушалъ также и нѣкоторыя лекціи *Боергава*. Онъ нашелъ здѣсь удобнѣйшій случай къ познанію естественной Исторіи. Посѣщалъ Коллегію, учрежденную совершенно на основаніи Дорд-

рехтскаго Синода; свелъ знакомство съ нѣкоторыми достойными и учеными Реформатскими проповѣдниками и имѣлъ случай, при торжественномъ годичномъ собраніи Анабаптистовъ въ Рейнсбергѣ, узнать стараго почтеннаго Самуила Крелля или *Артемонія;* и, къ великому удовольствію, былъ приглашенъ къ столу его. — Второй годъ провелъ онъ въ обозрѣніи прочихъ знаменитыхъ городовъ Голландіи, а большее время въ Гагѣ и Амстердамѣ. Онъ внимательно осматривалъ въ семъ послѣднемъ городѣ достопамятнѣйшіе искуственные и натуральные кабинеты, познакомился съ славнѣйшими учеными, и у *Фаренгеймла* слушалъ еще одинъ разъ курсъ опытной Физики.

Онъ особливо искалъ знакомства знаменитыхъ мужей изъ всѣхъ сектъ; къ сердечному своему удовольствію находилъ вездѣ достойныхъ, праводушныхъ людей, и, по мѣрѣ умноженія его знакомства и дружбы съ ними, вывелъ изъ того опытное, счастливое и для всякаго истиннаго почитателя *ХРИСТОВА*, восхитительное заключеніе: сколько существенное ученіе Христіанства, при всемъ наружномъ различіи понятій, плодовито въ добрыхъ душахъ; сколь щастливо, согласно и спокойно, при благонамѣренной и основательной свободѣ

мыслей, могутъ жить Христіане различныхъ сектъ; и какимъ образомъ наконецъ каждая секта можетъ сохранить точное почитаніе къ Церкви и обществу, которыхъ членомъ она себя публично признала. —Что принадлежитъ до Церкви Лютеранской, то онъ жилъ въ тѣсной дружеской связи съ проповѣдникомъ Ванъ *Гарель*, ученѣйшимъ и истинно Лютеранскимъ Богословомъ, которой за благородной, откровенной, важной, любезной и некорыстолюбивой характеръ свой не только сердечно и съ искреннею любовію почитаемъ былъ отцемъ своихъ прихожанъ, но во всей Голландіи и между другими сектами былъ уважаемъ.

Когда новой проповѣдникъ Верхне Германской Лютеранской церкви въ Гагѣ сдѣлался болѣнъ и не было кандидата на его мѣсто: то попечители оной просили Іерузалема принять на себя сію должность, на сколько ему будетъ угодно. Это было для него случаемъ не только войти въ знакомство съ знаменитѣйшими членами сего сословія, но и въ другія выгодныя для него; и какъ онъ уже довольно пріобрѣлъ у нихъ любви, то ничто не возпрепятствовало бы ему заступить скоро потомъ сіе мѣсто, если бы онъ самъ не почиталъ себя къ тому слишкомъ молодымъ. Онъ хотѣлъ

еще путешествовать по Франціи и Англіи; но обстоятельства принудили его возвратиться въ свое отечество. Между тѣмъ онъ прежде отправился въ Бреду посмотрѣть великой Голландской лагерь; не опускалъ также случая посѣщать и другихъ городовъ въ Голландской Фландріи и Брабантѣ.

Возвратясь въ отечество Іерузалемъ не почелъ для себя выгоднымъ долго оставаться въ недѣятельности. Онъ дважды говорилъ проповѣдь, но не чувствуя никакой наклонности къ сему состоянію. Въ одной проповѣди доказывалъ онъ истинну воскресенія *ІИСУСОВА*. Около сего времени въ первой разъ появилось въ Германіи доказательство *Диттона* на сію матерію; тамошній проповѣдникъ, которой читалъ уже оную книгу, думалъ, что сіе доказательство Іерузалемъ заимствовалъ изъ ней. Молодой кандидатъ тогда совсѣмъ еще не зналъ *Диттона* и его доказательства; но какъ онъ скоро послѣ того самъ прочиталъ книгу, то къ удовольствію нашелъ доказательство свое въ мысляхъ и порядкѣ столь сходнымъ со *Диттоновымъ*, что подозрѣніе проповѣдника не могъ не почесть справедливымъ. Между тѣмъ склонность его все влекла къ ученой жизни, и къ удовольствованію оной скоро открылся вожделенной

случай. Ганноверской Статсъ-министръ Мингаузенъ сдѣлавъ планъ учредить въ Гетингенѣ особенной университетъ; потому что Гельмштедской былъ раздѣленъ между Ганноверскимъ и Волфенбиттельскимъ. Дабы предъупредить могущія встрѣтиться препятствія, онъ поспѣшалъ привесть въ исполненіе свое намѣреніе.

Какъ двое изъ молодыхъ Вестфальскихъ дворянъ намѣрены были посѣтить новой университетъ; то Іерузалемъ при семъ не упустилъ отправиться съ ними въ качествѣ Гофмейстера. По прибытіи его туда, былъ онъ принятъ съ великою ласкою и дружбою отъ учителей, изъ коихъ нѣкоторые были ему знакомы. Число ихъ скоро послѣ того умножилось великими мужами, столь много возвысившими славу сего новаго жилища музъ, кои равно удостоили его своей любви и дружества, и нѣкоторые сіи благородныя и нѣжныя чувствованія писали къ нему до конца дней своихъ. Особенно онъ имѣлъ счастіе съ самаго начала пріобрѣсть довѣренность и благосклонность великаго министра, которой имѣлъ неусыпимое, мудрое и болѣе нежели отеческое попеченіе о приведеніи сего университета въ цвѣтущее состояніе. Іерузалемъ даже удостоился Корреспонденціи его, и это въ послѣдствіи было причиною, (между тѣмъ

какъ онъ уже изъявилъ склонность свою къ ученой жизни) что Министръ предложилъ ему избрать Гиттингенъ вмѣсто Лейпцига. Предложеніе было принято, съ тѣмъ однакоже, что бы ему по крайней мѣрѣ на одинъ годъ отправиться въ Англію и тамъ нѣсколько пріуготовить себя къ новой должности. Такое намѣреніе Министръ совершенно одобрилъ. Почему, по окончаніи трехъ лѣтъ, онъ оставилъ должность Гофмейстера и послѣ кратковременнаго пребыванія въ Оснабрикѣ, предпринялъ путешествіе въ Англію.

Едва провелъ онъ въ Лондонѣ нѣсколько недѣль, какъ счастливымъ случаемъ вошелъ въ искреннее знакомство съ Прусскимъ Министромъ Барономъ *Андріе*, а чрезъ него въ новыя, пріятныя, выгодныя и почтенныя связи, о коихъ онъ по своему состоянію не могъ и подумать. Сія дружеская связь съ почтеннымъ Министромъ осталась непремѣнною не только во время пребыванія въ Лондонѣ; но онъ съ такимъ же чистосердечіемъ продолжалъ оную и по возвращеніи въ Берлинъ, даже до конца жизни своей.

Во время пребыванія Іерузалема въ Англіи, продолжавшагося около трехъ лѣтъ— при столь обширномъ и знаменитомъ знакомствѣ во всѣхъ состояніяхъ и классахъ

людей, его внимательность необходимо должна была раздѣляться на обозрѣніе многоразличныхъ предметовъ: особливо — на познаніе человѣка вообще; ибо здѣсь человѣчество еще оригинально; на образующійся духъ націи по сему подлиннику; на состояніе наукъ, и наипаче учености словесной, Философской и Богословской; на господствующія мысли въ Религіи, какъ фанатическія и вольнодумныя, такъ и правильныя. Натурально, что онъ также старался пріобрѣсть знакомство знаменитыхъ мужей въ своемъ родѣ; но изчислять имена ихъ, было бы совсѣмъ безполезно.

Причиною долговременнаго пребыванія Іерузалема въ Англіи было то, что предложеніе, касательно Геттингенскаго университета, не совсѣмъ согласно было съ его ожиданіями. Потому онъ рѣшился было остаться въ Англіи; многіе и съ великими выгодами предлагали ему путешествовать въ чужія земли съ молодыми, знатной породы господами; но различные опыты, напомнившіе ему, сколь опасно иногда можетъ быть сіе блистательное мѣсто, отклонили его отъ того. Съ одной стороны друзья его не охотно смотрѣли на рѣшимость его — остаться въ Англіи;—и первой Нѣмецкой Министръ и Статсъ-секретарь, великой его благодѣтель, также и другіе чиновники сего

Департамента соединились, что бы убѣдить его возвратиться въ Германію; а наипаче потому, что и въ Ганноверѣ онъ будетъ имѣть покровительство. Сверхъ того онъ уже имѣлъ счастіе сдѣлаться извѣстнымъ Королю, и точно ему не откажутъ въ самыхъ лучшихъ рекомендаціяхъ, на полученіе мѣста въ Королевско-Ганноверской консисторіи. Въ слѣдствіе сего лѣтомъ 1740 года онъ возвратился въ Германію на флотѣ, перевозившемъ Короля въ Нѣмецкія владѣнія. Онъ не долго оставался въ отечественномъ городѣ, но отправился прямо въ Ганноверъ съ самыми выгодными рекомендательными письмами къ тамошнимъ Гг. Министрамъ. Между тѣмъ письмо Прусскаго Министра *Андріе* къ первому Королевско-Прусскому Посланнику въ Ганноверѣ Графу *Трухзесцу* столько было дѣйствительно, что сей великой человѣкъ принялъ Іерузалема съ чрезвычайною благосклонностію, и на весьма выгодныхъ положеніяхъ уговорилъ его ѣхать въ Берлинъ. Сіе предложеніе было столь лестно, что онъ согласился. Потому нашелъ себя въ обязанности обоимъ Ганноверскимъ Министрамъ, Швихельду и Буше, кои при доставленіи имъ рекомендацій приняли его такъ благосклонно, объявить свое намѣреніе. Сіи почтенные Министры со всею ласковостію

предсшавляли ему, чшо шеперь сшоль лесшные для него виды въ Берлинѣ, скоро могушъ перемѣниться: ибо молодой Король можешъ сшашься ранѣе, нежели какъ о шомъ думаюшъ, объявишъ войну Авсшріи по причинѣ своихъ шребованій на Шлезію; за симъ неминуемо послѣдуешъ ошсушсшвіе Трухзезца и лишеніе всѣхъ ожидаемыхъ ошъ него выгодъ. (Такъ какъ и дѣйсшвишельно сей почшенной мужъ въ первую Силезскую войну пошерялъ жизнь). Напрошивъ шого, если онъ желаешъ осшашься въ Ганноверѣ, Министръ Швихельдъ по великодушію своему предлагалъ ему свой домъ, сшолъ, общесшво и дружбу. Сіе сшоль милосшивое предложеніе безъ дальнихъ размышленій Іерузалемъ на другой день и принялъ, съ полнаго согласія Графа Шрухзесца. Давно уже грозившая война скоро пошомъ ошкрылась. Король Прусской вступилъ въ Силезію и Министръ *Швихельдъ*, извѣсшный шакже по вкусу своему къ изящнымъ наукамъ, получилъ ошъ своего Государя повелѣніе, въ качесшвѣ посланника ошправиться къ Королю Прусскому и ему вездѣ сопушсшвовашь. Іерузалемъ ошъ своего благодѣшеля получилъ предложеніе, ѣхашь съ нимъ вмѣсшо Секрешаря посольсшва. Но сколько мало онъ имѣлъ наклонносши къ проповѣднической должносши, шакъ чшо его не мог-

ли уговорить къ оной, не смотря на столь многія рекомендаціи на полученіе мѣста въ Королевской консисторіи, не смотря также на то, что первые члены сего высокаго сословія были или благодѣтели или друзья его; столько напротивъ любилъ онъ свою Богословію и не могъ оставить ее. Къ счастію онъ имѣлъ случай рекомендовать Министру на это мѣсто достойнаго и вѣрнаго своего друга. Отсутствіе его благодѣтеля было причиною другой новой связи съ столь же благороднымъ человѣкомъ, Полковникомъ *Шперке*, бывшимъ послѣ того въ семилѣтнюю войну Ганноверскимъ Фельдмаршаломъ, которой также просилъ его жить въ своемъ домѣ и принять на себя трудъ, смотрѣть за воспитаніемъ единственнаго своего сына. Обращеніе съ симъ превосходнымъ мужемъ и ближайшее знакомство и дружество со многими благородными людьми сего состоянія, дѣлали ему эту связь особенно пріятною. Между тѣмъ въ теченіи сего времени дѣланы были ему различныя, очень выгодныя предложенія; особенно Министръ *Мингаузенъ* продолжалъ оказывать ему всякимъ образомъ свою довѣренность и благосклонность. Но наконецъ онъ въ нерѣшимости, что избрать ему, принялъ намѣреніе опять возвратиться въ Англію.

XIII

Во время занятія его пріуготовленіемъ къ путешествію, получилъ онъ отъ одного Министра *Герцога Брауншвейгскаго* приглашеніе, явиться къ его Свѣтлости для аудіенціи. Сіе предложеніе поразило его тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ ни Герцога, ниже другаго кого либо изъ его придворныхъ. Прибывъ туда, онъ крайне удивленъ былъ какъ чрезвычайною благосклонностію Герцога и всей фамиліи; такъ и достоинствомъ и великолѣпіемъ двора. Ему сдѣлали предложеніе, что бы онъ принялъ на себя образованіе и воспитаніе *Свѣтлѣйшаго Наслѣднаго Принца*, которому тогда было семь лѣтъ, съ тѣмъ условіемъ, что бы онъ въ придворной церкви въ свою очередь говорилъ проповѣди; а когда дворъ лѣтомъ будетъ въ Сальцдалумѣ, тогда исключительно на одного его возлагается сія должность.

Сей неожиданный случай Іерузалемъ почиталъ званіемъ, къ коему избрало его *Провидѣніе;* и въ твердомъ намѣреніи, никогда не искать вмѣсто сего другаго, онъ вступилъ въ свою должность въ половинѣ 1742 года.

Когда онъ привыкъ къ новому своему положенію и занятіямъ по свой должности; то вознамѣрился привесть въ лучшій порядокъ свои домашнія дѣла, и что бы дать совершеннѣйшій видъ новой своей жизни, онъ от-

правился въ Эрфуртъ, вступить въ супружество со вдовою покойнаго Геттингенскаго Профессора Албрехта, вѣрнаго его друга, дочерью стараго достопочтеннаго Перейфера; чѣмъ и положилъ онъ основаніе къ будущему спокойствію и счастію своей жизни.

Скоро послѣ того Іерузалемъ имѣлъ случай обстоятельно разговаривать съ *Его Свѣтлостію Герцогомъ* и его Министромъ о лучшемъ постановленіи, касательно публичнаго воспитанія въ школахъ; и въ слѣдствіе сего начерталъ онъ планъ еще и нынѣ процвѣтающаго *Каролинскаго Коллегіума*. По волѣ Герцога онъ исполнилъ его въ слѣдующемъ году, упорядочилъ все устроеніе сего учебнаго заведенія, выбралъ учителей и надзирателей, назначилъ имѣющія преподаваться въ немъ науки, учредилъ порядокъ лекцій, каковой продолжается еще и доселѣ. Онъ наименованъ былъ первымъ попечителемъ Коллегіума; притомъ къ чести своей увидѣлъ почтеннымъ сочленомъ своимъ великаго *Моссейма*, которой до того времени находился въ Гельмштедтѣ и его нѣжно, дружески любилъ. А дабы сему обширному заведенію дать совершенно твердое бытіе, Іерузалемъ взялъ на себя, пять лѣтъ имѣть Коллегіумъ въ личномъ управленіи; что однако же онъ, по Высочайшему изволенію,

продолжалъ двадцать пять лѣтъ. Не нужно говорить о всеобщемъ одобреніи, съ каковымъ сіе великое и блистательное заведеніе принято во всей Германіи; слава превосходныхъ учителей, прудившихся въ ономъ, всѣмъ извѣстна. Спустя годъ послѣ того, онъ обширнымъ предисловіемъ къ одной, самой по себѣ ничего не значущей, съ Англинскаго языка переведенной книгѣ: *о нѣкоторыхъ заведеніяхъ для бѣдныхъ*, подалъ первой случай къ достохвальному *институту для бѣдныхъ*. Скоро самъ *Герцогъ*, коего ревность и любовь къ благотворнымъ учрежденіямъ почти неизтощимы, и многіе знаменитые граждане съ благороднымъ человѣколюбіемъ начали приводить въ дѣйство планъ заведенія *для бѣдныхъ*, довели до настоящаго совершенства и теперь поддерживаютъ оное своимъ рвеніемъ. Поелику богатые капиталы, ассигнованные для бѣдныхъ, и великодушныя произвольныя пожертвованія гражданъ сего города, дѣлали не нужными постороннія вспомоществованія, кои для людей посредственнаго состоянія могли бы быть отягощительны: то Іерузалемъ вмѣсто предоставленной изключительно сиротскому дому продажи книгъ, начерталъ планъ книжной торговли, въ коей всѣ подданные Герцога могли участвовать, а чрезъ то сія торговля тѣмъ болѣе бы воз-

высилась, распространилась по сѣверу и была бы прибыточнѣе. Но сіе намѣреніе, со всѣми своими патріотическими видами, осталось безъ исполненія. Между тѣмъ *Его Свѣтлость Герцогъ*, въ доказательство высокаго своего вниманія къ его трудамъ, пожаловалъ ему оба тамошнія настоятельства Св. *Креста* и *Егидія*; а въ вознагражденіе великихъ издержекъ, каковыя особенно нужны были при первомъ учрежденіи Каролинскаго Коллегіума, подарилъ Аббатство Маріентальское, послѣ того, какъ достопочтенный великій Богословъ Германіи, Аббатъ *Мосгеймъ* отправился въ Геттингенъ, для принятія Канцлерскаго достоинства.

Уроки и всегдатнее общество наслѣднаго Принца, вмѣстѣ со многими разсѣяніями двора, а особливо во время пребыванія его въ Сальцдалумѣ; проповѣди, которыя надобно было говорить всякое воскресенье публикѣ примѣчательной и жаждущей большаго просвѣщенія, сочиненіе коихъ для Іерузалема вдвое было затруднительно, потому что онъ мало ими занимался и не снискалъ еще навыка; чрезвычайно важное и по своимъ частямъ обширное управленіе *Каролинскаго Коллегіума*, которое, по причинѣ отдаленія отъ города, было тѣмъ затруднительнѣе — столько за-

нимали его, что ему для распространенія своихъ тѣсныхъ, еще слишкомъ ограниченныхъ познаній, не оставалось другаго времени, кромѣ поздыхъ часовъ ночи; между тѣмъ, какъ силы его очевидно ослабѣвали. Впрочемъ сколь ни мало оставалось ему времянина сочиненіе *проповѣдей*, и сколь ни слабою ему самому казалась сія поспѣшная работа, но онъ долженъ былъ согласиться напечатать не большое *собраніе оныхъ*, а два года спустя еще *одинъ томъ*. Какъ скоро первой томъ былъ напечатанъ, Государственной Саксонской Министръ Графъ Мантефель перевелъ нѣкоторую часть онаго на Французской языкъ для Принца Валлійскаго, а Галльской Канцлеръ Вольфъ приписалъ къ тому предисловіе. Потомъ вышелъ и Голландской переводъ оныхъ проповѣдей, того ученаго, которой послѣ перевелъ *Размышленія о Религіи* и коего переводъ, по красотѣ слога, почитали мастерскимъ произведеніемъ.

Въ одинъ изъ сихъ годовъ, по желанію Гельмштедскаго Богословскаго Факультета, Іерузалемъ долженъ былъ принять титулъ *Доктора*. Но важнѣйшимъ его занятіемъ около сего времени была торжественная конфирмація наслѣднаго Принца, съ которымъ онъ за два года, прежде нежели Дворъ перенесъ резиденцію изъ Волфен-

биттеля въ Брауншвейгъ, туда отправился, частію для того, что бы быть ближе къ Коллегіуму, а болѣе для того, что бы Принцъ могъ слушать въ оной уроки. Здѣсь получилъ онъ отъ Герцога совершенно не ожиданно — въ милостивыхъ выраженіяхъ изустное предложеніе: оставить совсѣмъ Богословскія упражненія и при его глазахъ, вмѣстѣ съ первымъ Министромъ заняться дѣлами въ кабинетѣ. Іерузалемъ съ униженнѣйшею благодарностію отклонилъ оное, сказавъ: что онъ въ настоящемъ званіи желаетъ употреблять свои слабыя способности на благоугожденіе *Его Свѣтлости*. Но какъ сей отвѣтъ былъ не удовлетворителенъ, то Герцогъ поручилъ старому Фельдмаршалу Графу Саккедорфу, которой былъ тому свидѣтелемъ, уговорить Іерузалема. Однако причины сего послѣдняго столь были важны, что онъ никакими блестящими выгодами не могъ быть отклоненъ отъ своего намѣренія, и старой, благоразумной герой наконецъ самъ призналъ оныя справедливыми. И такъ Іерузалемъ осталъ тѣмъ, чѣмъ былъ, и совершенно успокоился когда узналъ, что и самъ Герцогъ ни мало не огорчился его рѣшительностію.

Послѣ того Іерузалемъ вмѣсто Аббатства Маріенталъскаго, получилъ Риддагсгаузенъ, а съ нимъ вмѣстѣ принялъ и слав-

ную Семинарію, въ которой на Государственномъ иждивеніи, подъ управленіемъ Аббата, образовались для проповѣдническихъ мѣстъ двѣнадцать Кандидатовъ, окончившіе курсъ Академическаго ученія—имѣя открытой столъ, покойныя комнаты, пользуясь освѣщеніемъ и прислугою, пріятнымъ садомъ и всѣми другими выгодностями; для нихъ была также изрядная библіотека, содержащая лучшія книги, къ предмету ихъ относящіяся.—А что бы имъ тѣмъ болѣе ознакомиться съ занятіями будущаго своего званія: то они обязываются съ Суперъинтендентомъ и Пріоромъ по-недѣльно отправлять всѣ публичныя церковныя должности поперемѣнно, а наконецъ двое старшихъ поступаютъ на мѣста. Что бы сіе превосходное заведеніе для настоящаго времени здѣлать еще полезнѣе; Іерузалемъ перемѣнилъ прежніе безполезные монашескіе споры въ совершеннѣйшія и болѣе полезныя догматическія, литтературныя и разговорныя упражненія. Но какъ съ одной стороны образованіе постепенно болѣе развертывающагося великаго ума и благороднаго сердца наслѣднаго Принца, также столь трудное правленіе Коллегіумомъ требовали всѣхъ его силъ и времени; то съ другой нужныя мѣры къ оному новому предпріятію еще отнимали у него большую часть

времени столь необходимаго для ночнаго успокоенія, такъ что ему едва оставалось для сна три или четыре часа. Ближайшимъ того слѣдствіемъ, при столь худомъ сложеніи и чрезвычайной нервной слабости, какъ и натурально, было крайнее безсиліе и смертная болѣзнь, сопровождаемая мучительными припадками. Но Провидѣніе сохранило его и къ облегченію онъ уволенъ былъ отъ проповѣдей. За то онъ вступилъ въ ближайшую связь съ прочими Свѣтлѣйшими Принцами, коихъ образованіе и воспитаніе хотя не было собственно ему препоручено; но какъ онъ, по Всемилостивѣйшему повелѣнію, имѣлъ за ними смотрѣніе, то, съ самыхъ младыхъ лѣтъ ихъ, состоялъ съ ними въ тѣсной связи. Онъ также имѣлъ счастіе ихъ конфирмовать, послѣ того, какъ онъ каждаго напередъ цѣлой годъ наставляль въ Религіи. *Фридрихъ* и *Генрихъ* въ послѣдніе годы семилѣтней войны уже слѣдовали на поле брани за своимъ старшимъ братомъ и великимъ дядею, и любви достойный Генрихъ въ первой походъ лишился жизни. Іерузалемъ описалъ его краткую, но достойную вниманія жизнь; ее можно читать на многихъ языкахъ. Іерузалемъ еще прежде окончанія семилѣтней войны имѣлъ счастіе быть представленъ *Королю Прусскому*, по собственному по-

велѣнію *ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА*, когда онъ посѣщалъ Герцога Брауншвейгскаго въ Сальцдалумѣ.—Какъ *Король* и прежде имѣлъ не однократно свиданія съ Герцогомъ, то Іерузалемъ былъ уже ему извѣстенъ. Но шеперь *ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ* угодно было проговорить съ нимъ цѣлые три часа. По окончаніи сего разговора Іерузалемъ не зналъ, чему болѣе удивляться, — великому ли богатству познаній, проницательному ли необыкновенному уму; или наконецъ благосклонной снисходительности *Великаго Монарха*. Теперь, имѣя болѣе прежняго времени для покоя, Іерузалемъ вознамѣрился употреблять свободные часы на объясненіе и утвержденіе *Религіи откровенной*, и по особенному случаю началъ *письмами о Религіи Моисеевой*, которыя ученой и знаменитой Г. Тайный Совѣтникъ Монлинасъ въ Берлинѣ перевелъ *на Французской языкъ*; но сей переводъ, къ сердечному прискорбію сочинителя, по несчастному случаю остался не печатанъ. Впрочемъ и сіи письма не были болѣе продолжаемы; ибо Іерузалемъ, по желанію наслѣднаго Принца, рѣшился по плану, приложенному въ первой части *размышленій*, сочинить полную систему *Религіи*. Но исполненіе сего намѣренія, которое онъ думалъ окончить въ два года, было прерываемо столь многоразличными

посторонними отвлеченіями и заняшіями, что онъ совсѣмъ было потерялъ надѣжду пережить оныя, тѣмъ болѣе, что по изданіи первой части *на 69 году*, онъ впалъ въ такую сильную и мучительную болѣзнь, которая его столько приближала ко гробу, сколько человѣкъ можетъ только быть къ нему близокъ, если онъ еще долженъ остаться въ сей жизни. Но такъ было угодно милосердому Провидѣнію.

Спустя два года послѣ того Іерузалемъ получилъ отъ Прусскаго Короля съ самыми лестными условіями предложеніе: принять аббатство *Берское* и Генералъ Суперъ—интенденшское мѣсто въ Герцогствѣ *Магдебурсколъ*; но для него не возможно было разлучиться съ милостивымъ Герцогомъ и съ *Свѣтлѣйшею* фамиліею, которая съ самаго вступленія его въ сію землю съ совершенною довѣренностію продолжаетъ питать къ нему благосклонныя чувствованія.—И такъ онъ отказался отъ сей милости Короля, что и для сего послѣдняго не было оскорбительно. Едва прошелъ годъ послѣ того, какъ онъ получилъ отъ *Его Величества* Короля *Англійскаго* чрезъ перваго Министра *Бера* приглашеніе, пріѣхать въ Гешгингенъ, что бы тамъ заступить мѣсто покойнаго Канцлера, великаго *Мосгейма*. Какъ онъ почти всю жизнь провелъ

въ разсѣяніи и едва нѣсколько часовъ могъ посвящать учености: то сильное желаніе необходимо-нужнаго для него покоя столько имъ овладѣло, что онь рѣшился принять оное предложеніе, наипаче чувствуя слабость сложенія своего, чувствуя удвояющуюся тяжесть скучной старости, и не видя при томъ надѣжды освободиться когда либо отъ Коллегіума, который столь много его тяготилъ. Но съ другой стороны онъ трепеталъ приближенія той минуты, въ которую долженъ будетъ разорвать столь нѣжныя и пріятныя связи. Однако привлекательная благосклонность Герцога и особенно увѣреніе наслѣднаго Принца, что его желаніе, касательно коллегіума скоро исполнится, побѣдили всѣ другія размышленія и принудили его отказаться отъ приглашенія; и сіе тѣмъ легче было здѣлать, когда въ Королевскомъ письмѣ ясно изображено, что сія перемѣна не должна быть соединена съ неудовольствіемъ Герцога и наслѣднаго Принца. Съ большимъ еще удовольствіемъ и благоволеніемъ приняла симъ милостивымъ Правительствомъ его послѣдняя рѣшительность посвятить себя до конца жизни на службу сему высокому двору и Государству. Но что и для него самаго могло быть утѣшительнѣе, какъ увѣреніе, что съ сего времени ничто, кромѣ смерти, не можетъ ра-

зорвать сей счастливой связи, въ которой онъ провелъ большую, лучшую часть своей жизни? *Герцогъ* хотѣлъ, что бы Іерузалемъ, въ доказательство его благоволенія, вмѣстѣ съ другими знаками милости, получилъ мѣсто *Вице-Президента Консисторіи.* Онъ дѣйствительно принялъ сей чинъ и занялъ свое мѣсто въ Коллегіи; но также, какъ случилось за нѣсколько лѣтъ до того прежде, всеподданнически выпросилъ увольненіе по причинѣ многихъ дѣлъ, сопряженныхъ съ оною должностію. Сверхъ того много препятствовало и мѣстное положеніе: ибо Консисторія оставалась въ Волфенбиттелѣ, и если быть въ ней только однажды въ недѣлю, то и сіе въ зимнее время покрайней мѣрѣ отняло бы два дни. Напротивъ того священнѣйшею для него должностію до послѣдней минуты жизни было: съ радостію и вѣрностію жертвовать своими способностями и силами истинѣ *всесовершеннѣйшей Религіи нашего ИСКУПИТЕЛЯ*, большему ея утвержденію, изъясненію и плодотворности, особенно къ славѣ и благословенію той страны, въ которой принялъ онъ намѣреніе окончить жизнь свою.

Онъ скончался въ 1789 году съ спокойствіемъ и твердостію истиннаго Христіанина. Жители Брауншвейгскіе по нынѣ благословляютъ память его.

РАЗМЫШЛЕНІЕ III.

Состояніе міра и Религіи отъ потопа до Моисея.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Отъ Ноя до Авраама.

Исторія о потопѣ.

Сочинитель переходитъ къ сей исторіи описаніемъ всемірнаго потопа. Ибо если симъ наводненіемъ началась совершенно новая Исторія человѣчества, если ничто лучше не могло утвердить великой главной истины Вѣры, что Богъ не только Творецъ, но и верховный Правитель міра: то Моисей не только лишилъ бы яснѣйшихъ доказательствъ всю свою систему Религіи, но и прервалъ бы даже существенную связь повѣствованія о ней, когда бы опустилъ сіе важное происшествіе. Содержаніе его слѣдующее: когда духъ страха Божія, пребывавшій еще въ одной части людей, съ умноженіемъ и распространеніемъ ихъ, болѣе и болѣе ослабѣвалъ; когда сіе ожесточеніе, особенно отъ легкомысленныхъ союзовъ съ явными презрителями Божества, сдѣлалось столь общимъ, что наконецъ всякое чувство нравственности

и страха Господня изчезло во всей землѣ, выключая одно сѣмейство Ноево: тогда Богъ, по праведному суду своему, навелъ потопъ на землю, который изтребилъ весь нечестивый родъ человѣческій; однако же такъ, что видъ земли и обитаемыхъ на ней, въ сообразность перваго ихъ устроенія, остались непремѣнными. *Ной*, которой въ доказательство промысла, бдящаго надъ міромъ, за правду свою, долженъ быть сохраненъ съ своею фамиліею для рзсмноженія рода человѣческаго, въ откровеніе получилъ повелѣніе изготовить покрытой корабль, что бы при наступленіи наводненія съ домашними спастись въ ономъ, и взять съ собою всякаго рода животныхъ столько, сколько нужно для продовольствія его сѣмеистса и населенія новой земли. Какъ скоро окончились сіи пріуготовленія; то въ опредѣленное время открылся сей страшный потопъ. При сорокодневномъ непрерывномъ дождѣ вдругъ океанъ, *или великая бездна* такъ поднялась изъ своей полости, что волны покрыли и самыя высочайшія горы. Послѣ того какъ вода стояла на сей высотѣ сто пятдесятъ дней и все живущее на землѣ погибло, ужасное сіе наводненіе начало умаляться и вѣтеръ мало по малу осушилъ землю такъ, что наконецъ Ной могъ оставить свой корабль, и начать снова воздѣлывать землю. Вотъ сокращеніе полнаго описанія, каковое сочинитель о семъ помѣстилъ въ 6, 7 и 8 главахъ.

Важность произшествія сего для Ноя и потомковъ его.

Нѣтъ ни одного произшествія, которое бы могло привести въ большее изумленіе Ноя и дѣтей его, которое бы было важнѣе, что бы о немъ помнить; не было ни одного приключенія, которое бы яснѣе открывало Промыслъ бдящій о человѣкѣ, Промыслъ праведный, который для нихъ былъ всегда священнымъ; не было ни одного произшествія, которое бы они при торжественныхъ собраніяхъ пристойнѣе могли воспѣвать въ Священныхъ пѣсняхъ, и память его распространять даже до отдаленнѣйшихъ потомковъ. Самое описаніе имѣетъ всѣ признаки, подтверждающіе мысль нашу. Способъ, какъ представлено развращеніе людей; описаніе Божія опредѣленія; частыя и одно за другимъ слѣдующія повторенія; обоихъ сихъ случаевъ разнообразное, обильное повѣствованіе; ибо индѣ описывается исторически опредѣленіе Божіе, а индѣ самъ Богъ вводится говорящимъ; самое описаніе потопа, древнее названіе корабля,—все это есть языкъ глубочайшей древности.....

Развратъ людей былъ причиною потопа.

Причиною повѣствуемаго здѣсь нещастнаго приключенія полагается таже чувственность, которая произвела паденіе прародителя и его ближайшихъ по-

томковъ; ибо одна часть рода человѣческаго, оставивъ всякое чувство страха Божія, столько предалась плотскимъ наслажденіямъ, что въ третьемъ родѣ почитаніе истиннаго Бога было уже главнымъ отличительнымъ характеромъ. Хотя нѣкоторыя другія фамиліи своимъ непорочнымъ, Богобоязненнымъ житіемъ, какъ сыны Божіи, отличались нѣсколько времени отъ оныхъ нечестивыхъ, и пребыли вѣрны сему исповѣданію Божества и Его Провидѣнію: но какъ они, мало по малу размножаясь, отдалялись отъ хижинъ своихъ Богобоязненныхъ родителей, то сія развращающая чувственность овладѣла и ими; чувство и жаръ Религіи постепенно угасалъ; они повиновались только слѣпымъ натуральнымъ влеченіямъ. А когда безъ всякаго страха стали они вступать въ тѣснѣйшія связи съ явными презрителями Божества; то наконецъ сія беззаконная чувственность сдѣлалась столь общею, что и тѣ, кои доселѣ почитали особенною славою называться поклонниками и сынами Божіими, сдѣлались такими же исполинами (титанами и центаврами) какъ и прочіе, — безъ всякаго чувства нравственности и справедливости; отрицали Провидѣніе, противились небесамъ, и нагло предавались всѣмъ дикимъ и сильнымъ страстямъ.

О исполинахъ.

Люперъ переводитъ сіи слова: *Гиббо-*

римъ и Нефилимъ—тираны и насильствующіе, вѣроятно для того, чтобы не утвердить тѣмъ басни о гигантахъ; впрочемъ названіе Исполины гораздо было бы приличнѣе въ семъ древнемъ стихотворномъ языкѣ. Не надобно однако же думать, что бы былъ дѣйствительно какой родъ Исполиновъ. Природа столь же мало производитъ цѣлыхъ породъ великановъ, какъ и карлъ; натуральная человѣческая величина по крайней мѣрѣ полагается между четырью и семью футами. И карлы и великаны суть только особенныя выродки, кои не могутъ размножаться. Всѣ Исполины древности суть ничто иное, какъ символическія существа и твари воображенія; всѣ древніе народы изображали Гигантами своихъ великихъ предковъ, когда они хотѣли представить ихъ чудесные геройскіе подвиги. Нравственная великость еще не была извѣстна въ сіи грубыя времена; тогда не знали другой великости, кромѣ буйной храбрости и силы, состоявшей въ беззаконномъ насиліи, каковую піитическое воображеніе, что бы сдѣлать ее тѣмъ чрезвычайнѣе и страшнѣе, не могло лучше представить, какъ подъ видомъ ужаснаго Исполина.

Способъ повѣствованія сего приличествовалъ тогдашнему времени и понятію человѣка.

Вотъ языкъ природы, безъ примѣси подражанія!—Таковыми Исполинами опи-

сывали въ пѣсняхъ своихъ героевъ древніе *Сѣверные* народы; такіе же исполины *Греческіе Алоиды* и *Титаны*, въ девять аршинъ вышины, кои увѣрены будучи въ непреодолимой своей силѣ, ставили горы на горы, и думали овладѣть самимъ небомъ. Такой же точно языкъ и въ семъ повѣствованіи. Но какъ злость сихъ людей всегда умножалась, продолжаетъ по семъ историкъ; то Богъ раскаялся и оскорбѣлъ, что сотворилъ ихъ, и потому рѣшился, по истеченіи еще ста двадцати лѣтъ, всеобщимъ потопомъ истребить отъ земли весь сей злочестивой родъ. *Богъ раскаялся и опечалился, что сотворилъ ихъ:* вотъ языкъ, которой, судя по нашимъ совершеннѣйшимъ и яснѣйшимъ понятіямъ о Существѣ Высочайшемъ, кажется неприличенъ и унизителенъ; но которой тѣмъ болѣе утверждаетъ глубокую древность сего описанія. Человѣкъ можетъ имѣть правильное понятіе о Богѣ, онъ долженъ имѣть его; ибо это имѣетъ вліяніе на его нравственность; онъ долженъ знать въ Богѣ Господа міра, Всевѣдущаго, Святаго и Справедливаго Правителя его: но въ младенчествѣ ума своего онъ не понимаетъ его Провидѣнія отвлеченнымъ образомъ; онъ не можетъ представить себѣ умозрительно всевѣдущаго предъувѣденія и съ нимъ соединенныхъ непремѣнныхъ опредѣленій; разумъ возвышается до сихъ поня-

тій постепенно по мѣрѣ того, какъ оной утончается. Непросвѣщенный не иначе можетъ вообразить себѣ Бога и Его Провидѣніе, какъ подъ видомъ человѣческимъ, судя по себѣ; только что онъ въ Богѣ все представляетъ неограниченнымъ. По семуто представленію Богъ все видитъ, любитъ и награждаетъ добро, ненавидитъ и наказываетъ зло, и какъ Господь природы располагаетъ дѣйствіями ея по своему произволенію; но онъ видитъ, устрояетъ и ощущаетъ все какъ человѣкъ; онъ видитъ все, но не прежде, какъ уже это случится; потому-то перемѣняетъ онъ свои намѣренія; потому-то предписываетъ онъ перемѣны въ природѣ; отсюда происходятъ долготерпѣливое испытаніе и надежда исправленія; отсюда гнѣвъ, возбужденное состраданіе; отсюда (какъ здѣсь) раскаяніе, сожалѣніе, что онъ сотворилъ такихъ людей, коихъ по злобѣ ихъ долженъ истребить. Человѣкъ не просвѣщенный смотритъ только на послѣдствія въ природѣ; если онѣ бываютъ иначе, нежели какъ онъ думалъ, онъ почитаетъ сіе перемѣною Божія намѣренія, воображаетъ въ Богѣ такія же душевныя движенія, какія самъ ощущаетъ въ семъ случаѣ, и вводитъ Бога говорящимъ тоже, что онъ самъ сказалъ бы въ семъ случаѣ.

Такимъ точно образомъ говорится о Богѣ во всей этой книгѣ; потому что не могъ возвыситься еще слабый человѣческій

разумъ; да и мы не можемъ иначе говорить о семъ Высочайшемъ Существѣ съ дѣтьми, если не хочемъ ослабить на сердцѣ впечатлѣнія истины, содержащейся въ семъ ученіи. Философы! И наша столь высокая и столь утонченная Метафизика не остается ли все еще дѣтскимъ языкомъ, когда мы говоримъ о семъ безконечномъ духѣ? Слѣдовательно этотъ языкъ о Богѣ можетъ только для того быть унизителенъ, кто не знаетъ языка младенческаго разума. Истинный Философъ съ удовольствіемъ видитъ здѣсь подлинной языкъ глубочайшей древности; и какъ сія Исторія, такъ и вся книга лишилась бы всей вѣроятности въ разсужденіи древности, если бы въ нихъ употребленъ былъ языкъ Метафизическій.

Дѣйствія потопа.

Наконецъ наступаетъ время исполниться угрожаемому наводненію. Ной съ своимъ сѣмействомъ и съ животными, которыхъ онъ взялъ, входитъ въ уготованный для его сохраненія ковчегъ, (обыкновенное древнее названіе кораблей) и Богъ закрываетъ его; Провидѣніе бодрствуетъ надъ нимъ, что бы онъ и все находящееся съ нимъ нашли тамъ безопасное убѣжище. И се! отверзаются хляби небесныя; при сорокодневномъ дождѣ вдругъ открываются всѣ источники великой бездны; рѣки выступаютъ изъ береговъ, океанъ подни-

мается, вода разливается по всей обитаемой землѣ, и мало по малу столько возвышается, что покрываетъ и самыя высочайшія въ свѣтѣ горы.

Возраженіе враговъ откровенія о вѣроятности потопа.

За симъ слѣдуетъ вмѣстѣ бездна возраженій, коими враги откровенія думаютъ совершенно отвергнуть вѣроятность и важность сей истины. „Наводненіе, кото„рое покрывало самыя высокія горы на „всей землѣ: какая странная баснь! воз„клицаютъ они; какой разумъ можетъ „вообразить себѣ такое множество воды „безъ новаго творенія? А потомъ новое „чудо! Сіе твореніе опять уничтожитъ, „что бы землю сдѣлать обитаемою.“ Но это еще не все. „Какой чудесной ин„стинктъ побуждаетъ вдругъ всѣхъ птицъ, „скотовъ и насѣкомыхъ оставить назна„ченныя имъ природою страны, и со „всѣхъ сторонъ земли, изъ Америки и „отъ полюсовъ, попарно идти въ Азію, „идти къ Ноеву жилищу? Кто показалъ „имъ этотъ путь? Кто помогъ имъ пройти рѣки и моря? Гдѣ находили они на „семъ путешествіи пищу, природою имъ „назначенную? Какъ могли они противъ „своей натуры переносить различные „климаты? Сколь много такихъ живот„ныхъ, которые не достигли бы ковчега „Ноева даже въ десятомъ родѣ? Гдѣ было

„мѣсто въ кораблѣ для помѣщенія столь „многихъ животныхъ, для сохраненія столь „различной пищи? Какъ узналъ Ной пер„вое? Гдѣ находилъ онъ послѣднее? Какъ „могли люди вспомоществовать Ною въ „совершеніи ковчега? Кто вдругъ львовъ, „тигровъ и носороговъ сдѣлалъ столько „смирными, что они спокойно дали себя „заперетъ? Какъ послѣ того звѣри сіи „возвратились въ природныя страны? Кто „собралъ въ ковчегъ хищныхъ и мно„гихъ другихъ вредоносныхъ живот„ныхъ и обратно возвратилъ ихъ на „острова, на коихъ онѣ нынѣ обитаютъ? „Какое неизъяснимое стеченіе страшныхъ „чудесъ, — чудесъ большихъ, нежели, „сколько нужно было бы для новаго сот„воренія! И для чего всѣ сіи чудеса, для „чего сіе совершенное разрушеніе цѣлой „земли? — Чтобъ уничтожить человѣче„скій родъ, которой Богъ едва только со„творилъ; коего врожденную слабость онъ „потомъ самъ съ раскаяніемъ сознаетъ, „и которой послѣ того не сдѣлался луч„шимъ. Что можетъ сдѣлать презри„тельнѣе Всемогущество, Премудрость и „справедливость Божію; и какое суевѣріе „довольно сильно, что бы книгу, которая „содержитъ такія басни, такія соблазни„тельныя понятія о Божествѣ, почитать „Священною, а сочинителя ея Боговдохно„веннымъ писателемъ. “

Какимъ образомъ отражаемы были таковыя возраженія.

Уже извѣстно, сколь многіе различными и многими способами старались защитить истину сей Исторіи отъ таковыхъ возраженій. *Бурнетъ*, желая объяснить множество воды, не допуская притомъ чуда, представлялъ себѣ первой видъ земли совсѣмъ иначе. *Вистонъ* съ большею вѣроятностію принялъ для сего Комету; мысль —какую и до него еще имѣлъ великій Галилей и которую Г. *Лаландъ*, къ ужасу невѣжества и суевѣрія, въ недавнія времена возобновилъ. Другіе двигаютъ землю съ ея оси. *Пеллетье* и *Шейхцеръ* дѣлали выкладки на пространство корабля. А нѣкоторые принимаютъ роды животныхъ въ сполъ тѣсномъ значеніи, что нужное для нихъ пространство не находятъ чрезвычайно великимъ. Но если всѣ сіи мнѣнія о водѣ и пространствѣ корабля и возможны; то однако же сомнѣніе въ разсужденіи животныхъ остается еще не рѣшеннымъ. Нѣкоторые избрали для сего кратчайшій путь, и ссылаются частію на оставшіяся еще свидѣтельства древнѣйшей Исторіи, частію на памятники, кои сама земля сохраняетъ въ своихъ архивахъ, какъ неопровергаемыя доказательства ея прежняго всеобщаго наводненія. Оба свидѣтельства конечно имѣютъ великую важность, если только не брать на себя безполезнаго труда, доказывать оными болѣе, нежели

сколько можно; и славный мужъ, наводнившій почти цѣлой свѣтъ книгами для того, чтобы разрушить всякую вѣру въ откровеніе, отъ сихъ свидѣтельствъ впадаетъ въ такой страхъ, что прибѣгаетъ къ самымъ смѣшнымъ увертkамъ чтобы только недопустить сего потопа.

Бытіе потопа доказываютъ памятники сохраняемые въ землѣ, также и свидѣтельства Историковъ.

Свидѣтельства о преждебывшихъ великихъ наводненіяхъ уже давно приняты за неоспоримыя, и нѣтъ ни одного извѣстнаго въ древности народа, въ которомъ бы не хранились объ оныхъ повѣсти. Возмемъ Халдѣевъ, Грековъ, Индійцевъ, Египтянъ, Китайцевъ, Американцевъ и Сѣверныхъ народовъ; — у всѣхъ сохранилась память о таковыхъ чрезвычайныхъ наводненіяхъ.

Описанія потоповъ у другихъ народовъ, суть списки съ описанія Моисеева.

Противно было бы Исторіи, всѣ сіи наводненія почитать за одно съ Ноевымъ потопомъ. Потопы *Огигова и Девкаліонова* суть почно новѣе, и касаются только до одной части Греціи. Египетскій Жрецъ сказывалъ *Солону*, что онъ не долженъ почитать сіи наводненія единственными; поелику, по ихъ повѣствованіямъ,

были гораздо древнѣйшіе и большіе. Между тѣмъ литеральное сходство, съ каковымъ нѣкоторые повѣствуютъ объ оныхъ, заслуживаетъ особенное примѣчаніе. Сколь ни извѣстны сіи повѣствованія, однако же я не могу ихъ совсѣмъ опустить; для краткости же описанія Халдейскаго Сизитрова и Греческаго Девкаліонова потопа, по совершенному между ними сходству, представлю вмѣстѣ. Сизитру и Девкаліону открывается отъ Бога, что будетъ потопъ; а послѣднему имянно съ явнымъ намѣреніемъ, что бы весь человѣческій родъ за умножившуюся злобу истребить; и вмѣстѣ оба они получаютъ повелѣніе, для своего спасенія, построить корабли. Корабль также имѣетъ древнее названіе ковчега; всѣ животныя попарно собираются къ нимъ, что бы они взяли ихъ съ собою; послѣ того наступаетъ потопъ—и вода покрываетъ высочайшія горы. Какъ она начала умаляться, корабль Сизитровъ остановился на Гордиренскихъ горахъ въ Арменіи. Оба потомъ выпускаютъ голубей, что бы узнать, начала ли земля высыхать; оба они, какъ скоро выходятъ на землю, почитаютъ за первой долгъ воздвигнуть жертвенникъ, и за спасеніе свое принесть Божеству жертву; и оба потомъ дѣлаются праотцами новаго человѣческаго рода. Такъ описываетъ *Берозій* и *Абиденъ* изъ древнихъ Халдейскихъ повѣствованій потопъ Сизитровъ, и почно съ такими же обстоятельства-

ми дошло до насъ описаніе потопа Девкаліонова. Поставте здѣсь имя *Ноя* на мѣсто обоихъ другихъ, литтерально выдетъ таже самая Исторія. Потопъ Девкаліоновъ относился только, какъ я уже сказалъ, до одной части Греціи; но впрочемъ Исторія о Ноевомъ потопѣ ясно есть подлинникъ онаго описанія, о коемъ, (какъ можно догадываться) одна изъ первыхъ колоній, перешедшихъ изъ Финикіи въ Грецію, принесла съ собою преданіе, и какъ всегда почти случается при таковыхъ переселеніяхъ, смѣшала послѣ это съ Греческимъ потопомъ. Сіе тѣмъ еще доказывается, что Девкаліонъ Царь Греческій; а потопъ, судя по всему описанію, случился въ Сиріи. Индійской потопъ описанъ такимъ же образомъ. Богъ *Рутра* восхотѣлъ потопить родъ человѣческій за злобу его; *Вистну*—Спаситель (Аллегорическая персона, которая можетъ быть означаетъ любовь Божію,) объявилъ это *Саффи Варти;* сей послѣдній, какъ скоро наступилъ потопъ, взошелъ на высокую гору, и Вистну далъ ему корабль, въ которомъ онъ скрылъ сорокъ милліоновъ душъ и елементы твореній для новаго населенія земли. Отнимите здѣсь эмблеммапическій покровъ, опять выдетъ таже самая Исторія. Но говорятъ: это все описанія только частныхъ, особенныхъ наводненій.—Положимъ; между тѣмъ однакоже, какъ видно, всѣ они происходятъ изъ одного источника; и сей источникъ не другой какой былъ, какъ Исторія Ноева.

„Нѣтъ!“ говоритъ извѣстный врагъ книги сей. „Но какъ Іудеи въ плѣну познако-
„мились съ Греческими и другими баснями;
„по они начали списывать со всѣхъ сихъ
„басней и составили цѣлую эту книгу,
„приписавъ ее подложно Моисею.“ — Какое
остроуміе! Древнѣйшая изъ всѣхъ книгъ,
которая имѣетъ всѣ признаки глубочай-
шей древности, въ которой вездѣ только
одинъ планъ въ точнѣйшей Исторической
и Хронологической связи,—эта книга есть
сплетеніе Греческихъ и Индійскихъ басней!
Но чего не напишетъ такой человѣкъ, ко-
торый, дабы ослабить испину сей Исто-
ріи, не постыдился безчисленное множе-
ство остатковъ растѣній и морскихъ жи-
вотныхъ, по причинѣ малости частей
своихъ, находящихся во всѣхъ родахъ кам-
ней, выдавать за игру натуры, и горы,
состоящія изъ раковинъ и череповъ жи-
вотныхъ, коими покрыта вся земля, за
скорлупы, каковыя въ разныхъ мѣстахъ
оставили *купцы, торгующіе устрицами.*

О Санхоніатонѣ.

Но вотъ еще важнѣйшее возраженіе!
„Санхоніатонъ не упоминаетъ о семъ по-
топѣ!“ — Санхоніатонъ! подозрительное,
темное смѣшеніе Финикійской и Грече-
ской миѳологіи! Если бы книга сія была
подлинная, то дѣйствительно была бы из-
вѣстна, какъ достойной вниманія памят-
никъ древней Исторіи; но объ ней прежде

нигдѣ упоминаемо не было, пока не появился подложной Греческой переводъ оной; объ ней не зналъ ни Платонъ, бывшій въ тѣсной связи съ Финикіянами, ни другой какой ревностной изыскатель древностей; и какъ тогда была мода, выдавать подложные Сивиллійнскіе оракулы и Гермесовы поэмы; то, вѣроятно, сочинилъ ее Филонъ Библской, для умаленія важности Іудейскаго Историка Іосифа, потому что его книга Іудейскихъ древностей обратила на себя великое вниманіе; для того-то, какъ видно, Исторія о семъ потопѣ умышленно выпущена. *Порфирій*, которой, вѣроятно, зналъ и обманъ, по своей извѣстной ненависти къ Христіанству, въ первой разъ съ шумомъ извлекъ ее изъ тьмы; но столь мало возбудилъ этимъ вниманія, что мы, можетъ быть, не знали бы болѣе и имени ея, если бы *Евсевій* не сохранилъ намъ отрывокъ оной. Но пусть этотъ Санхоніатонъ будетъ подлинной; все однако же заключеніе достойно быть замѣчено: всѣ древніе писатели говорятъ о чрезвычайномъ наводненіи, съ одинаковыми обстоятельствами; но поелику одинъ не упоминаетъ объ ономъ, — то все, что они пишутъ — басня. Какія громкія имена были бы въ нашихъ Evangiles du jour и Queſtions Encyclopediques — *Берозъ*, *Абиденъ*, *Сизитръ*; и напротивъ какая презрѣнная выдумка былъ бы *Санхоніатонъ*, если бы первые нигдѣ въ своихъ отрывкахъ не упоминали о таковомъ потопѣ,

а послѣдній въ этомъ съ *Моисеемъ* былъ бы согласенъ. Но довольно о семъ.

О памятникахъ, находимыхъ на землѣ и внутри оной.

Памятники, произведеніе прежде бывшаго всеобщаго наводненія, на землѣ усматриваемые, доселѣ почитали нѣкоторые сильнѣйшимъ доказательствомъ сего потопа. Вся земля до теперешняго своего обличія, претерпѣла, какъ видно, отъ огня и воды сильные перевороты; весь же настоящій ея видъ указываетъ на такое время, въ которое вся она была морскимъ дномъ. Цѣлыя горы черепокожныхъ животныхъ и окаменѣлыхъ растѣній изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ морей, въ самыхъ возвышенныхъ странахъ земнаго шара; на цѣлыя мили въ длину и нѣсколько саженъ подъ землю, частію подъ кремнистыми утесами лежащіе, столь многіе ряды толстыхъ грядъ раковинъ и другихъ морскихъ животныхъ; окаменѣлыя, по всей землѣ разсѣянныя морскія животныя, какъ напримѣръ *Аммоновы* рога, кои не раждаются отъ грунта моря, и коихъ живаго рода никогда не видывали въ ближайшихъ моряхъ; окаменѣлости морскихъ растѣній и морскихъ животныхъ, въ коихъ еще видна краска и можно распознать самыя малѣйшія части въ слояхъ Альповъ и другихъ высокихъ горъ; также остовы земныхъ и морскихъ животныхъ, перемѣшан-

ные одни съ другими, въ такихъ странахъ, гдѣ сухопутныя животныя не могутъ жить, и притомъ въ большемъ количествѣ, нежели чтобы можно было предполагать,—будто они случайно туда занесены были; цѣлые лѣса глубоко подъ землею лежащіе, частію совершенно окаменѣлые, частію начинающіе окаменѣвать: вотъ видъ земли въ самыхъ высокихъ и въ самыхъ низкихъ странахъ! Многія изъ таковыхъ явленій со всею вѣроятностію можно принять за дѣйствіе сихъ наводненій; сильное стремленіе воды увлекло съ собою сіи вещества, и разсѣяло по всей земли, куда достигали волны. И то очень вѣроятно, что между горами, въ низкихъ отлогихъ мѣстахъ, многія столѣтія послѣ того еще стояли великія озера, гдѣ сіи черепокожныя животныя могли всегда болѣе и болѣе умножаться, и что сіи озера мало по малу со временемъ осушились, или отъ землетрясенія нашли себѣ протокъ въ ближайшія моря; что доказываетъ солеватый и покрытый морскими раковинами грунтъ всей Сѣверной страны Каспійскаго моря. Едва ли всѣ такія явленія можно объяснить симъ единственнымъ наводненіемъ; напротивъ онѣ, кажется, суть частію дѣйствіе сильныхъ переворотовъ и продолжительныхъ давнихъ наводненій, частію же онаго древняго потопа, коему Творецъ повелѣлъ вступить въ нѣдра земли, когда устроевалъ ее въ новое для насъ жилище. Ибо столь разнообразные по сво-

ей матеріи и толщинѣ и столь перемѣнчивые слои, изъ коихъ состоитъ вся земная поверхность, и подъ коими часто не иначе какъ въ самой большой глубинѣ находится дно морское, и цѣлыя гряды раковинъ, разлученныя одна отъ другой глинистыми и песчаными слоями толщиною въ нѣсколько саженей,—сіи слои видимымъ образомъ составляютъ осадку наводненія и предполагаютъ не одно такое наводненіе, а многія; одинъ потопъ не могъ разщепить до такой степени кору земную; это доказываетъ самая твердость морскаго дна; иначе сіи разные слои не простирались бы такъ правильно и такъ многочастно.

Какъ скоро умалилась вода, Ной началъ тотчасъ снова обрабатывать землю, и онъ нашелъ всѣ свои знакомыя растѣнія, масличное дерево и виноградъ. И потопъ не столько былъ продолжителенъ, что бы могъ нанести такія ужасныя горы раковинъ и морскихъ растѣній. Сіи горы съ большею вѣроятностію можно почитать за древній грунтъ моря, или за остатки поверхности земной, бывшей нѣкогда подъ водою, кои при изверженіи подземнаго огня были выброшены на поверхность, а съ ними вмѣстѣ и морскія животныя. Вѣроятность сего доказываютъ однѣ на другихъ взгроможденныя дикія скалы, разсѣлины ихъ утесовъ, также углы частію одинъ къ другому примыкающіеся, и во многихъ примѣчательные ясные слѣ-

ды Вулкановъ; что сходствуетъ съ онымъ величественнымъ описаніемъ, превосходящимъ всякое человѣческое краснорѣчіе, каковымъ Давидъ въ 104 Псалмѣ изображаетъ Творческое всемогущество. Наконецъ многіе изъ сихъ феноменовъ кажутся сполъ древними, что не льзя изьяснить ихъ изъ сего потопа; подобно какъ другіе видимымъ образомъ принадлежатъ къ временамъ позднѣйшимъ. Одно окаменѣніе предполагаетъ уже высокую древность. Ибо какъ твердѣйшія мраморныя и другія каменистыя скалы содержатъ въ себѣ таковые остатки морскіе и частію состоятъ изъ оныхъ, и какъ симъ образомъ необходимо долженствовала существовать напередъ матерія мягкая: то время отъ сего потопа не могло простираться до того пространства времени, каковаго требуетъ природа въ семъ тайномъ и медленномъ дѣло-производствѣ; судя потому, что уже развалины самыхъ древнѣйшихъ зданій на землѣ находящихся, каковы, напримѣръ, остатки древнихъ спѣнъ и врать Суезскихъ при Чермномъ морѣ, касающихся можетъ быть до временъ Моисеевыхъ, исполнены таковыхъ Улитковыхъ скорлупъ, и что каменная порода, изъ которой состоятъ Египетскія пирамиды, подобно какъ и каменный грунтъ, на которомъ онѣ состоятъ, равномѣрно содержатъ въ себѣ оныя.

Перемѣны видовъ земной поверхности, происходящія отъ причинъ естественныхъ, ежедневныхъ.

Но многія изъ сихъ перемѣнъ, какъ я уже сказалъ, принадлежатъ къ временамъ позднѣйшимъ; ибо кромѣ частныхъ потопovъ, происходящихъ то въ той, то въ другой странѣ, земля вообще подвержена безпрестаннымъ, частію спремительнымъ, частію продолжительнымъ измѣненіямъ. Однѣ мѣста мало по малу возвышаются, другія становятся ниже; новыя моря являются, другія изсыхаютъ и превращаются въ долины; новые острова поднимаются изъ моря, другіе паки теряются въ безднѣ; цѣлыя страны освобождаются отъ воды, другія напротивъ паки поглощаетъ море, коихъ самыя высокія горы видимы остаются только какъ острова; одни острова по причинѣ сходства береговъ по видимому отдѣлены отъ твердой земли, другіе паки соединяются съ нею; преждебывшія гавани теперь на нѣсколько миль отъ моря лежатъ на твердой землѣ; поглощенныя водою и окаменѣлыя дерева, на нихъ коихъ еще до сего времени частію примѣтны слѣды сѣкиры; даже твердыя крѣпи земли не льзя изключить изъ сихъ превращеній, потому что между тѣмъ какъ однѣ возникаютъ, другія опять подобно одѣянію устарѣваютъ, вывѣриваютъ, подмываются и своимъ паденіемъ уравниваютъ долины. Всѣмъ симъ превра-

щеніямъ земля подвержена сначала ея образованія; онѣ случаются ежедневно въ нашихъ глазахъ, и какъ натуральныя дѣйствія воздуха, вѣтровъ, моря, и особенно подземнаго огня, непрестанутъ доколѣ, пока будетъ стоять вселенная.

Разсмотрѣніе земли во всѣхъ частяхъ свѣта.

Между тѣмъ, при сихъ всегда продолжающихся въ натурѣ перемѣнахъ, мы можемъ допустить, что онѣ были тѣмъ насильственнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ новѣе было настоящее устроеніе земли. Ибо послѣ того, какъ трудолюбіе человѣческое научилось море и рѣки заключать въ плотины, и внутренній огонь отъ многихъ отверстій Вулкановъ получилъ проходъ свободнѣе;—землетрясеніе и разливы водъ не могутъ быть ни столько насильны, ни столько всеобщи, какъ прежде; что доказываютъ, вмѣстѣ съ древнею Исторіею, еще нынѣ существующіе памятники сихъ разрушеній, когда напротивъ нынѣшнія превращенія суть только оттѣнки оныхъ. *Этна* и *Пикъ*, касающіяся своими вершинами облаковъ, судя по ихъ виду, суть произведеніе таковыхъ насильныхъ изверженій огня; оба крайніе острова земнаго шара, *Исландія* и *Огненна земля*, по виду своему суть не иное что, какъ остатки горѣнія еще не совершенно погасшаго во внутренностяхъ ихъ огня. И хо-

тя преданіе Египетскаго Жреца о великомъ островѣ, поглощенномъ Атлантическимъ моремъ, не заслуживаетъ вѣроятія; однако же то всегда останется правдоподобнымъ, что не только еще нынѣ существующіе на семъ морѣ *Канарскіе*, *Азорскіе* и *Антильскіе* острова, но также острова Южнаго моря, отъ *Новой Зеландіи* даже до *Курильскихъ*, кои всѣ еще и нынѣ подвержены сильнымъ землетрясеніямъ и изверженіямъ огня, или по крайней мѣрѣ имѣютъ ясныя доказательства таковыхъ прежде бывшихъ изверженій въ лавѣ, столь часто попадающейся, — суть только остатки и возвышенности лежавшей нѣкогда между Европою и Америкою, также между Азіею и Америкою материи земли, которая отъ таковыхъ сильныхъ потрясеній была поглощена волнами. Все понятіе *Отаитскихъ* жителей о ихъ великомъ Богѣ состоитъ въ томъ, что онъ по временамъ потрясаетъ ихъ островъ, и такимъ образомъ еще въ давнія времена отдѣлилъ его отъ твердой земли. И великое сходство языка, примѣтное на всѣхъ островахъ Южнаго моря, не взирая на чрезвычайную отдаленность ихъ одинъ отъ другаго, очень ясно доказываетъ наше предположеніе. Но большее вниманіе заслуживаетъ чрезвычайно островконечной видъ съ юга Африки и Индіи, и всѣ около Азіи отъ Краснаго моря до Камчатки съ Юга на Сѣверъ идущіе великіе заливы, кои очевидно доказываютъ, что земля нѣкогда

отъ Юга претерпѣла ужасное наводненіе; и сіе еще болѣе утверждаетъ множество находимыхъ въ Сибири скелетовъ великихъ на Югѣ живущихъ сухопутныхъ животныхъ. Почему же Ноевъ потопъ, которой по ясному выраженію текста происходилъ отъ сего же Южнаго океана, *великой бездны*, почему онъ не могъ быть симъ наводненіемъ? Халдейской Сизитровъ и Индійской потопы, описанные нами съ такими же обстоятельствами, суть одно и тоже. Что въ сихъ описаніяхъ не упоминается имя Ноя, это дѣтское возраженіе не заслуживаетъ отвѣта. Почему же не допустить, что имена *Саффіа Варти* и *Сизитръ* не тоже значатъ, какъ и имя Ной, переведенное на ихъ языкъ, если даже въ Халдейскомъ спискѣ царей или родоначальниковъ, отъ Алора перваго человѣка до сего потопа, точно такъ какъ въ Моисеевой Исторіи, считается десять Царей или родовъ, изъ коихъ сей Сизитръ, какъ и Ной, былъ десятой и послѣдній Государь; даже вся ихъ Хронологія, если ее правильно изъяснять, совершенно сходствуетъ съ Моисеевою.

Противники скажутъ: „но если Ноевъ „потопъ есть одно и тоже, что наводне„ніе Индійское и Халдейское; то онъ не „могъ быть столь всеобщимъ, и слѣдо„вательно попеченіе о сохраненіи живот„ныхъ было бы излишне; и если онъ про„исходилъ отъ естественныхъ причинъ, „то не можетъ почесться наказаніемъ су-

„да Божія.“ Одинъ краткой отвѣтъ можетъ опровергнуть всѣ сіи возраженія. Потопъ, говорятъ, не былъ всеобщимъ. Но примемъ его за таковой. Какоежъ вышло бы изъ того пропиворѣчіе, или невозможность? То неоспоримо по крайней мѣрѣ, что земля вся была покрыта водою. Что вся южная Азія была наводнена отъ сего Ноева потопа, то весьма вѣроятно по выше приведенному. Вѣроятно также, что сіи земли однѣ тогда были населены и составляли тогда извѣстную землю. У всякаго Историка землею называется то пространство, которое извѣстно въ его время. Кто будетъ охуждать *Птолемея* за то, что въ его землеописаніи нѣтъ ни *Америки*, ни *Японіи*, ни *Гренландіи*? Откуда же первые жители земли могли бы получить полное Географическое познаніе оной? Многіе безполезно только затрудняли самихъ себя, полагая, что потопъ покрывалъ волнами своими *Альпы* и *Кордильеры*, потому что они принимаютъ, будто около того времени земля даже до полюсовъ была населена: но натура не столько плодовита, какъ перья людей, занимающихся изчисленіемъ народонаселенія. Потому сей потопъ могъ изпребить весь родъ человѣческой и наводнить всю обитаемую землю, такъ однако же, что не нужно принимать такого наводненія, которое бы, по литтеральному выраженію, покрывало самыя высочайшія горы земнаго круга. Потому неизъяснимое чудесное

собраніе всѣхъ животныхъ, и столь же неизъяснимое возвращеніе ихъ въ страны, отъ природы имъ назначенныя, болѣе не имѣетъ здѣсь мѣста. Сѣверное море могло бы наводнить всю Германію, покрыть весь *Гарцъ*, но жители Швейцаріи остались бы безопасны. Не считая самыхъ высочайшихъ горъ, и между долинами и равнинами есть многія такія, которыя на нѣсколько тысящь футовъ удаленнѣе отъ центра земли, и выше нежели другія. Средняя Сибирь, въ коей протекаютъ столь многія рѣки на нѣсколько миль, возвышеннѣе всѣхъ Азіатскихъ горъ; Базель, въ разсужденіи Альпійскихъ горъ — равнина, и однако же лежитъ онъ на четыре почти тысячи футовъ выше Голландскихъ приморскихъ городовъ. Итакъ всѣхъ родовъ животнымъ довольно оставалось мѣста для своего спасенія.

Отъ какихъ бы причинъ потопъ ни происходилъ, отъ естественныхъ или сверхъестественныхъ, но онъ тѣлъ не меньше былъ наказаніемъ отъ Бога.

Хотя мы примемъ, что потопъ сей произошелъ отъ натуральныхъ причинъ, онъ однако же тѣмъ не менѣе оспается Божіимъ наказаніемъ. Можно утвердительно думать, что Провидѣнію не угодно было попустить дѣйствовать при семъ какимъ либо другимъ причинамъ, кромѣ натуральныхъ; можно безъ всякой опасности принять, что сорокодневной дождь

былъ обыкновенной, въ извѣстное время безпрестанно продолжающійся въ сихъ странахъ, и что вдругъ открывшееся ужасное разлитіе источниковъ великой бездны, или южнаго океана, произошло отъ сильнаго землетрясенія; что сіе ужасное потрясеніе имѣло свою причину особенно во внутреннемъ устроеніи земли: потому однако же сей потопъ надобно почитать не менѣе избраннымъ и управляемымъ отъ Провидѣнія дѣйствіемъ, какъ если бы причины къ произведенію сего намѣренія проистекли непосредственно отъ Его Всемогущества. Мы не можемъ опредѣлить ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ причинъ, которыя могутъ превращать удобопремѣняемой видъ земли сей. Мѣсто, каковое она занимаетъ какъ планета, принадлежащая къ великой системѣ,—подвергаетъ ее нѣкоторымъ случаямъ, кои на видъ и на все ея устроеніе имѣютъ великое вліяніе; она по первому своему образованію содержитъ въ нѣдрѣ своемъ причины, перемѣняющія отъ времени до времени ея систему; но всѣ сіи превращенія были начертаны въ планѣ оной достопоклоняемой мудрости, которая устроила міръ сей. По сему все равно, производитъ ли что Богъ по предуставленнымъ причинамъ, или Онъ непосредственно производитъ причину въ то мгновеніе, когда должно совершиться дѣйствіе. Сей безконечный Духъ необходимо присущъ всѣмъ своимъ дѣламъ съ своимъ всемогуществомъ и премудро-

стію. Ихъ устроеніе и перемѣны—его дѣйствіе. Хотя перемѣны сіи основаны на устроеніи природы; но нѣтъ такой, которой бы Онъ не предвидѣлъ, которой бы не избралъ; и цѣпь остается вѣчно въ Его десницѣ; она всемощнымъ своимъ вліяніемъ даетъ жизнь и дѣятельность всѣмъ звѣнамъ. Превращенія въ природѣ продолжаются безпрестанно, но Вѣчный всегда самъ даетъ ей видъ; и если бы солнцы сдѣлались планетами, а сіи заняли мѣсто первыхъ, если бы наводненія и подземной огонь превратили совершенно видъ земли; и тогда Онъ, какъ Творецъ, Отецъ и Судія, знаетъ все, все попускаетъ. Ибо когда Онъ въ началѣ воззвалъ горы изъ бездны, назначилъ морю глубину и огню показалъ пещеры; тогда видѣлъ Онъ и избралъ по своей премудрости всѣ тѣ перемѣны, какія могли произойти отъ того: тогда положилъ онъ всему мѣру и вѣсъ; тогда для утвержденія земли далъ Онъ горамъ тяжесть и положеніе; тогда ограничилъ онъ предѣлы моря, далѣе которыхъ не можетъ оно простираться; тогда назначилъ онъ питаніе подземному огню, и укрѣпилъ поверхность сообразно его силѣ и стремленію;—тогда онъ образовалъ все такъ, что на землѣ не можетъ быть ни одного превращенія иначе, какъ въ такомъ видѣ, въ каковомъ оно предъусмотрѣно и избрано всевѣденіемъ. *Ты основалъ еси землю*, говоритъ Давидъ, *и дѣла руку Твоею суть небеса, и вся яко риза обѣтшаютъ, и яко*

одежду свѣши я и изліѣнятся. Вотъ истинная система натуры, высочайшая Философія! Она была бы системою и невѣрующаго, если бы ослепленное его сердце допустило ему быть истиннымъ, безпристрастнымъ Философомъ.

Что люди послѣ опять впали въ такую же испорченную чувственность, это не означаетъ того, будто Божіе намѣреніе въ семъ страшномъ опредѣленіи не достигнуто. Сіе развращеніе остается тѣсно соединеннымъ съ чувственною природою; однако же Господь вселенныя съ того времени не переставалъ иногда въ общихъ, иногда въ частныхъ наказаніяхъ, открывать свою вѣчную премудрость и справедливость, коими онъ управляетъ міромъ; и потому-то, доколѣ земля пребудетъ обиталищемъ такихъ слабыхъ твореній, свойство ея такъ устроено, чтобы мыслящія существа въ благодѣтельномъ ея устроеніи признавали Бога своимъ отцемъ. Но когда они Бога въ своей чувственности забываютъ; то тѣ же самыя стихіи, содержащія землю въ красотѣ и плодородіи, должны быть вѣстниками его правосудія—и землетрясеніями и наводненіями обращать людей къ обожанію Его Провидѣнія. Но какъ скоро сіи намѣренія Его премудрости достигнуты, возстановленный порядокъ долженъ доказывать присутствіе сего отца природы. Потрясенія земли перестаютъ, небо проясняется, рѣки возвращаются въ свои берега, вулка-

ны замыкаются, лавы не текутъ болѣе, и земля съ обновившеюся красотою выходитъ изъ своего разрушенія, и не смотря на развалины, становится для всѣхъ тварей лучшимъ, превосходнѣйшимъ жилищемъ, каковою она быть должна по первому образованію.

Исходъ Ноя изъ ковчега.

Господь воспоминаетъ о Ноѣ. Потопъ достигъ назначенной высоты, земля паки должна быть суха. Онъ повелѣваетъ духъ вѣтрамъ; источники бездны и хляби небесныя затворяются; воды входятъ въ прежнія свои полости, кои отъ потрясенія земли въ нѣкоторыхъ странахъ, можетъ быть, разширились; бездна обратно принимаетъ свирѣпыя волны; и Провидѣнію угодно повелѣть, чтобы Ной вышелъ на землю въ той странѣ, въ которой онъ находитъ извѣстную ему природу, гдѣ можетъ гораздо скорѣе приступить къ воздѣлыванію земли. Тронутый симъ столь яснымъ доказательствомъ бдящаго надъ нимъ Божія Промысла Ной, прежде всего, по вступленіи на землю, изъ благодарности и благоговѣнія съ домашними своими приноситъ Богу въ жертву нѣкоторыхъ животныхъ, сохраненныхъ съ нимъ въ ковчегѣ, и поклоняется Ему какъ Вездѣсущему, Святому и Праведному Правителю міра, и сія вѣра—содѣлала жертву пріятною Господу. *Обоня Господь воню благоуханія*, быт. гл. 8. ст. 21. и се есть воля

Божія, что, не взирая на развращеніе человѣческое, всеобщаго наказанія потопомъ на землѣ паки не будетъ. Здѣсь опять тотъ же самой языкъ, коимъ описано было опредѣленіе потопа; но судя по сущности, онъ достоинъ Бога. Ибо только Онъ, Творецъ и Господь вселенныя, можетъ такъ хотѣть; и можетъ быть причина, произведшая этотъ потопъ, была средствомъ предъотвращающимъ всякое подобное разрушеніе земли дотолѣ, когда Господу угодно будетъ нашъ родъ переселить въ высшую сферу, и сію землю устроить жилищемъ для новаго рода тварей. Дотолѣ не престанутъ сѣмена и жатва, зной и холодъ, дни и нощи; перемѣны на землѣ будутъ касаться только нѣкоторыхъ странъ; въ цѣломъ свойство ея, какъ и положеніе останутся таковы же. Такъ хощетъ Всемогущій! И при семъ снова благословляетъ онъ Ноя и всю природу. Здѣсь языкъ точно тотъ же, что и при первомъ твореніи. Человѣкъ безъ всякой перемѣны удерживаетъ права своей разумной природы; онъ остается Господиномъ земли; богатство и красота твореній для того, чтобы онъ посредствомъ ихъ достигалъ своего щастія, и употреблялъ оныя для воздаянія чести и поклоненія Провидѣнію премудраго и преблагаго отца природы. Онъ пользуется тѣмъ же правомъ и въ разсужденіи животныхъ. Только кровь человѣческая должна быть для человѣка священна; кто прольетъ оную, тотъ теря-

[illegible] человѣкъ есть [illegible] одномъ [illegible] онъ имѣетъ [illegible] данныя [illegible] свобод-[illegible] сотворенное по образу Бо-[illegible] необходимой для [illegible] высшаго об-[illegible] при новомъ, [illegible] не жив-[illegible] енномъ об-[illegible] и низкихъ [illegible].

[illegible] расставаютъ облака — и [illegible] продолженіе своей жертвы съ ра-[illegible] восхищеніемъ видитъ дождевую [illegible] радугу — доказательство, что природа ничего не потеряла изъ прежняго своего порядка и красоты. Здѣсь о-[illegible] видѣнъ языкъ древняго міра. Когда не понимали натуральныхъ причинъ, всѣ чрезвычайныя воздушныя явленія, а особенно дождевую радугу почитали вѣстникомъ Божества. У Моисея она есть знаменіемъ завѣта, которой Богъ положилъ съ Ноемъ для увѣренія, что природа при [illegible] перемѣнахъ никогда не уклонится отъ законовъ, Творцемъ ей предначертанныхъ. И потому-то, коль скоро она [illegible], и для насъ нынѣ есть увѣреніе того же, тѣмъ еще болѣе, что мы [illegible] естественную причину, ее производящую.

[illegible] не получилъ при семъ [illegible] въ Религіи. Ужас

въ его глазахъ постигшее презрителей Бога, его собственное чудесное избавленіе и послѣ столь страшнаго разрушенія снова явившееся устройство природы, было для него и сыновъ его твердымъ основаніемъ и сильнымъ подтвержденіемъ ихъ Религіи, т. е. дѣйствительнѣйшимъ доказательствомъ нравственнаго управленія Божія людьми. Но впрочемъ самый потопъ должно почитать достопамятнымъ наставленіемъ, даннымъ отъ Провидѣнія человѣческому роду въ новомъ его праотцѣ, о сей великой истинѣ, такъ что она у древнихъ народовъ, которыхъ мы знаемъ, сохранялась цѣлыя столѣтія, пока наконецъ мало по малу отъ одичанія, суевѣрія и многобожія частію затемнѣна, частію же совсѣмъ потеряна. Симъ разрѣшается трудная историческая задача: отъ чего сіе познаніе въ младенчествѣ разума могло быть столь общимъ, а съ возвращеніемъ его могло затеряться, такъ что разумъ, при высочайшей степени своего просвѣщенія, не можетъ возстановить повсемѣстности онаго.

Обработываніе земли.

Послѣ жертвоприношенія, первымъ занятіемъ Ноя было—обработывать землю, насѣвать ее извѣстными ему плодами и произрастѣніями. Онъ имѣлъ для своей по-

[illegible]ужныхъ животныхъ, о сей цѣли бодрство-

етъ всѣ свои права. Ибо человѣкъ есть братъ другому подобному ему; онъ имѣетъ одинакую природу, равныя права, равныя преимущества; онъ есть разумное, свободное существо, сотворенное по образу Божію. Вотъ законъ, столь необходимой для человѣчества сохраненія и скорѣйшаго образованія общественной жизни, при новомъ, такъ сказать, сотвореніи людей, не жившихъ ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ, не имѣющихъ законовъ и близкихъ къ жестокости и одичанію.

Солнечные лучи разсѣваютъ облака—и Ной въ продолженіе своей жертвы съ радостнымъ восхищеніемъ видитъ дождевую разноцвѣтную радугу — доказательство, что природа ничего не потеряла изъ прежняго своего порядка и красоты. Здѣсь опять видѣнъ языкъ древняго міра, когда неиспытавъ натуральныхъ причинъ, всѣ чрезвычайныя воздушныя явленія, а особливо дождевую радугу почитали вѣстникомъ Божества. У Моисея она есть знаменіемъ завѣта, которой Богъ положилъ съ Ноемъ для увѣренія, что природа при всѣхъ ея перемѣнахъ никогда не уклонится отъ законовъ, Творцемъ ей предначертанныхъ. И потому-то, коль скоро она является, и для насъ нынѣ есть увѣреніемъ того же, тѣмъ еще болѣе, что мы знаемъ естественную причину, ее производящую.

Ной не получилъ при семъ новаго наставленія въ Религіи. Ужасное наказаніе,

въ его глазахъ постигшее презрителей Бога, его собственное чудесное избавленіе и послѣ столь страшнаго разрушенія снова явившееся устройство природы, было для него и сыновъ его твердымъ основаніемъ и сильнымъ подтвержденіемъ ихъ Религіи, т. е. дѣйствительнѣйшимъ доказательствомъ нравственнаго управленія Божія людьми. Но впрочемъ самый потопъ должно почитать достопамятнымъ наставленіемъ, даннымъ отъ Провидѣнія человѣческому роду въ новомъ его праотцѣ, о сей великой истинѣ, такъ что она у древнихъ народовъ, которыхъ мы знаемъ, сохранялась цѣлыя столѣтія, пока наконецъ мало по малу отъ одичанія, суевѣрія и многобожія частію затемнѣна, частію же совсѣмъ потеряна. Симъ разрѣшается трудная историческая задача: отъ чего сіе познаніе въ младенчествѣ разума могло быть столь общимъ, а съ возвращеніемъ его могло затеряться, такъ что разумъ, при высочайшей степени своего просвѣщенія, не можетъ возстановить повсемѣстности онаго.

Обработываніе земли.

Послѣ жертвоприношенія, первымъ занятіемъ Ноя было—обработывать землю, насѣвать ее извѣстными ему плодами и произрастѣніями. Онъ имѣлъ для своей помощи необходимо нужныхъ животныхъ, о сохраненіи коихъ для сей цѣли бодрство-

вало Провидѣніе. Онъ сберегъ, можетъ быть, также прежнія орудія; въ магазинѣ, служившемъ для его пропитанія, — въ ковчегѣ нашелъ онъ сѣмена; и поелику страна, въ которой онъ остановился, была самая плодородная на землѣ, была разсадникъ всѣхъ нѣжныхъ плодовъ и растѣній, кои оттуда вывезены были сперва въ Грецію и Италію, а потомъ и далѣе въ Западныя и Сѣверныя страны: то сначала воздѣланіе сихъ плодовъ и было достаточно для его пропитанія; притомъ же не безъ основанія должно допустить, что земледѣліе Ною было уже извѣстно. По крайней мѣрѣ не вѣроятно, что бы оно первымъ людямъ, жившимъ до потопа чрезъ столько вѣковъ, осталось неизвѣстнымъ; шелушные плоды по необходимости очень рано должны были привлечь ихъ вниманіе; а потомъ могли они мало по малу ознакомиться со многими растущими въ тѣхъ странахъ зернистыми плодами; къ чему вѣроятно подала случай содержащаяся въ нихъ мука, особенно питательная оной сила и удобность сохранять ихъ. — Между тѣмъ это раннее знаніе—разводить шелушные плоды не противорѣчитъ тому, что люди при размноженіи и отдѣленіи отъ своихъ фамилій, удалившись въ неизвѣстныя и болѣе дикія страны, гдѣ они не находили уже извѣстнаго жита, заперяли хлѣбопашество, пока *Церера* и *Триптолемъ* не изобрѣли опять земледѣльческихъ орудій, и за сіе небесное благодѣяніе стали

быть обожаемы; они симъ средствомъ возвратили человѣчеству всѣ преимущества общественной жизни, и *Триптолемъ* получилъ имя выше всѣхъ *Александровъ* и *Кесарей*—имя *земледѣлателя*.

Поступокъ Хама.

Ной съ земледѣліемъ соединилъ разведеніе винограда. Кажется употребленіе сего благороднаго растѣнія не было для него новымъ. По крайней мѣрѣ не вѣроятно, чтобы первымъ обитателямъ сей страны было не извѣстно то произрастѣніе, которое имѣетъ собственной грунтъ въ сей землѣ, коего плоды сами представляются человѣческому взору, и коего пріятной и изобильной сокъ столь удобно можетъ быть сохраняемъ, можетъ быть къ сему общему мнѣнію подало случай почтеніе ко второму Праотцу, что бы тѣмъ удобнѣе извинить его слабость. Но сія слабость, что Ной, при неумѣренномъ употребленіи винограда, впалъ въ глубокій сонъ, не менѣе заслуживаетъ извиненія; и преступленіе сына, который вмѣсто того, что бы сокрыть стыдъ отца своего, хотѣлъ въ глазахъ братьевъ своихъ сего достопочтеннаго отца, имѣющаго, кромѣ высокихъ личныхъ достоинствъ, неоспоримыя права на уваженіе, сего, говорю, Ноя, какъ стараго винопійцу сдѣлать презрѣннымъ для всей своей фамиліи,—сіе преступленіе заслуживало весь праведный гнѣвъ оскорбленнаго родителя; такъ какъ напротивъ два другіе сы-

на за свое почтеніе достойно получили его благословеніе. Моисей, который по извѣстной своей откровенности не умалчиваетъ даже о слабости великихъ мужей—героевъ своей новѣсти, имѣлъ особенныя и различныя причины къ сохраненію сего частнаго произшествія. Египтяне, прикрывавшіе во времена его свою народную и естественную Исторію Миѳологіею, видѣли въ семъ подлинникѣ натуральное начало своего хлѣбопашества и воздѣлыванія винограда, изобрѣтеніе коихъ они уже приписывали *Озириду* и *Изидѣ*. Но еще болѣе; *Хамъ*, Праотецъ Египтянъ, проклинается отцемъ своимъ, и сіе прокляτіе простирается даже на потомство. Напротивъ того презрѣнные и угнѣтенные Израильтяне суть потомки благословеннаго *Сима*. Сколь унизительно для гордыхъ Египтянъ, и сколь отрадно для сыновъ Іакова! Хананеи,—потомки того же Хама; вотъ новое ободреніе народу Израильскому, котораго Богъ ведетъ къ завоеванію сихъ столь сильныхъ народовъ!

Цѣль Моисеева при описаніи потопа.

Симъ оканчивается Исторія Ноя, хотя онъ послѣ того жилъ еще триста лѣтъ. Намѣреніе сочинителя, какъ я уже сказалъ, не то было, что бы вести полную лѣтопись перваго міра, или Исторію особенно каждаго Патріарха; его цѣль, представить въ краткой связи только главнѣйшіе слу-

чаи изъ Исторіи человѣчества и Религіи. Онъ не могъ совсѣмъ опустить повѣствованія о потопѣ и новомъ началѣ человѣческаго рода; но съ благоразумнымъ выборомъ касается только тѣхъ обстоятельствъ, кои необходимы для его намѣренія, что бы тѣмъ скорѣе дойти до особенной вѣтви, которою начинается его частная Исторія Религіи. Что бы не оставить въ неизвѣстности Ноя и на прочее время его жизни, нѣкоторые повели его въ Китай, и сдѣлали *Фогіемъ*. Но Моисей для своей цѣли довольно уже сказалъ о немъ; и мы не имѣемъ нужды догадками распространять его Исторію. Напротивъ того для него было тѣмъ нужнѣе родословіемъ, вездѣ наблюдаемымъ отъ него, доказать точную связь частной своей Исторіи съ первымъ началомъ рода человѣческаго, и вмѣстѣ тѣмъ самымъ объяснить новое населеніе земли и главныя черты характера всѣхъ извѣстныхъ въ его время народовъ. И сія точная связь, при доспойной всего вѣроятія простотѣ, съ каковою онъ ведетъ сіе родословіе, а наипаче описываетъ происхожденіе всѣхъ народовъ, которые большею частію въ его время были извѣстны, даетъ всей его Исторіи такую степень достовѣрности, что посредствомъ сего одного уже заслуживаетъ все вѣроятіе; между тѣмъ она и нынѣ еще болѣе утверждается остроумными изслѣдованіями знаменитыхъ мужей, занимающихся раскрытіемъ таинъ Исторіи

и землеописанія, и объясняется по мѣрѣ успѣховъ въ ихъ открытіяхъ. Самая краткость времени, въ которое по сему описанію начинали опять образовашься человѣческія общества, придаетъ всему его повѣствованію какую-то особенную достовѣрность. Если бы сочинитель въ одномъ изъ ближайшихъ родовъ отъ Адама, вывелъ на сцену *Немврода*, или поселилъ какую нибудь колонію, которая бы предпринимала строить такую огромную башню; то вся его Исторія была бы баснь, худо выдуманная. Но здѣсь, когда сей новой народъ заимствуетъ изъ стараго міра познаніе природы и земледѣлія, употребленіе огня и металловъ,— здѣсь все повѣствованіе становится тѣмъ истиннѣе. Немвродъ, отъ многихъ истолкователей описанный первымъ тираномъ и разбойникомъ, напротивъ въ глазахъ Моисея имѣетъ такія заслуги въ разсужденіи новаго человѣческаго рода, что онъ хотѣлъ его увѣковѣчить, какъ перваго основателя и благодѣтеля человѣческаго общества. Ибо какъ, при медленномъ размноженіи людей, дикіе звѣри гораздо скорѣе и болѣе умножались; то это было благороднѣйшее употребленіе, каковое онъ могъ сдѣлать изъ своего геройскаго мужества и силы, что онъ, какъ первой *Геркулесъ* и *Тезей*, охранялъ обитаемую людьми страну; за то онъ преимущественно назывался *великимъ ловцемъ* и героемъ, которому уже другихъ, желавшихъ тѣмъ же средствомъ оказать

услуги человѣчеству, только уподобляли. И сіе благотворительное геройство необходимо должно было во всѣхъ возбудить къ нему такую довѣренность, что они добровольно предались его предводительству и благоразумію; такимъ образомъ онъ положилъ основаніе первому обществу, которое потомъ столь часто было разрушаемо нещастною страстію—побѣждать себѣ подобныхъ.

Происхожденіе народовъ и построеніе башни Вавилонской.

Симъ описаніемъ переходитъ Историкъ къ тому пункту времени, когда различные народы получили свое начало. Естественной союзъ родства и взаимное вспомоществованіе, каковое люди другъ другу оказывали въ земледѣліи и защищеніи отъ нападеній, долго держали вмѣстѣ соединенными первыя фамиліи. Но, при большемъ постепенномъ размноженіи, они оставили мѣсто жилища своего и пошли на Западъ, въ плодоносныя долины Сеннаарскія, между Тигромъ и Ефратомъ лежащія, которыя удобнѣе всѣхъ странъ доставляли пищу людямъ въ младенческомъ ихъ состояніи. Прельстившись плодоносностію и пріятнымъ положеніемъ сей страны, они рѣшились избрать ее для своего всегдашняго жилища; и что бы обезопасить себя отъ всѣхъ имѣющихъ случиться наводненій, и вмѣстѣ чтобъ потомкамъ оставить памя-

пникъ своего величія, они для сего положили воздвигнуть пирамиду или башню, которая вершиною касалась бы даже облаковъ. — Это есть единственный родъ памятниковъ, коими древніе необразованные народы, — доколѣ они не имѣли искусства и вкуса, — хотѣли и могли доказать свое величіе; остатки сихъ памятниковъ еще и нынѣ видны во всѣхъ странахъ, даже въ *Перу*. Смола, во множествѣ истекающая изъ земли въ сей странѣ, и глина—тѣ же матеріалы, кои *Семирамидѣ* и *Навуходоносору* сдѣлали столь легкимъ удивительное распространеніе Вавилона,—способствовали имъ къ произведенію своего предпріятія. Что верьхъ сей башни касался даже небесъ, это выраженіе столько натурально во всѣхъ языкахъ свѣта, что совершенно не льзя ожидать было, что бы оно подало случай насмѣхаться надъ Авторомъ сей книги; между тѣмъ оно *Императору Юліану* и его истолкователю показалось столь важнымъ, что они болѣе всего занимали свое остроуміе симъ предметомъ. Императоръ — Философъ изчисляетъ даже, что пространства всей земли не достало бы, если бы башню взнести только до луны. Остатки, которые принимаютъ за обломки сего ужаснаго строенія, и которые можно еще видѣть въ сей странѣ, суть произведеніе уже позднѣйшихъ временъ. Моисей и не упоминаетъ, что бы она была окончана; онъ повѣствуетъ только о предпріятіи — и оное почитаетъ поводомъ, что люди,

составлявшіе до сего какъ бы одну фамилію, имѣвшіе одинъ языкъ, начали другъ отъ друга отдѣляться, и отъ сего разсѣянія происходили мало по малу сполъ многія націи, отличныя одна отъ другой языкомъ и нравами. Ибо онъ тотчасъ прибавляетъ, что Провидѣнію не угодно было исполненіе сего намѣренія; и въ описаніи сего произшествія тотъ же языкъ, каковой видѣли мы при описаніи потопа! По сущности здѣсь видно еще первое истинное понятіе о Богѣ; а по выраженію сіе описаніе совершенно сообразно съ онымъ младенчествомъ разума и словесности, еще безъ понятія о Всевѣденіи, Вездѣсущіи и Предвѣденіи. Небо, по своему благодѣтельному вліянію на землю, есть для ума младенческаго собственное обиталище Бога; отселѣ онъ смотритъ на дѣянія человѣческія и сходитъ на землю для исполненія перемѣнъ, Имъ опредѣленныхъ. Человѣкъ грубый сіи Божескія опредѣленія почитаетъ сужденіями и представляетъ ихъ себѣ по человѣчески — въ видѣ самобесѣдованій. Вотъ еще достовѣрное доказательство подлинной древности сего повѣствованія. Хотя предпринимаемое строеніе такой башни само въ себѣ не могло быть противно Божеству; такъ мыслили только люди, которые въ исполненіи своего плана были разстроены. Но поелику произведеніе сего намѣренія въ дѣйство на первомъ шагу остановило бы спѣяніе человѣчества посредствомъ безчисленныхъ

внутреннихъ разстройствъ, судя по тому, что каждое сѣмейство стало бы присвоивать себѣ одинаковое право на сіе, общими силами построенное жилище; то обнаружившееся въ самомъ уже началѣ естественное разногласіе долженствовало учиниться средствомъ предупредить сіи, въ противномъ случаѣ неизбѣжныя, гибельныя слѣдствія; такъ какъ Провидѣніе вообще умѣетъ направлять всѣ предпріятія человѣческія по мудрымъ своимъ видамъ. Ибо грубость сихъ, опъ ловитвы дикихъ звѣрей одичавшихъ людей, была все еще такъ велика, что при не воздѣланной еще надлежащимъ образомъ почвѣ, они не могли толь тѣсно жить вмѣстѣ, не вредя другъ другу, или даже не истребляя одинъ другаго. Въ большихъ обществахъ всегда скорѣе образуется человѣчество, если оно уже способно къ законамъ нравственнымъ; но многочисленныя грубыя толпы, весьма часто въ своихъ нуждахъ похищаютъ у другихъ потребное, и истребляютъ другъ друга, не имѣя довольно духа общежитія.

Книги Моисеевы суть единственный вѣрный источникъ для повѣрки древности народовъ.

И такъ Сеннаарь, или Халдея и Вавилонія, есть то мѣсто, куда вышли поколѣнія, произшедшія опъ Ноя — и вѣроятно, однѣ только извѣстныя во времена Моисеевы. Одна колонія оспалась въ сей

щастливой землѣ. Но какъ первыя, отдѣлившіяся отъ оной фамиліи, вездѣ въ ближайшихъ странахъ находили такое же прекрасное небо, такую же богатую и знакомую природу; то человѣчество, во всѣхъ сихъ селеніяхъ, тѣмъ скорѣе могло образоваться, и познанія перваго міра, переданныя отъ Праотцевъ, могло употреблять на улучшеніе земледѣлія, сооруженіе городовъ, изобрѣтеніе искуствъ и на образованіе нравственныхъ обществъ. Между тѣмъ другія колоніи, зашедшія въ дикія страны, гдѣ природа была имъ неизвѣстна, гдѣ они должны искать себѣ пищи въ лѣсахъ, или малыми ордами съ своимъ скотомъ вести жизнь кочевую,—натурально тѣмъ болѣе становились дикими, доколѣ какой нибудь *Орфей* не вызвалъ ихъ изъ лѣсовъ, и не показалъ имъ преимущества общественной жизни; или доколѣ древнѣйшія колоніи изъ довольно обработанныхъ и образованныхъ странъ — *Финикіи*, *Халдеи* и *Египта*, не перенесли имъ искуствъ, законовъ и плодовъ странъ своихъ. Наконецъ третія, по склонности къ звѣроловству, или изъ страха—быть угнѣтенною отъ другихъ сильнѣйшихъ непріятельскихъ колоній, всегда болѣе отдаляясь въ страны суроваго климата, осталась въ кочевомъ состояніи безъ законовъ, и заперявъ всѣ искусства общественной жизни, впала въ крайнюю дикость, изъ которой болѣе уже не выходила. Тщетно было бы изслѣдовать о произшествіяхъ

сихъ народовъ, потому что всѣ повѣствованія о нихъ затеряны. Извѣстія дошли до насъ только о тѣхъ націяхъ, которыя составляли порядочныя Государства и общества. И хотя достовѣрные памятники ихъ не существуютъ болѣе; однако провидѣніе сохранило для насъ столько признаковъ ихъ бытія, что по мѣрѣ усилія ученыхъ въ изслѣдованіи сего, новыя открытія всегда болѣе утверждаютъ истину подлинныхъ свидѣтельствъ, и тѣмъ достопочтеннѣе дѣлаютъ для насъ познанія, каковыя въ разсужденіи всей Исторіи человѣчества заключаетъ въ себѣ сія *драгоцѣнная книга.* По крайней мѣрѣ всѣ свѣтскіе Историки согласны съ *Моисеемъ* въ томъ, что *Халдея*, *Финикія* и *Египетъ* были первыя страны, гдѣ люди жили въ образованныхъ обществахъ, обитали въ городахъ, и земледѣліемъ, законами и искуствами первые взошли на степень просвѣщенія; и что ихъ колоніи, принесши съ собою науки, искуства и плоды, воздѣлали и украсили другія близь-лежащія на Западъ земли, откуда они потомъ разпространились и далѣе. А поелику плодоносныя равнины странъ Восточныхъ представляли людямъ столь же удобныя и покойныя мѣста для поселенія; то мы, безъ всякаго противорѣчія Исторіи Моисеевой, можемъ принять ихъ за первыя обработанныя и населенныя земли. Положимъ, что сіи Восточные и Сѣверо-Восточные народы произошли отъ другой какой колоніи, а не

отъ той, которая вселилась въ Сеннаарѣ, и что Моисей отъ сей послѣдней производитъ только народовъ извѣстныхъ въ его время; и въ такомъ случаѣ однако же они всѣ произходятъ отъ одного поколѣнія. Существенная важность состоитъ въ томъ, что всѣ люди произходятъ отъ двухъ человѣковъ, непосредственно сотворенныхъ отъ Бога. Безъ сего непосредственнаго творенія не льзя представить возможнымъ начало людей. Сверхъ того сходство людей во всей ихъ природѣ, въ наружномъ и внутреннемъ устроеніи ихъ членовъ, въ мѣрѣ силъ и роста, въ подобіи душевныхъ способностей и страстей,—сіе сходство столь велико, что общій семейственный характеръ, не взирая на всѣ перемѣны, произходящія отъ климата, нравственности и дикости, дѣлаетъ сію Исторію неоспоримою. Да и на цѣлой землѣ нѣтъ ни одного человѣческаго или Историческаго памятника, которой бы противорѣчилъ лѣтосчисленію сего творенія. А что нѣкоторые древніе народы присвоиваютъ себѣ чрезвычайно глубокую древность, это есть общее заблужденіе всѣхъ необразованныхъ людей, отъ гордости и глупости произшедшее. Для нихъ древность есть столь же лестный титулъ, какъ и для каждаго человѣка, взятаго въ особенности. Они почитаютъ существованіе свое тѣмъ болѣе и важнѣе, когда могутъ похвалиться, что они отъ начала жили въ предкахъ своихъ, такъ какъ же-

лаютъ еще жить и въ потомкахъ. И чѣмъ менѣе какой народъ имѣетъ Историческихъ памятниковъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ представить свое начало. Пусть человѣкъ, не пріобыкшій къ изчисленіямъ сего рода, выложитъ по догадкамъ число своихъ родоначальниковъ, начиная съ нашей Хронологіи; съ перваго раза представится ему безконечнымъ рядъ ихъ; но когда точнѣе вычислитъ и на каждое столѣтіе положитъ только по пяти, то не начислитъ и ста ихъ. Вообще, о началѣ какого бы то ни было народа не льзя по однимъ догадкамъ дойти до вѣрныхъ повѣствованій. Исторія предполагаетъ уже знаніе лѣтосчисленія, искуство писать и спокойное пребываніе на одномъ мѣстѣ; чего впрочемъ не могло быть ни у одного народа при первомъ его устроеніи. И потому, если мы не могли остаться въ вѣчной неизвѣстности въ разсужденіи всеобщаго начала человѣчества, въ такой неизвѣстности, при которой вмѣстѣ затерялось бы и первое основаніе всей Религіи; то и сіе одно дѣлаетъ для насъ *необходимымъ откровеніе*. Правда изустное преданіе можетъ сохранить нѣкоторыя главныя произшествія, нѣкоторыя знаменитыя имена; но обоюдность во времени и лицахъ, смѣшеніе чужеземной Исторіи съ отечественною, неопредѣлительная Хронологія, иносказательныя описанія, разрушенія, каковыя производитъ время, война, переселенія, смѣшеніе съ другими

націями, и иныя многія произвольныя дѣйствія, лишаютъ всякаго вѣроятія всѣ сполъ глубоко-древнія лѣтосчисленія. Нѣтъ ни одной эпохи въ какомъ либо сполъ древнемъ народѣ, которая бы не относилась ко времени описаннаго здѣсь возобновленія рода человѣческаго послѣ потопа. И сполъ глубокая мнимая древность Халдеевъ, Египтянъ и Китайцевъ, почитаемая прежде сего важною задачею, теперь ни къ чему болѣе не служитъ, какъ быть описанною въ dictionaires philosophiques. и Evangiles du jour, что бы обманывать не знающихъ читателей, заимствующихъ мудрость у сихъ Оракуловъ, и такимъ измѣннническимъ образомъ дѣлать для нихъ подозрительными первыя основанія вѣры, вмѣстѣ съ достовѣрностію сей драгоцѣнной книги. Ужасная древность, не менѣе какъ сто пятдесятъ тысячь лѣтъ, каковою хвастались Халдеи въ бытность у нихъ Александра, для того чтобы взять надъ Греками преимущество, — эта древность была простая Астрономическая игра; ученые, бывшіе въ его свитѣ, повѣрили счетъ, и по самой большей мѣрѣ не нашли болѣе девятнадцати столѣтій. Долговременныя царствованія Боговъ древнихъ Египтянъ, если они не предполагаютъ ничего худшаго, также ничто иное суть, какъ Астрономическія выкладки. По согласному всѣхъ древнихъ Историковъ свидѣтельству, съ *Менеса* начинается царствованіе смертныхъ надъ людьми, ко-

торый если не былъ самый *Хамъ*, то по крайней одинъ изъ сыновъ его. Равнымъ образомъ баснословныя *Эоны Индусовъ* суть ничто иное, какъ иносказательныя мироописанія. Подобныя симъ всѣ древніе народы себѣ выдумали и соединили съ своею Исторіею. По истинной Исторіи Индейцевъ, *Кришенъ* первой образователь ихъ страны, научившій ихъ религіи, — жилъ около двухъ тысячь лѣтъ до Рождества Христова; что слѣдовательно и утверждаетъ Хронологію *Моисееву*.

Китайцамъ напрасно приписывается глубокая древность.

„Но (скажутъ враги вѣры), Китайцы „— сей народъ столько превзошедшій всѣ „націи своимъ остроуміемъ, Астрономиче„скими познаніями, и точнымъ, глубокою „древностью ознаменованнымъ лѣтосчи„сленіемъ, и коего *Фоги*, гораздо прежде „нашей недостаточной Исторіи человѣче„ства, со ста тысячами завоевалъ эту „страну, научилъ Астрономіи, далъ мудрые „законы, и положилъ основаніе щаст„ливому постановленію Государства, кото„рое послѣ того столь многія тысячи лѣтъ „продолжалось безъ всякой перемѣны!!„ Одно только то нещастіе для сего народа, что онъ самъ ничего не знаетъ о всѣхъ сихъ великихъ произшествіяхъ. По собственному ихъ признанію сей *Фоги* принадлежитъ къ баснословнымъ временамъ;

и то всегда останется неизвѣстнымъ, существовалъ ли онъ дѣйствительно на свѣтѣ, или былъ только символическое существо, такъ какъ *Оаннъ* у Вавилонянъ, и, какъ кажется, онъ совершенно подобенъ сему послѣднему. Все знаніе ихъ о немъ состоитъ въ томъ, что онъ первой научилъ ихъ дѣлать хлѣбъ, ознакомилъ ихъ съ домашними животными, и показавши какъ плесть сѣти, научилъ ловить рыбу и птицъ. Всѣ прочія достовѣрныя повѣствованія о его великихъ дѣяніяхъ взяты изъ богатаго магазина свидѣтельствъ — тайной Архивы *Фернейской*. Вообще сія нація не можетъ понять, какую Европейцы находятъ для себя выгоду, приписывать имъ столь великія преимущества, и особенно такъ жарко споритъ за древность ихъ Исторіи, которую они сами почитаютъ за басню. Но сей народъ, при всемъ своемъ благоразуміи, не имѣлъ никакого понятія о *нашихъ сильныхъ умахъ*. По собственной Исторіи Китайцовъ, первая ихъ династія начинается во времена Авраама; но ихъ Исторія, по ихъ же собственному признанію, еще около шестнадцати столѣтій оставалась въ совершенной неизвѣстности. Даже *Конфуцій* начинаетъ свою Хронологію съ седьмаго столѣтія до Рождества Христова, точно со времени Эры *Набонассаровой*, которою Халдеи и Греки начинаютъ вѣрное лѣтосчисленіе: неоспоримое доказательство, что Халдеи были въ семъ учители Гре-

ковъ, и сіе утверждается еще болѣе тогдашними ихъ путешествіями къ Западнымъ Азіатскимъ народамъ; вѣроятно и самъ *Конфуцій* былъ ученикомъ Халдѣевъ и Браминовъ. Но съ сего времени его повѣствованіе, по вѣрнымъ ихъ Историкамъ, чрезъ нѣсколько столѣтій опять подозрительно, и извѣстный Мандаринъ и Вице-Король Кантонскій почитаетъ такими же въ своей Хронологіи всѣ тѣ произшествія, о коихъ говоритъ Китайская Исторія, восходя выше четырехъ сотъ двадцати лѣтъ до Рождества Христова. Такимъ образомъ Провидѣніе каждымъ новымъ открытіемъ въ Исторіи и Географіи, при всей злобѣ враговъ своихъ, увеличиваетъ почтеніе къ сей *Божественной книгѣ*, которая нѣсколько тысящелѣтій сохранялась, какъ первый чистый источникъ Вѣры.

О происхожденіи языковъ, или разныхъ нарѣчій.

Но прежде нежели послѣдую за сочинителемъ въ его частной Исторіи, долженъ я сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно показаннаго здѣсь происхожденія разныхъ языковъ.—Ибо по изьясненному въ предъидущемъ отдѣленіи общему произхожденію всѣхъ народовъ отъ одной главы, естественно было и то, что бы они, пока оставались еще какъ бы однимъ великимъ семействомъ, имѣли и одно нарѣчіе, одинъ языкъ; и въ самомъ дѣлѣ, всѣ толкователи

согласны въ томъ, что различіе по сему предмету произошло только при семъ раздѣленіи. Разность изьясненія состоитъ лишь въ слѣдующемъ: произшедшее при сооруженіи башни смѣшеніе зависитъ ли отъ разногласія, такъ что открывшаяся за тѣмъ разность языковъ человѣческихъ есть естественное слѣдствіе причиненнаго симъ разногласіемъ раздѣленія; или же Богъ, въ намѣреніи остановить довершеніе начатаго зданія, произвелъ посредствомъ чуда въ душахъ человѣческихъ такое забвеніе отечественнаго языка съ одной стороны, а съ другой столь много новыхъ языковъ, что они отъ того принуждены были оставить свои затѣи, и смѣшеніе было симъ образомъ непосредственное происхожденіе всѣхъ языковъ, коими народы еще по нынѣ различаются.

Самое рѣченіе: *Богъ смѣси языки ихъ*, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы заставляло насъ допустить подобное чудо, и изьясненіе остается также буквальнымъ и естественнымъ, ежели оное заимствуютъ отъ несогласія. *Потопи Господи и раздѣли языки ихъ*, молится Давидъ въ псалмѣ 54. 10. когда вопіетъ къ Богу, да разрушитъ онъ посредствомъ несогласія злые замыслы враговъ его; и нѣтъ можетъ статься ни одного языка на свѣтѣ, въ которомъ бы сходство и несходство въ мысляхъ и чувствованіяхъ не выражались рѣченіями: *быть единогласну, разумѣть другъ друга, говорить едиными*

устали. Даже и то обстоятельство, что смѣшеніе приписывается непосредственно Богу, не подтверждаетъ сего чуда. Это естественный языкъ книги, научающей наипаче той великой истинѣ, что всѣ приключенія и перемѣны въ свѣтѣ состоятъ подъ управленіемъ сего Высочайшаго существа, и должны всѣ слѣдовать сообразно съ Его премудрыми видами. Кромѣ сего, принимаемое здѣсь чудо, по мнѣнію моему, неизъяснимо. Говорятъ: „смѣшеніе языковъ было толь велико, что людямъ не возможно уже было продолжать строеніе.“ Но ежели ставить оное основою различія теперешнихъ языковъ въ свѣтѣ, то смѣшеніе сіе долженствовало быть вдругъ столь великимъ, сколь различенъ нынѣшній какой нибудь Африканскій, или Американскій языкъ отъ Европейскаго. Это предполагаетъ совершенную потерю памяти, совершенно животворенное состояніе, которое не льзя себѣ представить иначе, какъ съ утратою всякаго смысла, и съ которымъ долженствовали бы рушиться всѣ общественныя, даже всѣ домашнія связи. Дитя не знало бы своего отца, не помнило бы имени его. Если же скажутъ, что всякой на мѣсто утраченныхъ словъ получилъ толикое же число новыхъ; то это опять новое, опять неизъяснимое чудо, столь же разнообразное, сколь разнообразны были люди;— при таковомъ явленіи Провидѣніе не могло еще быть увѣреннымъ въ достиженіи крайней своей цѣли. Ибо сколь легко было

согласиться опять въ небольшемъ количествѣ словъ, каковыя требовались къ продолженію такого простаго строенія! Но гораздо вѣрнѣе и надежнѣе выполняло всю цѣль одно разногласіе; когда уже виды, имѣвшіеся при строеніи, были по себѣ такого рода, что коль скоро произходилъ вопросъ: какое сѣмейство, при случаѣ наступающаго размноженія, имѣетъ ближайшее на то право?—раздѣленіе долженствовало послѣдовать необходимо. Для изьясненія многихъ, существующихъ теперь языковъ въ свѣтѣ, чудо сіе столь же мало нужно, сколь мало нужно чудо для того, что бы разныя черты лица народовъ и оттѣнки бѣлаго и чернаго цвѣта изьяснить изъ средней смуглой краски сей страны; или для того, что бы изьяснить теперешнее несходство буквъ съ древними Финикійскими. Одинъ оттѣнокъ также натуралень какъ и другой. Коль скоро несогласіемъ рушилась общая связь и сѣмейства разрознились, то конечно каждое взяло съ собою отечественной, природной языкъ; но какъ сей языкъ необходимо былъ еще весьма чувственный и скудный, и могъ состоять, по большей мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ сотъ коренныхъ словъ, и потому каждое, получая новые предметы и распространяя свои понятія, избирало себѣ для означенія оныхъ новыя слова; то не только должны были сіи слова положить основаніе особенному языку, но, такъ какъ Граммаика извѣстнаго языка есть по-

слѣдняя степень его совершенства, которую разумъ не прежде обрабопываетъ, какъ достигши уже самъ извѣстной образованности; то, говорю, не менѣе естественно и то, что бы разныя отрасли одного и того же языка кореннаго получали мало по малу разное строеніе. Но, съ симъ предположеніемъ, долженствовали и принесенныя каждою колоніею первоначальныя коренныя слова измѣняться въ ней мало по малу такъ, что ихъ выговоръ и значеніе уклонялись все болѣе отъ нарѣчія прочихъ. Кто знакомъ нѣсколько съ сими перемѣнами, тотъ не будетъ ожидать отъ меня обстоятельнаго изложенія, какимъ образомъ сіи коренныя слова — частію теряются вовсе въ языкѣ, или получаютъ мало по малу совсѣмъ другое значеніе; частію же отъ безпрестанныхъ перемѣнъ буквъ одними и тѣми же органами и отъ перемѣнъ причиняемыхъ климатомъ, суровымъ или образованнымъ родомъ жизни, большею или меньшею живостію и нѣжностію чувствованій, — дѣлаются въ нѣсколько столѣтій столь непримѣтными, что едва ли и самый искусный можетъ открыть первоначальное производство оныхъ. Какихъ перемѣнъ не претерпѣлъ нашъ Нѣмецкій языкъ въ ближайшихъ между собою нарѣчіяхъ! Въ послѣднія времена Римской Республики Латинскіе стихи изъ временъ Царей были и для самыхъ жрецовъ загадкою; и какой Нѣ-

мецъ въ Отфридовомъ Евангеліи узнаетъ нынѣ свой языкъ?

Причины измѣненій языковъ и нарѣчія.

У народовъ, кои не имѣютъ еще ни искусства писать, ни правилъ для своего языка, установляющихъ въ немъ выговоръ, (а таковыми должны мы представлять себѣ всѣхъ сихъ первыхъ народовъ;) сія перемѣна естественнымъ образомъ была нарочитѣе. Чѣмъ далѣе сіи колоніи подвигались отъ своего перваго жительства, чѣмъ разнообразнѣе были климаты, въ которыхъ поселялись, чѣмъ чаще перемѣняли свои мѣстопребыванія и чѣмъ болѣе на своихъ походахъ смѣшивались съ другими народами; тѣмъ скорѣе и далѣе долженствовали они уклоняться въ своихъ языкахъ другъ отъ друга; тогда какъ нарѣчія тѣхъ народовъ, кои оставались жить по близости одинъ съ другимъ и вступили ранѣе въ образованныя связи, удержали необходимо и вящшее сходство.—Сіе доказываетъ описаніе языковъ на всемъ шарѣ земномъ, ежели *Вавилонъ* принять такою точкою, изъ которой вышли всѣ сіи народы. Ибо языки всѣхъ сихъ послѣднихъ народовъ, оставшихся наиближе къ Вавилону, удержали свой первоначальной сѣмейственной характеръ такъ явственно, что онѣ видимымъ образомъ — дщери одной матери, которыя, по причинѣ ощутительнаго еще и понынѣ сходства, за четыре тысячи

лѣтъ были необходимо гораздо сходственнѣе;—ясное доказательство, что смѣшеніе, причинившее остановку въ строеніи, не могло состоять въ семъ различіи языковъ. По крайней мѣрѣ Провидѣніе было бы удосповѣреннѣе въ своихъ видахъ, если бы оно симъ народамъ, оставшимся ближе къ Вавилону и Ефрату, удѣлило такіе языки, которыми говорятъ на краяхъ свѣта; напротивъ тѣхъ, кои сохранили первоначальное Халдейское нарѣчіе, переселило въ оныя отдаленныя страны свѣта, за *Имаусъ* и *Атласъ*. Симъ образомъ сколь необходимо ни было то, что бы народы, отдѣляясь далѣе отъ своего общаго главнаго колѣна, теряли и первоначальное сходство въ своихъ языкахъ; все однакожъ время, смѣшеніе и климатъ не могли изгладить сіе сходство до такой степени, что бы не сохранились нѣкоторыя черты сѣмейственныя, изъ коихъ проницательность превосходныхъ мужей, занимающихся подобными изысканіями, дѣлаетъ родство почти всѣхъ, даже и самыхъ древнѣйшихъ Европейскихъ языковъ, часъ отъ часу явственнѣе; такъ что разныя направленія походовъ, предпринятыхъ народами къ Западу до Пиринейскихъ горъ, а къ Сѣверу до Финляндіи, начинаются всѣ въ странѣ сей, которая въ книгѣ оглашается намъ первымъ мѣстопребываніемъ теперешняго рода человѣческаго. Поелику слѣды сихъ Западныхъ направленій, принятыхъ отсюду языками, еще примѣтны; то не льзя ли

было бы открыть таковое же родство между Восточными и Сѣверо-Восточными, если бы, какъ теперь уповать можно, познакомились покороче съ древнимъ языкомъ *Персовъ* и *Индейцевъ*. Кромѣ сего остаются еще, можетъ статься, безчисленные другіе языки, каковы всѣ языки дикихъ Африканскихъ и Американскихъ народовъ, которые ни между собою, ни съ извѣстными нашими языками не имѣютъ, кажется, ни малѣйшаго сходства. Но поелику мы не знаемъ ни происхожденія, ни смѣшенія, ни походовъ сихъ народовъ; поелику они не пишутъ на своемъ языкѣ; и поелику, при ихъ грубыхъ необразованныхъ органахъ и при ихъ необщежитіи, одинъ выговоръ можетъ сдѣлать два довольно близкіе между собою языка, совсѣмъ не примѣтными, и каждый небольшой народъ, говорящій отличнымъ языкомъ, отдаляетъ всякое сношеніе съ другимъ народомъ: то многіе изъ сихъ, столь различныхъ для слуха языковъ, могутъ имѣть близкое общее происхожденіе, хотя оно по недостатку всѣхъ письменныхъ памятниковъ и неизслѣдимо. Ибо какъ Египтяне и Ефіопляне распространились въ такой мѣрѣ по Восточной сторонѣ Африки, а Финикіяне по всему Сѣверному и Западному берегу; то не можетъ ли это служить вѣроятнымъ основаніемъ общаго происхожденія языковъ оныхъ дикихъ народовъ? Г. *Кондамина* думалъ, что есть еще возможность, найти начало языковъ

и дикихъ Американскихъ народовъ. Сіи народы, вѣроятно, имѣютъ не одно происхожденіе. Но какъ Сѣверо-Западная страна сей части свѣта отдѣлена отъ Сѣверо-Восточной Азіи только узкимъ проливомъ, и народы, живущіе другъ противъ друга, сходствуютъ между собою въ наружномъ видѣ, нравахъ и образѣ жизни, какъ будто бы они составляли одну націю; — то не можно ли тутъ равномѣрно воображать себѣ общее происхожденіе всѣхъ языковъ и притомъ мыслить себѣ такое направленіе, которое бы и съ сей стороны приводило насъ опять къ оному первому мѣстопребыванію человѣчества? Едва ли можно по крайней мѣрѣ утверждать, что бы, какъ сходство языковъ весьма еще ощутительно въ тѣхъ странахъ, которыя смѣшеніе должно было сперва постигнуть, — что бы, говорю, все оное несмѣтное множество языковъ дикихъ народовъ тогда же прошло на край свѣта.

Планъ Автора.

Я приступаю опять къ Исторіи Религіи, отъ которой уклонился сими послѣдними отступленіями. Но съ ними столь тѣсно соединена Исторія потопа и преселенія народовъ, что не льзя было ихъ совсѣмъ опустить; я хотѣлъ по крайней мѣрѣ показать, что въ нихъ есть существеннаго, необходимаго. Съ сего пункта я буду всегда имѣть въ виду планъ мой·

Моисей на семъ мѣстѣ оставляетъ общую Исторію и повѣствуетъ только о родѣ *Сиѳовомъ*, для того, что бы собственное повѣствованіе Религіи, къ которому онъ приступаетъ, тѣмъ точнѣе содержать въ связи съ Исторіею міра.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

отъ призванія Авраама до его смерти.

Когда началось истинное Богопознаніе.

Исторія Религіи во всемъ пространствѣ своемъ есть ничто иное, какъ Исторія слабости человѣческой и тѣхъ средствъ, кои по своей премудрости избираетъ Провидѣніе для врачеванія сей слабости. Начало ея уже я изъяснилъ во второмъ размышленіи. Какъ скоро человѣкъ получилъ бытіе, Богъ открылъ ему въ себѣ Творца и Правителя міра; но чувственность, распространившаяся отъ Адама на потомковъ его, мало по малу столько усилилась, что познаніе сей истины во всѣмъ родѣ человѣческомъ, выключая одно сѣмейство *Ноево*, совсѣмъ истребилось. Провидѣніе избрало потопъ средствомъ, сію великую истину Вѣры опять сдѣлать извѣстною

новому роду человѣческому, посредствомъ новыхъ его родоначальниковъ; вотъ источникъ, откуда сіе познаніе произтекло у всѣхъ древнихъ извѣстныхъ народовъ! Очень натурально, что ближайшіе потомки сихъ Праотцевъ, перенесли съ собою эту истину въ тѣ страны, гдѣ они прежде поселились. Но въ доказательство, что сіе познаніе Бога не есть дѣйствіе размышляющаго разума, оно во всѣхъ странахъ почти въ одно время и одинакимъ образомъ начинаетъ искажаться; и сколь ни отдаленъ отъ насъ сей пунктъ времени, но Провидѣніе сохранило для насъ и въ Свѣтской Исторіи памятники какъ сего перваго чистаго познанія, такъ и упадка его — памятники утверждающіе Исторію разума и Религіи, какъ она здѣсь описана.

Мѣры Провидѣнія къ сохраненію его.

Теперь Исторія ведетъ насъ къ новому періоду, т. е. къ достойной всего нашего вниманія мѣрѣ, каковую избрала премудрость Божія для того, что бы сію великую истину вѣры содержать въ безопасности до того времени, когда разсудокъ будетъ болѣе пріуготовленъ познавать оную съ собственною увѣрительностію и сохранять ее.

Какъ оно постепенно изкажалось.

Впрочемъ понятіе Существа Высочайшаго столь важно для человѣка, что оно не могло быть вдругъ затеряно. Оно не иначе, какъ постепенно могло изкажаться, и на сіе въ Исторіи видимъ мы столь много доказательствъ, что дѣйствительно можемъ восходить до перваго его начала. Чрезвычайно различны виды, въ коихъ мало по малу обнаруживалась слабость сія. Не то было служеніе въ *Пагодахъ Индостанскихъ*, каковое въ Храмахъ *Египетскихъ;* совсѣмъ отмѣнное въ Капищахъ *Грековъ* и *Римлянъ*. Разность климата и страны, различной образъ жизни и правленія, все имѣетъ вліяніе на умъ нашъ и образованіе его, все имѣетъ вліяніе на образъ нашихъ мыслей. Между тѣмъ сколь ни различенъ способъ упадка сего понятія во внѣшнихъ видахъ своихъ, но онъ вездѣ одинаковъ по первымъ причинамъ, руководившимъ къ сему. Первое, въ раю начавшееся понятіе, утвержденное и распространенное въ новомъ человѣческомъ родѣ посредствомъ Ноя, открывало только одного Бога, одного творящаго и содержащаго Духа, даровавшаго бытіе всей природѣ; отъ Него величественныя тѣла небесныя получили свѣтъ и благотворное вліяніе; Онъ одинъ содержитъ на землѣ все въ плодотворной силѣ; Онъ сохраняетъ жизненные духи въ человѣкѣ. Такъ представляла Бога Вѣра. Я говорю *Вѣра*, а не Философія.

Разумъ былъ еще необразованъ, и столь бѣденъ въ познаніяхъ, что собственнымъ размышленіемъ не могъ возвысится до сей великой мысли. Но столько же трудно было ему и содержать сіе понятіе въ первой чистотѣ его. Онъ не зналъ еще силъ природы; ему не извѣстенъ еще былъ ни одинъ изъ великихъ ея законовъ; гдѣ онъ находилъ движеніе и дѣйствительную силу, тамъ представлялъ себѣ сего духа, сообщающаго дѣйствіе тѣламъ; и это былъ для него великій, все содержащій Творческій духъ; это была первая Философія, первое напряженіе ума человѣческаго.

Spiritus intus alit, totamqve divisa per artus
Mens agitat molem, totoque se corpore miscet.
т. е. Духъ питаетъ внутри; умъ Его, раздѣлясь по всей вселенной, движетъ оную и сообщается каждому тѣлу.

„*Я есть все, что было, что есть, и*
„*что будетъ; ни одинъ смертный не от-*
„*крывалъ покрова моего.*“ Такъ, по преданію Плутарха, изображенъ былъ сей великій Духъ вселенныя во Храмѣ *Изиды*. Если сія надпись и не столь древняя, какъ думаютъ; то по крайней мѣрѣ это было самое натуральное представленіе, какое только могъ имѣть о семъ Высочайшемъ Существѣ, при неопредѣлительныхъ и сбивчиныхъ познаніяхъ умъ, еще не довольно просвѣщенный. Понятіе само въ себѣ невинное, но опасное по своей тем-

нотѣ и неопредѣлительности. Для человѣка чувственнаго, неумѣющаго размышлять, это есть самый близкій поводъ мало по малу удаляться отъ истиннаго познанія, и прилѣпиться къ почитанію особенныхъ частей природы, и наипаче тѣлъ небесныхъ, — къ почитанію столь удобно происходящему отъ воображенія; а умъ испытательный можетъ на семъ пунктѣ заблуждаться совсѣмъ инымъ путемъ, и почесть за одно, *Бога и природу*. Въ младенчествѣ разумъ былъ гораздо наклоннѣе къ заблужденію перваго рода. Въ тѣхъ щастливыхъ странахъ, первомъ жилищѣ людей, гдѣ при безпреспанно-ясномъ небѣ, сіяніе свѣтилъ небесныхъ не запмѣвается облаками, и гдѣ люди, ведя пастушескую жизнь, при тихой атмосферѣ, могли и по ночамъ еще тѣмъ удобнѣе замѣчать ихъ теченіе, — тамъ величіе всесодержащаго Творческаго Духа необходимо разительнѣе для человѣка было въ сихъ великолѣпныхъ свѣтилахъ. И вопервыхъ въ солнцѣ: его ослѣпляющее сіяніе, его питательную теплоту, величественный ходъ, коимъ оно содержитъ въ порядкѣ природу, распространяя всюду свѣтъ, жизнь и плодоносіе, грубой человѣкъ не иначе могъ почитать, какъ собственнымъ дѣйствіемъ сего великаго Духа. Луна, менѣе величественная въ своемъ теченіи, не ослѣпляетъ сіяніемъ своимъ; но торжественная ночная тишина, сопровождающая господство ея, тихая прохлада, и плодотворная роса, которою

въ сихъ жаркихъ странахъ прохлаждается утомленная природа, суть доказательства благодѣтельнаго присутствія сего Духа. Кромѣ сихъ двухъ видимы еще пять свѣтилъ, хотя отличныя отъ Солнца и Луны по величинѣ и сіянію, но и онѣ особенно воодушевлены Божествомъ; потому что и онѣ обтекаютъ все небо. Здѣсь—на землѣ Божество даетъ жизнь всему только на время; но сіяніе, движеніе, сила жизненная седми великолѣпныхъ свѣтилъ, неизмѣнны; и такъ гдѣ могъ человѣкъ сходственнѣе съ натурою почитать Божество сіе, какъ не въ сихъ Его величественныхъ жилищахъ? Потому-то число *седьмь* сдѣлалось священнымъ. Между тѣмъ планеты въ началѣ не были еще особенными Божествами. Человѣкъ въ своей невинной простотѣ поклялся въ нихъ Великому Господу—Отцу природы. Но онъ чувствовалъ себя оживляемымъ, воодушевляемымъ тою же Божественною силою; онъ чувствовалъ, что чрезъ нее живетъ, ощущаетъ, и что Богъ особенно сохраняетъ его. И такъ не уже ли Богъ, оживотворящій оныя величественныя, неизмѣняющіяся тѣла, былъ менѣе для него дѣятеленъ, что бы даровать ему неизмѣняющееся бытіе? Здѣсь-то человѣкъ начинаетъ почитать ихъ особенными существами, особенными Божествами; но онъ совершенно не забылъ еще Существа Высочайшаго. Сей великой Духъ вселенныя еще существовалъ для него; онъ былъ еще Отцемъ природы, Господомъ силъ; сіи

седьмь Божествъ были его дѣти; и Солнце первымъ его порожденіемъ. И такъ сіи Божества низшія были посредниками, коимъ Творецъ ввѣрилъ сохраненіе и правленіе міра, и кои обитали въ оныхъ свѣтилахъ, какъ въ храмахъ своихъ. Имъ воздавали почитаніе и покланялись; Божество невидимое мало по малу теряли изъ памяти; оставалось о немъ только темное чувство; но храмы, алтари, жрецы и жертвы были единственно для сихъ чувственныхъ Божествъ; невидимый Богъ существовалъ только для Философовъ; они ему нигдѣ не воздвигали храмовъ, для него не курились нигдѣ ѳиміамы; для простаго народа, которой безъ помощи откровенія своимъ разумомъ не могъ возвыситься до сей истины—единства Бога — сіи видимыя седьмь звѣздъ были высочайшими Божествами, но Солнце и Луна первѣйшими, превосходнѣйшими. Солнце называли древніе *Белалъ*—Господомъ неба; *Озиридолъ*, *Аммонолъ*, *Бахусолъ*, *Молохолъ*; а Луну, *Мелехетъ* - Царицею, *Изидою*, *Астартою*. Но скоро отъ сихъ седми Божествъ произошли цѣлыя тысячи. Ибо какъ они, по разному разстоянію отъ того или другаго созвѣздія на небѣ, также по мѣрѣ приближенія и удаленія отъ земли и по другимъ перемѣнамъ, происходившимъ отъ того на землѣ, получали всегда разныя эмблематическія имена и виды; то народъ, позабывъ скоро собственное значеніе столь многихъ произвольныхъ представленій, или

не понимая совсѣмъ оныхъ, при каждомъ изъ сихъ аллегорическихъ именъ или изображеній, представлялъ себѣ особенныхъ Боговъ, коихъ онъ смѣшалъ съ различными подлинными именами Высочайшаго Божества, и надѣлалъ изъ того множество различныхъ Боговъ. Во всякой странѣ, куда переходили сіи Боги, получали они опять другія имена и изображенія, и были смѣшиваемы съ домашними именами Боговъ; отъ того-то произошли столь многія Миѳологіи; сіи были опять смѣшаны съ Исторіею натуральною и народною, заключавшими въ себѣ символическія понятія, и отъ того опять родилось множество новыхъ Боговъ. Наконецъ дошла очередь и до того, что бы богопворить людей. Сихъ Исторія также была перемѣшана съ Миѳологіею. Каждая колонія, по переселеніи въ другую страну, имѣла собственную Миѳологію, смѣшивала ее съ отечественною жителей той страны—и такимъ образомъ Ѳеогонія (Богорожденіе) подвергалась большимъ запутанностямъ. Такъ-то распространялось постепенно многобожіе, изгребляло вездѣ правильное понятіе о истинномъ Богѣ, *измѣнило славу сего нетлѣннаго Существа въ подобіе тлѣнныхъ человѣковъ, птицъ, четвероногихъ и гадовъ, пресмыкающихся по землѣ.* Рим. 1. ст. 23. И когда даже болѣе просвѣщенный разумъ со стыдомъ узрѣлъ сіе безуміе, и снова позналъ Высочайшаго невидимаго Бога; онъ не въ состояніи былъ—въ истинномъ свѣ-

мѣ съ точностію представить простому народу сего Бога, какъ единаго Господа и правителя міра, и не могъ возстановить публичнаго Ему служенія.

Поклоненіе звѣздамъ въ Халдеи. Θара.

По свидѣтельству Исторіи, почитаніе звѣздъ въ Халдеи началось прежде, нежели въ другой какой странѣ. Пастушеская свободная жизнь и всегда свѣтлое небо—даже во время ночи—были къ тому ближайшимъ поводомъ. Самой *Θара*, родоначальникъ поколѣнія, избраннаго Провидѣніемъ для того, что бы сохранить истинное познаніе Бога,—самой сей мужъ не былъ изключенъ отъ сего поврежденія разсудка человѣческаго. Моисей умалчиваетъ о семъ обстоятельствѣ для важныхъ причинъ; но *Іисусъ Навинъ* ясно говоритъ о семъ гл. 24 во 2. ст. Онъ, при твердѣйшемъ устроеніи народа, не имѣлъ нужды скрывать поступка сего. И если преданія заслуживаютъ вѣроятіе, то Θара дѣлалъ даже нѣкоторыя изображенія, относившіяся къ видимому вліянію звѣздъ, которому тогда вѣрили; и это-то было первымъ извѣстнымъ началомъ такъ называемыхъ *Талисмановъ*. Сіе преданіе особенно важно въ глазахъ извѣстнаго спарринаго противника откровенія. Ибо какъ онъ не можетъ отрицать того чрезвычайно великаго уваженія къ имени Авраама, великаго Пророка и наставника Вѣры, каковое вдрев-

ле имѣли къ нему всѣ Восточные народы, напр. *Халдеи*, *Персы* и *Индіяне;* но онъ спарается его привесть въ презрѣніе обыкновенною своею пустою увертkою, будто бы Θара былъ бѣдной горшечникъ, снискивавшій себѣ пропитаніе дѣланіемъ небольшихъ глиняныхъ истукановъ.—Но если сіе преданіе основательно; то оно предполагаетъ, что наблюденіе теченія и состоянія небесныхъ шѣлъ было славнымъ занятіемъ Θары; что онъ во всей той странѣ почитаемъ былъ священникомъ и другомъ сихъ Божествъ; которой таинственнымъ начертаніемъ умѣлъ соединять благотворное вліяніе (дѣйствіе) ихъ съ сими изображеніями; и что онъ, будучи главою своей фамиліи, и тѣмъ верховную власть; такъ какъ у всѣхъ древнихъ народовъ должность жреца соединена была съ достоинствомъ Повелителя. Впрочемъ сіи изображенія дѣйствительно могли быть изъ глины; это была единственная матерія, которой неусовершенствовавшееся искуство могло только дать видъ, доколѣ время не научило обдѣлывать камни и металлы. По древнѣйшимъ лѣтописямъ Индѣйскимъ, въ первомъ вѣкѣ былъ въ Индіи Князь, или Раіягъ *Θура*, котораго сынъ, оставивъ отечественную свою Религію, поселился на Западѣ и основалъ вѣру *Іудейскую*. Очень вѣроятно, что этотъ Князь никто иной былъ, какъ *Θара*, котораго въ сходственность повѣствованія Браминовъ можно почитать Княземъ Ин-

дійскимъ; ибо *Урѣ*, жилище *Θары*, гораздо восточнѣе лежитъ, нежели какъ думаютъ. Сей-то бѣдной горшечникъ для снисканія себѣ пропитанія продавалъ глиняныхъ идоловъ !!!

Почему для сохраненія истинной Вѣры избралъ Богъ народъ Израильскій, а не другой.

Поступимъ далѣе и разсмотримъ по руководству сей книги тѣ мѣры, которыя Провидѣнію угодно было употребить на исправленіе сей чувственной слабости; какъ Оно избрало родъ сего же *Θары*, для сохраненія въ насъ истиннаго Богопознанія, доколѣ разумъ пріидетъ въ совершенство; разсмотримъ, какимъ образомъ потомъ отъ сего рода оно распространилось по всей землѣ. Я не займусь здѣсь возраженіемъ, почему Богъ не сдѣлалъ всеобщею сію помощь, но только удостоилъ одинъ родъ, и почему именно сей родъ, а не другой? На сіе довольно отвѣтствовано было въ первомъ размышленіи. Это обыкновенные пути Провидѣнія, когда ему угодно болѣе просвѣтить и освѣтить вселенную. Оно избираетъ особенныхъ людей, даетъ имъ способности въ такой мѣрѣ, сколько требуетъ ихъ назначеніе, смотря по настоящему состоянію человѣчества и разума, и посредствомъ ихъ просвѣщаетъ вопервыхъ ту страну, которая болѣе способна къ принятію и распространенію о-

наго Божественнаго свѣта. Нигдѣ не видимъ мы совершенно равнаго раздѣленія даровъ Божіихъ. Впрочемъ если бы это было несправедливо въ какомъ нибудь случаѣ, то сей упрекъ относился бы до всего управленія міромъ. Сколь много имѣетъ преимущества въ разсужденіи умственныхъ и нравственныхъ способностей одинъ вѣкъ предъ другимъ, одна нація предъ другою, одинъ человѣкъ предъ другимъ! Откровеніе ни мало не увеличиваетъ сего различія. Предположимъ, если бы совсѣмъ не было откровенія; оное различіе, относительно къ натуральному познанію, было бы совершенно таковое же. *Дикой—Сократъ—Павелъ* —какое поразительное различіе? Но что касается до вопроса, почему именно сей народъ или сей человѣкъ, а не другой, удостоенъ сихъ преимуществъ; то его рѣшить совершенно не льзя. И предположивъ другую націю, все еще сей вопросъ можно будетъ дѣлать. Со стороны тварей, удостоиваемыхъ такого особеннаго благодѣянія, не льзя предполагать ни какихъ заслугъ; ибо гдѣ были заслуги въ вѣчности, когда Богъ устроялъ сей порядокъ? Нѣтъ! это есть свободной выборъ Премудраго и Преблагаго Правителя міра. Онъ кажется намъ совершенно произвольнымъ; но Высочайшая премудрость и благость не избираетъ никогда безъ цѣли, клонящейся къ величайшему совершенству цѣлаго. И можемъ ли сей выборъ назвать несправедливымъ и пристрастнымъ потому только, что мы

не совершенно понимаемъ онаго? Впрочемъ мы довольно знаемъ, что состояніе человѣчества и разума есть ближайшая причина сего выбора; иначе всѣ мѣры были бы тщетны; и вотъ крайнія границы, выше коихъ изысканіе наше не можетъ восходить. Въ сіи времена міръ еще не былъ пріуготовленъ ко всеобщему просвѣщенію. Обрабопываніе большею частію еще пустой земли, перемѣнной образъ жизни, многія малыя независимыя и не имѣвшія между собою, ни какихъ связей поколѣнія, а съ тѣмъ неразрывно соединенное одичаніе нравовъ, необразованный и не привыкшій къ размышленію разумъ,—все сіе могло бы сдѣлать тщетными мѣры ко всеобщему просвѣщенію; свѣтъ во всѣхъ странахъ міра могъ бы еще снова угаснуть. Для сего-то Богъ избираетъ сперва одинъ родъ, образуетъ и устроляетъ его такъ, что бы истина не могла быть затеряна. Безъ сего особеннаго устроенія все просвѣщеніе было бы безплодно; разумъ былъ еще столь слабъ, что не могъ вспомоществовать поддержанію онаго. Истина долженствовала еще быть соединена со всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, со всею политикою народа и поддерживаема различными для того устроенными строгими законами. Слѣдовательно, если бы весь родъ человѣческій сдѣлался участникомъ сего особеннаго преимущества въ одно время и въ такойже мѣрѣ; то всѣ особо состоящія общества

превратились бы въ Θеократіи (Богоправленія,) и всѣ малыя общества по своей Конституціи были бы отдѣлены отъ связей съ другими, и столько же привязаны къ опредѣленной имъ странѣ, какъ и сей народъ. Но при семъ сколь много человѣчество потеряло бы въ цѣломъ! Какъ поздно вышло бы оно изъ своего младенчества! И сколь много таковое устроеніе обществъ воспрепятствовало бы образованію разума и нравственности, успѣхамъ искусствъ и знаній, кои суть только дѣйствіемъ общественныхъ союзовъ, переселеній народовъ и собранія ихъ въ великія Государства! Тогда каждая колонія посредствомъ сего различія по закону, сдѣлалась бы совершенно особеннымъ родомъ людей, почитала бы себя единственною Θеократіею, и на всѣ другія смотрѣла бы съ тайною недовѣрчивостію, питая всеобщую къ людямъ ненависть; разумъ, уничиженный силою закона, оставался бы навсегда тѣмъ упорнѣе къ принятію умственнаго всеобщаго Богослуженія. Это все сбылось дѣйствительно въ семъ народѣ. Въ сравненіи съ сосѣдними націями онъ дѣйствительно остался назади въ Философіи, въ знаніяхъ и изящныхъ наукахъ; будучи отдѣленъ своимъ постановленіемъ отъ всего рода человѣческаго, онъ не находилъ нигдѣ довѣренности; непреодолимая ревность по законѣ, отвращеніе его отъ иноземныхъ нравовъ и обычаевъ, гордость питаемая особенными преимуществами, коихъ онъ удосто-

енъ отъ Бога,—все сіе дѣлаетъ его необщительнымъ, предметомъ всеобщей человѣческой ненависти. И хотя народъ Израильской, по особенному Божію Провидѣнію, былъ разсѣянъ между образованными націями около того времени, когда совершеннѣйшее просвѣщеніе міра долженствовало изъ него произойти; однако же рабская привязанность къ закону сдѣлала то, что онъ болѣе всего противился всеобщему распространенію совершеннѣйшей свободной Религіи; хотя впрочемъ все устроеніе его относилось единственно къ сей цѣли,

Если съ сего пункта смотрѣть на особенной выборъ народа Израильскаго; то не только умолкнетъ вѣчный крикъ противниковъ откровенія, — но напротивъ не льзя даже не удивляться премудрости Божіей, которая, приводя въ безопасность отъ всеобщаго упадка великія истины Вѣры, вмѣстѣ предотвращаетъ вредныя послѣдствія, могущія въ началѣ произойти отъ столь ограниченной конституціи—въ разсужденіи общественныхъ связей. Вотъ для чего сіе устроеніе ограничивается однимъ только малымъ народомъ!

Польза сохраненія истинной Вѣры.

Но здѣсь опять выходитъ вопросъ: что принесло пользы свѣту точное храненіе истиннаго Богопознанія, когда оно заключено было только въ тѣсныхъ границахъ

того народа, у котораго сохранялось? Постараемся отвѣтствовать на сіе. Во первыхъ, сіе истинное познаніе не столько ограничивалось одною націею, чтобы Провидѣніе не достигло намѣреваемой цѣли, клонящейся ко всеобщему просвѣщенію. Народъ Израильскій конституціею не столько былъ отдѣленъ отъ другихъ, что бы основанія его Религіи остались тайною для сосѣдственныхъ націй. Ни одинъ народъ не таилъ своей Религіи, и менѣе всего могъ сдѣлать это Израильскій. Всѣ эмблематическія, тайныя, гіероглифическія изображенія были противны его конституціи, и публичное исповѣданіе единаго Бога, Творца и Правителя міра, отвращеніе отъ всѣхъ чувственныхъ низшихъ Божествъ, составляли все основаніе какъ гражданскаго его устроенія, такъ и Религіи. Потому всѣ другіе народы должны быть тѣмъ внимательнѣе къ сему, чѣмъ болѣе отличался народъ Іудейской отъ всего свѣта въ разсужденіи гражданскихъ и Богослужебныхъ постановленій. И какъ сей народъ, по чудесному руководству, былъ поселенъ между великими и образованнѣйшими Государствами, кои посредствомъ наукъ и торговли составляли въ тѣсной между собою связи; то Провидѣніе не могло во вселенной избрать другаго мѣста, гдѣ сей свѣтъ могъ бы возбудить большее вниманіе и распространить лучи свои. Сей свѣтъ былъ еще дѣйствительно очень слабъ, что бы произвести всеобщее освѣщеніе; горизонтъ

былъ еще очень мраченъ: но онъ не изчезалъ безъ вліянія своего, какъ свидѣтельствуетъ Исторія. Впрочемъ сіе не было единственною цѣлію Провидѣнія. Великая цѣль его состояла въ томъ, что бы сей свѣтъ истины сохранить въ одномъ народѣ дотолѣ, пока разумъ пріуготовится къ принятію совершеннѣйшаго просвѣщенія, имѣющаго за симъ послѣдовать; что бы разумъ былъ тогда внимательнѣе къ великому свѣту и особенно примѣчательнѣе къ мѣсту восхода его; что бы онъ съ благоговѣніемъ къ Провидѣнію позналъ изъ того, что сіе освѣщеніе съ первой зари его, отъ начала рода человѣческаго, есть планъ избранный и исполненный съ безконечною премудростію Господомъ вселенныя.

Авраамъ.

Авраамъ, сынъ Ѳары, коего великая душа совершенно для сего предмета была образована, есть орудіе, избранное Провидѣніемъ для того, что бы положить начало исполненію сего чудеснаго плана. Но страна, въ которой онъ доселѣ обитаалъ, не есть театръ сего позорища; въ Палестинѣ долженъ онъ явиться родоначальникомъ всѣхъ исповѣдниковъ единаго Бога. Для сего и Ѳара долженъ былъ рѣшиться, избрать страну сію для своего жилища. Онъ дѣйствительно выходитъ изъ страны отечественной, но остается еще съ домомъ своимъ по ту сторону Ефрата —

и тамъ оканчиваетъ жизнь свою. Здѣсь-то получаетъ Авраамъ отъ Бога повелѣніе оставить домъ отца своего, и по Божію руководству слѣдовать въ землю, которую избрало для него Провидѣніе. Онъ вмѣстѣ слышитъ обѣтованіе Божіе: *и сотворю тя въ языкъ велій, и возблагословятся о тебѣ вся племена земная.* Гл. 12. Богъ открываетъ ему въ себѣ неограниченнаго Господа и Правителя міра, который по своему произволенію располагаетъ судьбами человѣческими; онъ говоритъ Аврааму о томъ, что должно случиться въ отдаленнѣйшія времена. Вотъ высочайшая степень понятія, каковое только можетъ имѣть человѣкъ о Провидѣніи!

Способъ, какъ Богъ производитъ таковое представленіе въ душѣ Авраама, въ семъ и въ другихъ явленіяхъ останется для насъ непостижимымъ. Всемогущій знаетъ открыть себя душѣ человѣка такъ, что она всегда *безошибочно чувствуетъ —что Богъ говоритъ ей.* Мы не можемъ также почитать излишними повторенія сихъ явленій, судя по предназначенію, къ которому Авраамъ былъ избранъ. Не упоминая о важныхъ причинахъ, для коихъ Моисей отдѣльно описывалъ каждое явленіе Бога, сіи повторительныя откровенія были нужны даже къ утвержденію въ вѣрѣ Авраама. Мы всегда должны переноситься умственно въ тѣ времена, въ кои жили первые люди, если хочемъ правильно разсуждать о нравахъ и познаніяхъ ихъ.

Такъ какъ человѣчество, въ разсужденіи гражданскаго и сѣмейственнаго устроенія, около сего времени едва начинало выходить изъ грубаго состоянія природы; то и разумъ едва начиналъ, развиваясь, удаляться отъ перваго младенческаго состоянія чувственности. И сколь поспѣшно сіе развитіе, когда силы разума уже довольно образованы и когда онъ знакомъ со многими познаніями; столь напротивъ оно бываетъ медленно, если разумъ лишенъ сей помощи. Сердце человѣческое во всякомъ состояніи можетъ быть велико, благородно, высоко; человѣкъ можетъ быть вѣренъ истинѣ, по мѣрѣ своего познанія: но умъ его только постепенно можетъ образоваться. Можно даже сказать, что онъ можетъ имѣть внутреннюю великость и силу, не имѣя полнаго проницанія въ связь истинъ; что есть собственно — дѣйствіе внутренняго Философскаго убѣжденія. Таковъ былъ Авраамъ. По достоинству и величію благороднѣйшій смертный, какого только могла образовать природа. Онъ съ спокойнымъ великодушіемъ, составляющимъ его характеръ, при искушеніяхъ идолопоклонства, заразившаго всю его Философію, остался непоколебимъ въ вѣрѣ древнихъ своихъ праотцевъ—въ Вѣрѣ единому Богу, Господу вселенныя; но сія Вѣра имѣла еще нужду въ укрѣпленіи, если онъ долженствовалъ наконецъ сдѣлаться просвѣщеннымъ и примѣрнымъ почитателемъ Бога, къ чему онъ и избранъ былъ. И если бы Моисей

представилъ намъ его въ другомъ видѣ; то онъ показалъ бы намъ его не въ томъ времени, когда Авраамъ жилъ, а съ тѣмъ лишилъ бы свою Исторію всей вѣроятности.

Съ довѣренною рѣшительностію оставляетъ Авраамъ отечественный домъ, и съ своею фамиліею и Лотомъ, у котораго онъ заступаетъ мѣсто отца, стремится исполнить Божеское повелѣніе; гл. 12. По вступленіи его въ землю, въ которой поколѣніе Хананеевъ, пришедшихъ отъ береговъ Чермнаго моря, уже довольно распространилось, онъ видитъ новое явленіе Божества и получаетъ обѣтованіе, что это есть та самая земля, которая будетъ нѣкогда собственностію его потомковъ. И сколь ни мало видно надежды къ исполненію сего обѣщанія, однако же Авраамъ принимаетъ оное съ полною довѣренностію. Какъ скоро онъ потомъ расположился при *Вефилѣ*; то первымъ дѣйствіемъ его было—воздвигнуть алтарь, и при подножіи его, безъ всякихъ чувственныхъ изображеній, поклониться Богу своему духомъ и истиною; чѣмъ самымъ онъ открыто доказалъ исповѣданіе единаго Высочайшаго Бога, Творца и Господа небесъ и земли. Но онъ не избираетъ здѣсь постояннаго себѣ жилища. Какъ все его богатство состояло въ великихъ стадахъ овецъ, воловъ и проч.; то онъ не иначе могъ жить, какъ перенося свои палатки съ одного мѣста на другое, ведя жизнь, по нынѣшнему выраженію, ко-

чевую. Выраженіе сіе не столь презрительно, какъ кажется съ перваго вида; и важность Авраамова отъ того столь же мало терпитъ, какъ величіе нынѣшнихъ Эмировъ, которые, не взирая на кочевую жизнь, тѣмъ не менѣе остаются независимыми Князьями. Между тѣмъ какъ Авраамъ приближается къ Югу, и голодъ принуждаетъ его съ своею многочисленною свитою оставить страну сію; то Провидѣніе употребляетъ это средствомъ сего избраннаго поклонника ввести въ ту землю, которая чрезъ нѣсколько потомъ столѣтій содѣлается великимъ театромъ, гдѣ Богъ въ его потомствѣ хотѣлъ показать себя единымъ истиннымъ Богомъ,—и симъ исполнить великую цѣль своего предопредѣленія.

Взглядъ на Египетъ.

Какъ Египетъ, по причинѣ ежегодныхъ наводненій, была страна плодоноснѣйшая во всѣхъ родахъ произрастѣній; то Авраамъ безъ сумнѣнія могъ тамъ найти довольное содержаніе: но онъ вмѣстѣ нашелъ въ Египтѣ уже устроенное, цвѣтущее Государство. Не льзя, кажется, сего политическаго, столь ранняго устроенія согласить съ краткостію времени, которое все, по обыкновенному счисленію отъ потопа до рожденія Авраамова,—простирается только до пяти сотъ лѣтъ. Но Египетъ, такъ какъ и Халдея, не есть такая

страна, для обработыванія и образованія которой потребно было бы продолжительное время. Первая поселившаяся тамъ колонія, при натуральной плодоносности земли, безъ многихъ работъ, производящихъ одичаніе, безъ всякихъ разсѣяній — могла вдругъ найти все нужное къ своему пропитанію. Ни въ одной странѣ на свѣтѣ жители не могли доставить себѣ пропитанія съ такою удобностію и столь дешево, какъ въ древнемъ Египтѣ. Сія чрезвычайная плодоносность, увеличенная древними Историками даже до невѣроятности, способствовала вмѣстѣ населенію, которое также описано чрезвычайнымъ; и поелику люди, при сей великой плодоносности, мало чувствуя и другихъ недостатковъ жизни, не смотря на вседневное приращеніе числа ихъ, — могли остаться жить весьма въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи; каковыя общественныя связи еще болѣе крѣпились ежегодными наводненіями, принуждающими жителей собираться на возвышеннѣйшихъ мѣстахъ: то сіе, а вмѣстѣ и деспотизмъ, гораздо ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, должны были произвести всѣ общественныя выгоды— построеніе городовъ, изобрѣтеніе необходимо нужныхъ искуствъ и знаній, и даже все политическое устроеніе. И хотя климатъ не столько благопріятствовалъ остротѣ и основательности ума жителей, что бы науки достигли тамъ когда либо такого совершенства, какъ въ Греціи подъ

тихимъ благотворнымъ небомъ: впрочемъ Египетъ былъ первою школою міра; его напослѣдокъ посѣщали всѣ, желающіе обогатить разумъ свой полезными познаніями. Я причисляю деспотизмъ къ причинамъ, посредствомъ коихъ Египетъ столь рано сдѣлался образованнымъ Государствомъ. Ибо сколько опасенъ сей бичь человѣчества для возмужалаго и образованнаго разума, потому что онъ подавляетъ всѣ его силы, истребляетъ всѣ благородныя побужденія, и изъ разумнаго, свободнаго человѣка дѣлаетъ подлаго, недѣятельнаго невольника; столько напротивъ полезенъ для человѣчества въ его младенчествѣ. Деспотизмъ умѣряетъ гордой духъ независимости, разумъ и духъ изобрѣтенія тѣмъ ранѣе развертываетъ; онъ, соединяя въ одно слабыя частныя силы, даетъ имъ тѣмъ болѣе дѣятельности, и тѣмъ легче руководствуетъ людей къ достиженію ихъ намѣреній. Впрочемъ нѣтъ никакой нужды думать, что бы сіе образованіе было уже слишкомъ совершенное; не надобно также почитать его всеобщимъ на земномъ шарѣ, или думать, что сей *Фараонъ* одинъ владычествовалъ надъ всею землею. Наконецъ, если принять вмѣсто Еврейскаго лѣтосчисленія Самаританское, въ коемъ рожденіе Авраамово полагается позже отъ шести до семи сотъ лѣтъ; то сіе запрудненіе само собою рѣшится.

Пребываніе Авраама во Египтѣ.

Я не могу здѣсь умолчать о слабости, въ которую впалъ Авраамъ на границахъ сей земли. *Сарра*, которой уже болѣе шестидесяти лѣтъ, еще въ цвѣтущей красотѣ; и Авраамъ славный поклонникъ единаго Бога, не помышлявшій никогда о неправдѣ, самъ отдаетъ на произволъ судьбѣ честь жены своей. — Какое торжество для враговъ сей книги, для столь нѣжныхъ, сердечныхъ друзей истины!—Но можно ли подумать, что бы священный Историкъ (если онъ не хотѣлъ выставить смѣшнымъ себя и свою Исторію) упомянулъ о произшествіи соблазнительномъ, которое онъ могъ и опустить, или по крайней мѣрѣ перемѣнить въ немъ все соблазнительное; можно ли подумать, что бы онъ упомянулъ о такомъ обстоятельствѣ, если бы онъ не почиталъ себя въ разсужденіи сего совершенно безопаснымъ? Человѣческая жизнь въ тогдашнія времена, въ сравненіи съ нашею, имѣла гораздо больше живости, хотя уже довольно близка была къ теперешнимъ нашимъ границамъ жизни; Сарра родилась въ такой странѣ, которая издревле преимущественно славилась красотою женскаго пола; жизненныя силы ея ни чѣмъ не были ослаблены, и при спокойномъ, умѣренномъ образѣ жизни, прелести ея тѣмъ долѣе могли сохранять свое достоинство. И такъ въ чѣмъ здѣсь

та соблазнительная нелѣпость? Развѣ въ томъ, что Сарра, особенно въ глазахъ Египтянъ—народа, невидавшаго никогда прекрасныхъ лицъ, могла показаться прелестною? И дѣйствительно страхъ Авраама былъ не безъ основанія. Народы, едва начинавшіе выходить изъ грубаго состоянія дикости, не знали никакихъ правъ гостепріимства; сильнѣйшему все было позволено; сіе доказываютъ похищенія *Дейяиры, Прозерпины, Елены.* Для того Авраамъ изъ благоразумной предосторожности, при вступленіи въ сію землю, и уговорился съ Саррою, что бы она называла себя его сестрою гл. 12. 13; необщежительная ненависть, каковую Египтяне питали противу всѣхъ чужестранцевъ, дѣлала страхъ его еще основательнѣе. Если бы Авраамъ назвалъ Сарру своею женою; то погибель его и съ домочадцами была бы неизбѣжна. Сарра по смерти его осталась бы тѣмъ вѣрнѣйшею добычею сладострастія сего народа. И такъ единственнымъ средствомъ, избавить себя и ее, была хитрость, что она его сестра: это собственно не есть ложь, но если бы и было несправедливо, то по крайней мѣрѣ ни кому вредить не могло. Сверхъ того Авраамъ взошелъ въ Египетъ со всею славою независимаго владѣтеля, и могъ быть увѣренъ, что если бы Фараонъ и вздумалъ включить Сарру въ число женъ своихъ, то это было бы со всею честію, каковою онъ долженъ сестрѣ Князя, въ величествѣ ему

[illegible] ивна. притомъ все еще ос-
[illegible] надежда—опять имѣть
[illegible]. Послѣдствие оправды-
ваютъ [illegible] мѣру. Какъ скоро
[illegible] границы Египта;
[illegible] своею обратила на се-
[illegible] и была представлена
[illegible] въ Гаремъ, въ на-
мѣрении [illegible] женою; а сколь
дорого [illegible] съ сестрою се-
[illegible] это доказыва-
етъ почтение, съ каковымъ онъ прини-
малъ Авраама—и дорогие дары, кои присы-
лалъ ему Фараонъ, какъ главѣ фамиліи.
Между тѣмъ Авраамъ находитъ здѣсь бо-
лѣе честности, нежели какъ онъ думалъ.
Поелику во времена *Іосифа* поклоненіе
солнцу въ *Онѣ* было уже такъ велико; то
вѣроятно во Египтѣ въ времена Авраамо-
вы начинали уже почитать Божество въ
великихъ тѣлахъ небесныхъ: впрочемъ
такъ, что сие суевѣрие не подавляло еще
познания истиннаго Бога. Фараонъ знаетъ
еще Бога и Провидѣніе. Внезапное неща-
стие (которое не описывается именно у
Моисея) постигаетъ Фараона и весь домъ
его. Всѣ древние народы почитали неща-
стія, если онѣ были неожиданны и чрез-
вычайны, особеннымъ Божіимъ наказаніемъ.
Друзья *Іова* болѣзнь его не иначе почита-
ли. И какъ между слугами Авраамовыми,
по причинѣ ихъ множества, не долго мог-
ло быть тайною, что Сарра [illegible]
[illegible] и даже горестная

ружила между ими гораздо большую связь, нежели какая бываетъ между братомъ и сестрою; то Фараонъ не ищетъ уже другой причины своего нещастія. Онъ ужасается при мысли, что отнялъ было жену у мужа, а еще болѣе у столь почтеннаго гостя, что нарушилъ священнѣйшее изъ всѣхъ правъ. Онъ дѣлаетъ Аврааму дружеской выговоръ за нещастіе, въ которое онъ самъ ввергнулъ его своею тайною; но вмѣстѣ доказываетъ свое уваженіе къ Саррѣ, объявляя ей, что онъ намѣренъ былъ имѣть ее своею супругою. Съ Царскимъ благородствомъ онъ вручаетъ ее паки Аврааму, и въ доказательство дружества своего, при отъѣздѣ Авраама, для безопасности повелѣваетъ дать ему проводниковъ. Вотъ Исторія, подавшая случай нашимъ бѣднымъ остроумцамъ къ насмѣшкамъ, коихъ самъ *Бель* не постыдился употребить. Для насъ она кажется маловажна и незначительна. Но если представишь, въ какомъ жестокомъ рабствѣ у сихъ же Египтянъ былъ содержимъ народъ Израильскій во времена Моисеевы, — и что сей намѣренъ былъ избавить отъ онаго своихъ сопечественниковъ и ввести въ землю, обѣщанную Праотцу ихъ Аврааму; то нѣтъ ни одной черты въ сей Исторіи, которая бы не вливала народу болѣе мужества и [redacted] довѣренности къ предпріятію

совершенно равнагъ; притомъ все еще оставалась для него надежда—опять имѣть ее когда либо у себя. Послѣдствіе оправдываетъ сію благоразумную мѣру. Какъ скоро вступилъ Авраамъ въ границы Египта; то Сарра красотою своею обратила на себя вниманіе всѣхъ и была представлена Фараону. Царь беретъ ее въ Гаремъ, въ намѣреніи имѣть ее своею женою; а сколь дорого онъ почиталъ союзъ съ сестрою сего великаго чужестранца, это доказываетъ почтеніе, съ каковымъ онъ принималъ Авраама—и дорогіе дары, кои присылаетъ ему Фараонъ, какъ главѣ фамиліи. Между тѣмъ Авраамъ находитъ здѣсь болѣе честности, нежели какъ онъ думалъ. Поелику во времена *Іосифа* поклоненіе солнцу въ *Онѣ* было уже такъ велико; то вѣроятно во Египтѣ въ времена Авраамовы начинали уже почитать Божество въ великихъ тѣлахъ небесныхъ; впрочемъ такъ, что сіе суевѣріе не подавляло еще познанія истиннаго Бога. Фараонъ знаетъ еще Бога и Провидѣніе. Внезапное несчастіе (которое не описывается именно у Моисея) постигаетъ Фараона и весь домъ его. Всѣ древніе народы почитали несчастія, если онѣ были неожиданны и чрезвычайны, особеннымъ Божіимъ наказаніемъ. Друзья *Іова* болѣзнь его не иначе почитали. И какъ между слугами Авраамовыми, по причинѣ ихъ множества, не долго могло быть тайною,—что Сарра жена Господина ихъ; и даже горестная разлука обна-

ружила между ими гораздо большую связь, нежели какая бываетъ между братомъ и сестрою; но Фараонъ не ищетъ уже другой причины своего нещастія. Онъ ужасается при мысли, что отнялъ было жену у мужа, а еще болѣе у столь почтеннаго гостя, что нарушилъ священнѣйшее изъ всѣхъ правъ. Онъ дѣлаетъ Аврааму дружеской выговоръ за нещастіе, въ которое онъ самъ ввергнулъ его своею тайною; но вмѣстѣ доказываетъ свое уваженіе къ Саррѣ, объявляя ей, что онъ намѣренъ былъ имѣть ее своею супругою. Съ Царскимъ благородствомъ онъ вручаетъ ее паки Аврааму, и въ доказательство дружества своего, при отъѣздѣ Авраама, для безопасности повелѣваетъ дать ему проводниковъ. Вотъ Исторія, подавшая случай нашимъ бѣднымъ остроумцамъ къ насмѣшкамъ, коихъ самъ *Бель* не постыдился употребить. Для насъ она кажется маловажна и незначительна. Но если представишь, въ какомъ жестокомъ рабствѣ у сихъ же Египтянъ былъ содержимъ народъ Израильскій во времена Моисеевы, — и что сей намѣренъ былъ избавить отъ онаго своихъ соотечественниковъ и ввести въ землю, обѣщанную Праотцу ихъ Аврааму; то нѣтъ ни одной черты въ сей Исторіи, которая бы не вливала народу болѣе мужества и большей довѣренности къ предпріятію Моисееву.

Возвращеніе Авраама въ Ханаанъ.

По возвращеніи своемъ въ Ханаанъ, Авраамъ идетъ къ Бефилю, что бы тамъ паки исполнить публично исповѣданіе своей вѣры и возблагодарить Бога за чудесное свое избавленіе. Между тѣмъ какъ число слугъ его и стадъ, подобно и число домашнихъ Лотовыхъ, болѣе и болѣе умножалось; также и Хананеи распространялись гораздо болѣе: то Авраамъ, руководимый благоразуміемъ своимъ, почитаетъ за нужное отдѣлиться отъ своего родственника. И поелику онъ уступилъ по своему великодушію выборъ мѣста Лоту; то сей избираетъ страну при *Іорданѣ*, близъ долины *Содомской*. Эта долина прежде своего разрушенія, отъ всегдашняго наводненія Іордана, терявшагося въ ней, была богата и плодоносна, какъ Египетъ; была садомъ Господнимъ, истиннымъ *раемъ*. Вотъ имя, коимъ всѣ древніе народы означали особенно плодоносныя свои страны. Но сія же натуральная плодоносность столько повредила нравы народа, обитавшаго въ оной долинѣ, что Провидѣніе вскорѣ потомъ ниспослало на него ужаснѣйшее наказаніе. Авраамъ, по сему договору оставшись въ Ханаанѣ, получаетъ послѣ сего повторительное обѣщаніе, что эта земля не только есть его обиталище, но она будетъ еще всегдашнею собственностію многочисленнаго его потомства.

Перемѣна жилища Лотова подала меж-

ду тѣмъ случай къ новому явленію, которое еще болѣе возвысило величіе Аврама и обратило вниманіе всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ на сего поклонника единаго Бога. гл. 14.

Мельхиседекъ истинный Богопоклонникъ.

Въ младенчествѣ родъ человѣческій, какъ еще и нынѣ у всѣхъ дикихъ народовъ, раздѣлялся на малыя независимыя общества, кои всѣ имѣли особенныхъ своихъ Государей *или* Князей, произшедшихъ непосредственно изъ первой неограниченной отеческой власти. Начальникъ фамиліи особеннымъ благоразуміемъ и храбростію, *или* благодѣтельными изобрѣтеніями и установленіями, пріобрѣталъ всеобщую довѣренность,—и слабѣйшихъ, привыкшихъ уже къ подобной отеческой власти, подвергалъ своему могуществу. Такимъ образомъ въ сіи отдаленныя времена каждой *городъ Финикійскій* имѣлъ собственнаго Царя; *малая Македонія* имѣла ихъ сто пятдесятъ; и Цари *Гомеровы* суть то же, что Цари въ Исторіи *Моисеевой* упоминаемые. Но недостатокъ пропитанія, взоръ на богатѣйшую сосѣдственную страну, а вмѣстѣ и непріязненныя дѣйствія и слабость сосѣдей, скоро возбудили гордость и духъ завоеванія; и описываемая здѣсь Моисеемъ война, судя по малочисленности войска, кажется, была одною изъ первыхъ таковыхъ опытовъ. Симъ духомъ возбужденный Царь *Еламскій* предпринялъ воинственный по-

ходъ чрезъ рѣку Тигръ; и соединясь съ другими Кушитскими Царями, прорвался даже до долины *Сиддима*, гдѣ онъ сдѣлалъ данниками пятерыхъ владѣльцовъ лежащихъ тамъ городовъ. Моисей повѣствуетъ о семъ походѣ не болѣе, какъ сколько требуетъ его цѣль. Между тѣмъ кажется, что оное вооруженіе имѣло предметомъ гораздо болѣе, нежели только завоеваніе сей долины, и состоитъ въ связи съ завоеваніемъ Египта кочующимъ народомъ (Гиккушъ) или Царями-Пастырями; и что сіи Кушиты (ибо такъ назывались всѣ восточные кочующіе народы) на одномъ изъ сихъ походовъ, около сего времени, дѣйствительно уже овладѣли нижнимъ Египтомъ; или что сей походъ былъ только первымъ опытомъ, а дѣйствительное завоеваніе послѣдовало уже послѣ многократно повторенныхъ нападеній. По крайней мѣрѣ дружеская заботливость Фараона, когда онъ далъ Аврааму для безопасности стражу, доказываетъ, что въ сіе время Египетъ не былъ безопасенъ со стороны сихъ восточныхъ народовъ; а подозрѣніе, какое во время Іосифа имѣли ко всѣмъ пастухамъ, приходящимъ изъ сей страны, — еще болѣе утверждаетъ нашу мысль. Когда между тѣмъ Царь Еламскій перешелъ обратно Тигръ; то пять Царей, надѣясь на богатство свое и удаленіе побѣдителя, своевольно отказались отъ дани, возложенной на нихъ. Симъ разъяренный завоеватель вступилъ опять въ ихъ землю

съ своими союзниками, чтобъ наказать вѣроломныхъ; они въ долинѣ своей безъ страха ожидали непріятеля: но были имъ совершенно разбиты, и все, что не могло укрыться въ горахъ и пещерахъ, все взято въ плѣнъ. Эта участь постигла и Лота, котораго стада паслись въ сей странѣ, и которой обиталъ въ Содомѣ. Какъ скоро Авраамъ былъ о семъ увѣдомленъ, вдругъ пробуждается его великодушная вѣрность; онъ со всею скоростію вооружаетъ триста рабовъ своихъ, довольно упражнявшихся въ воинскихъ подвигахъ; преслѣдуетъ безпечнаго непріятеля, почитающаго себя въ безопасности; прибѣгши къ нему, раздѣляетъ войско свое на три части; пользуясь темнотою ночи, нападаетъ на него и отнимаетъ у него всю добычу. На возвратномъ пути своемъ онъ имѣетъ новую радость, нашедши въ Царѣ Салимскомъ открытаго исповѣдника истиннаго Бога;—доказательство, что древняя Религія еще не вездѣ была заперяна! *Мелхиседекъ Царь* и вмѣстѣ Первосвященникъ (въ которомъ по образу Патріарховъ, какъ и въ Авраамѣ, верховная власть и Священство, или отправленіе Богослуженія соединены были,) выходитъ къ нему на встрѣчу, поздравляетъ съ щастливымъ успѣхомъ и за одержанную побѣду славитъ великаго Бога, Творца и Правителя міра, коему онъ вмѣстѣ съ Авраамомъ покланяется. Для подкрѣпленія воиновъ сего послѣдняго, онъ повелѣваетъ

выдать хлѣба и вина; напротивъ того Авраамъ даетъ ему десятую часть добычи, что бы вознаградить вредъ причиненный непріятелемъ его народу, а вмѣстѣ и возблагодарить за съѣстные припасы, которые на поспѣшномъ его походѣ употреблены его собственнымъ войскомъ. Здѣсь въ первой резъ встрѣчается слово *хлѣбъ*, о которомъ я говорилъ выше въ статьѣ о Ноѣ.—Царь Содомскій спѣшитъ также на встрѣчу Аврааму и изъ благодарности проситъ его, взять себѣ всѣ сокровища, отнятыя у непріятеля. Но Авраамъ съ благородною гордостію отвергаетъ сіе предложеніе; онъ не хочетъ ничего принимать, даже самомалѣйшаго; онъ не требуетъ никакой награды за великодушную помощь; особливо не хочетъ обогатиться добычею народа и подарками Царя, имъ избавленнаго. Онъ не ищетъ другаго богатства кромѣ того, которое сниспосылаетъ ему благословеніе Вышняго.

Подтвержденное обѣтованіе Аврааму о разможеніи потомства его.

Послѣ сего щастливаго похода Авраамъ получаетъ въ новомъ откровеніи увѣреніе, что сильная защита, вспомоществовавшая ему побѣдить непріятеля, не оставитъ его; и поелику онъ не желаетъ другаго богатства, кромѣ происходящаго отъ благословенія Божія, то и получитъ онъ сіе благословеніе въ умноженіи и величіи дома

своего, въ высочайшей степени гл. 15. *Не бойся, Аврааме, азъ защищаю тя, мзда твоя многа будетъ зело.* Отвѣтъ Авраамовъ есть достойная черта его откровеннаго, благороднаго характера. При вступленіи своемъ въ Ханаанъ, онъ съ полною довѣренностію принялъ обѣтованіе Божіе, что онъ будетъ нѣкогда Праотцемъ великаго народа, коему земля сія назначена въ собственность. Но какъ оное чрезъ столь многія лѣта еще не исполнилось и онъ терялъ уже надежду имѣть наслѣдника себѣ, по причинѣ глубокой старости своей супруги; то и почиталъ излишнимъ большее умноженіе своего богатства, будучи уже довольно благословенъ сокровищами для себя и для сына вѣрнаго своего раба, избраннаго имъ въ наслѣдники по себѣ (*). Однако Авраамъ получаетъ повторительное обѣтованіе, что не сынъ слуги, а его собственной—отъ него будетъ наслѣдникъ, и что чрезъ сего-то наслѣдника онъ будетъ Праотцемъ многочисленнаго потомства. И тутъ-то вѣра его становится столь тверда, что онъ принимаетъ сей

(*) Поелику при первомъ началѣ общественной жизни не было еще разныхъ видовъ состояній, но все было *Господинъ или рабъ*; то и Еліазаръ здѣсь называется *рабомъ*, какъ и Агарь рабою; хотя они въ такомъ домѣ, гдѣ было нѣсколько сотъ вооруженныхъ рабовъ, безъ сумнѣнія отличены были отъ другихъ особенными преимуществами.

обѣтъ со всею довѣренностію непоколебимою, хотя и не видитъ, какъ оный исполнится. Сія живая, полная увѣренность въ справедливости, всемогуществѣ и премудрости Божіей, была основаніемъ той Вѣры, которая предъ очами Божіими дѣлала Авраама столь достойнымъ, — и всѣ его поступки въ разсужденіи Бога и людей столь праводушными и благородными. *И вѣрова Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду.* Ст. 6. Ибо самая пріятная жертва, какую только можетъ человѣкъ принесть Создателю своему, есть—предать себя съ полною довѣренностію въ волю премудраго и благаго Провидѣнія, не испытывая способовъ дѣйствія его. Человѣкъ не можетъ совершеннѣе сего доказать своей вѣры въ Бога, не можетъ совершеннѣе сего почтить существо Высочайшее. Сія вѣра придаетъ человѣку какую-то спокойную величественность, которая облагороживаетъ весь его характеръ. Поелику Авраамъ избранъ былъ образцемъ всѣмъ вѣрующимъ въ истиннаго Бога; то ничто столь сообразно не было съ премудростію Вышняго, какъ отсрочиваніемъ исполненія обѣта показать ему тихія стопы Провидѣнія и тѣмъ придать вѣрѣ его великую—образцовую твердость. Ибо сей союзъ въ отношеніи человѣка съ Богомъ требуетъ всегда большаго укрѣпленія; когда напротивъ всегда бывающее, скорое и непосредственное исполненіе нашихъ ожиданій препятствуетъ сей мысли притти въ жизнь, или достигнуть

плодоносной дѣятельности. Авраамъ получаетъ потомъ особенное откровеніе о будущей судьбѣ обѣщаннаго ему потомства—откровеніе еще болѣе утверждающее его въ вѣрѣ. Въ древнія времена, при торжественномъ заключеніи договоровъ, было въ употребленіи, закалать нѣкоторыхъ животныхъ и раздѣленныя части ихъ полагать одну противъ другой; чрезъ нихъ переходилъ тотъ, кто обязывался къ исполненію обѣщанія. Примѣры таковыхъ договорныхъ жертвъ можно найти у многихъ древнихъ писателей, и Пророкъ Іеремія въ гл. 33, ст. 18. 19. о нихъ упоминаетъ. Авраамъ долженъ былъ приготовить такую же жертву; и какъ онъ сіе исполнилъ, то сѣлъ подлѣ жертвы, ожидалъ окончанія и отгонялъ хищныхъ птицъ, что бы она отъ нихъ не была осквернена. Въ семъ положеніи около вечера объялъ его глубокой сонъ; ужасный трепетъ (доказательство присудствія Божія, по всеобщей тогда вѣрѣ) проникъ всѣ его члены, и показалъ ему, что объявленіе, какое онъ получаетъ—есть Божественное откровеніе. Іов. гл. 4. ст. 13. 14 и 15. Объявленіе же слѣдующее: потомкамъ Авраамовымъ дана будетъ земля Ханаанская; только они сдѣлаются владѣтелями ея послѣ четырехъ сотъ лѣтъ, считая отъ рожденія обѣщаннаго ему наслѣдника; ибо Богъ наказаніе, имѣющее постигнуть настоящихъ ея обитателей, отсрочилъ до того времени; въ теченіи сихъ столѣтій потомки его бу-

дупъ въ чуждой землѣ, въ жестокомъ рабствѣ. Вотъ объявленіе, которое замѣтишь, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, для Моисея было весьма важно, и которое одно есть достаточное доказательство, что никто, кромѣ его, не могъ быть сочинителемъ сей книги. Весьма нелѣпо было бы принять, что Ездра, или кто другой, спустя тысячу лѣтъ, выдумалъ столь тонкое сплетеніе предсказаній. Авраамъ видитъ потомъ, какъ будто бы густой дымъ вмѣстѣ съ блескомъ свѣта проходящій чрезъ раздѣленныя части жертвы, и сіе почитаетъ за Божественное утвержденіе завѣта. Ободренный симъ онъ съ спокойнымъ повиновеніемъ предаетъ въ волю Провидѣнія исполненіе сего обѣщанія, и не помышляя избраніемъ другой жены произвести въ дѣйство сіе обѣтованіе, остается вѣрнымъ своей супругѣ; пока наконецъ она сама уговорила его, взять къ себѣ на ложо служанку ея Агарь, дабы она рожденнаго ею могла имѣть вмѣсто собственнаго наслѣдника. гл. 16. Онъ исполняетъ ея волю: ибо нравственность всегда сообразна степени просвѣщенія и тому устроенію, въ каковомъ находится человѣческое общество. Но едва увидѣла Сарра исполненіе своего намѣренія, какъ вдругъ пробудилась въ ней ревность. Авраамъ и въ семъ случаѣ не измѣняетъ своему характеру, и сколь ни справедливую онъ имѣлъ причину защищать Агарь; однако же не хочетъ никакъ нарушить обязанностей, коими онъ

долженъ своей супругѣ. Агарь, что бы избѣжать гнѣва Госпожи своей, удаляется въ свое отечество; но на границѣ получаетъ повелѣніе возвратиться въ домъ Господина своего. Вотъ важное обстоятельство для противниковъ книги сей, сдѣлать ее подозрительною, хотя имъ никто и не возпользовался—„Какъ? „восклицаютъ они: „Божество непосредственно „принимаетъ участіе, что бы въ томъ „или другомъ мѣстѣ беременная служанка „родила дитя свое? Могъ ли хотя одинъ „языческой Стихотворецъ своимъ пре„зрѣннымъ Божествамъ приписать не„пристойнѣе, соблазнительнѣе сего дѣй„ствія?“ Правда, если бы сіе явленіе касалось только одной Агари, то не льзя ничего выдумать нелѣпѣе. Но сіе дитя останется вѣчно достопримѣчательнымъ въ Исторіи человѣчества. Оно должно быть Праотцемъ народа, столь достопамятнаго изъ всѣхъ на землѣ поколѣній, которой нѣсколько тысячь лѣтъ существуетъ и будетъ безъ сомнѣнія существовать до скончанія міра. Сей народъ, не взирая на примѣтное различіе въ судьбахъ и характерѣ отъ сродственнаго ему поколѣнія Іудейскаго, въ томъ однако всегда останется ему подобнымъ, что не смотря на распространеніе свое на землѣ, не смотря на всѣ перевороты, въ коихъ происхожденіе и характеръ всѣхъ другихъ народовъ совершенно затерялись, онъ остается тѣмъ же народомъ и сохраняетъ собствен-

ной свой характеръ. Онъ вмѣстѣ съ Іудейскимъ народомъ признаетъ Авраама своимъ родоначальникомъ, отцемъ своея вѣры въ единаго Бога и творца вселенныя; и хотя это познаніе нѣсколько времени было затеряно между имъ: однако онъ призналъ послѣ того опять Бога Авраамова; презирая всякое идолослуженіе, онъ сдѣлалъ изъ сей вѣры себѣ собственной отличительной знакъ; и хотя въ меньшей мѣрѣ, старался съ ревностію распространять ее между такими націями, до которыхъ или не достигали лучи яснаго свѣта, происходящаго отъ собственнаго сына обѣтованія, или кои не могли оныхъ принять, потому что горизонтъ ихъ еще не былъ для сего довольно освѣщенъ. Такимъ образомъ Авраамъ посредствомъ двухъ сыновъ своихъ неоспоримо сдѣлался избраннымъ орудіемъ Провидѣнія. Отъ него происходитъ истинное Богопознаніе и открытое почитаніе Божества, если оное гдѣ либо въ свѣтѣ существуетъ и существовало; чрезъ него сей Божественный свѣтъ осіялъ и насъ; древнѣйшіе Арабы почитали Авраама какъ своего Праотца и учителя въ познаніи единаго Бога. Мысль, что Авраамъ поклонялся Творцу своему особенно въ *Меккѣ*, сдѣлала еще въ древнія времена для Арабовъ городъ сей священнымъ мѣстомъ поклоненія, подобно какъ для Персовъ и Маговъ городъ *Балхъ*, что въ Бактрѣ—которой они даже называли *городомъ Авраамовымъ*; ибо и сіи

равнымъ образомъ почитали его великимъ Пророкомъ, посланнымъ отъ Бога и учителемъ, который показалъ имъ путь къ истинному познанію единаго Творца. Они здѣсь, въ славномъ Храмѣ Огня, презирая всѣ видимыя изображенія, поклонялись невидимому Богу. И какъ Магомедъ, которой родъ свой производитъ въ прямой линіи отъ *Измаила*, выдалъ себя за пророка, посланнаго сію вѣру (сохраненіе которой онъ почитаетъ преимущественно собственностію сего поколѣнія) очистить отъ всякаго идолопоклонства, къ ней примѣшавшагося; то Мекка и нынѣ есть такое мѣсто, которое цѣлыя сотни тысячь, стекающіяся изъ трехъ частей свѣта, посѣщать ежегодно, и въ тамошнемъ Храмѣ, при мнимой молитвенницѣ Авраамовой, исповѣдать вѣру своего великаго Праотца—почитаютъ Священною обязанностію.

И такъ все ли равно, когда бы сей младенецъ потерялся въ неизвѣстности въ предѣлахъ Египта; или когда Провидѣніе повелѣло возвратиться матери его къ жилищу Авраама, съ тѣмъ чтобъ непосредственное происхожденіе отъ Авраама его и потомства его было извѣстно столь же достовѣрно, какъ и то, что потомство главной отрасли, по опредѣленію Провидѣнія, будетъ сохранено до конца міра? Гдѣ можно найти во всей Исторіи человѣчества подобное поколѣніе, коего происхожденіе и характеръ такъ сохранило бы Провидѣніе? Должно принять, что Моисей

по *небесному внушенію* замѣтилъ сіе обстоятельствіе, и въ 21. гл. вспрѣчающуюся Исторію. Ибо хотя въ его времена жилище, а можетъ быть и особенной характеръ первыхъ потомковъ Измаила уже были извѣстны; но сей народъ былъ еще тогда не столь значителенъ, чтобъ мѣлкія Исторіи его произхожденія заслуживали примѣчанія болѣе, чѣмъ произшествія прочихъ народовъ, ведущихъ начало свое равномѣрно отъ Авраама.

Рожденіе Измаила.

Агарь, почитавшая сіе явленіе видѣніемъ самаго Божества, была въ такомъ изумленіи, что едва отъ сего не лишилась зрѣнія. ст. 13. Это древнѣйшее мнѣніе, будто ни одинъ смертный не можетъ видѣть Божества, не потерявъ зрѣнія, или даже жизни, если онъ не получилъ на то явственнаго позволенія и не пріуготовился къ тому торжественными очищеніями. О семъ упоминается какъ въ Священныхъ книгахъ, такъ и у древнѣйшихъ писателей; доказываютъ сіе и памятники; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображаются Божества стоящими на алтаряхъ спиною къ приносящимъ жертвы, а индѣ жертвующіе съ закрытыми глазами. Агарь, повинуяся велѣнію, возвратилась въ домъ Господина, и родила сына, котораго назвала Измаиломъ. Можетъ быть Авраамъ, получивъ себѣ сы-

на отъ Агари, почиталъ уже исполненнымъ данное ему обѣтованіе.

Обѣтованіе о рожденіи Исаака.

Но по прошествіи тринадцати лѣтъ, Авраамъ въ новомъ явленіи получаетъ отъ Бога повторительное увѣреніе, что хотя и сей сынъ его будетъ Праотцемъ великаго потомства, и великіе народы и Цари воздадутъ ему честь какъ родоначальнику; но поколѣніе, которому опредѣлена въ удѣлъ земля Ханаанская, и которому онъ будетъ въ особенномъ разумѣ—Богомъ, произойдетъ онъ сына *Саррина*, гл. 17. Для воспоминанія сего обѣщанія, онъ долженъ сдѣлать перемѣну въ своемъ имени и отселѣ называться не *Авраамъ* (что значитъ великой и важной отецъ), но *Авраамъ—отецъ многихъ*; равнымъ образомъ и Сара должна заключать въ своемъ имени сей знакъ множества, и не *Сарою*, но *Саррою—великою Царицею* называться. Напротивъ того Авраамъ со всѣмъ родомъ своимъ долженъ совершенно посвятить себя сему Богу, такъ что почитаніе его единаго, Творца и Правителя міра, съ праводушіемъ сообразнымъ сему исповѣданію, и отверженіе всѣхъ идоловъ,—было непремѣнямымъ характеромъ, отличающимъ ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Вотъ завѣтъ, которой Богъ положилъ между Авраамомъ и сѣменемъ его. А чтобы имѣть всегда оной въ памяти, то Авраамъ и его по-

потомки должны отъ нынѣ носить на тѣлѣ своемъ особенной знакъ, изъ чего не выключаются даже купленные иноземные рабы. Ибо исповѣданіе единаго Господа есть первой и непремѣнной законъ въ семъ поколѣніи, и кто оприцается носить на себѣ видимый оный знакъ, того должно почитать мятежникомъ; потому что онъ, живя между народомъ, почитающимъ единаго Бога, какъ верховнаго своего Владыку, не хочетъ признать сего Бога своимъ Господомъ. Вотъ основаніе и начало Богоправленія, нѣкоторыми сколь много увеличенное.

Наказаніе Содомлянъ.

Наконецъ послѣ сего торжественнаго союза Авраамъ видитъ исполненіе обѣтованія и сына, чрезъ котораго оное нѣкогда произведено будетъ въ дѣйствіе, гл. 18. Описаніе сего есть образцовая, совершеннѣйшая картина древности, возводящая насъ выше героическихъ временъ *Гомеровыхъ*. Авраамъ при захожденіи солнца, уединенно предъ своею кущею, наслаждается прохладою воздуха; три чужестранца, въ отдаленіи отъ него стоящіе, ожидаютъ приглашенія; гостепріимной Авраамъ, примѣтивъ ихъ, почитаетъ должностію своею ввести въ сѣнь—и заботится о успокоеніи ихъ; малое различіе между господиномъ и слугами въ домашнихъ занятіяхъ, не взирая на Царское достоинство

Авраама и Сарры, и не смотря на множество рабовъ; почтеніе оказанное при семъ чужестранцамъ; простой способъ угощенія; Сарра не удаляющаяся отъ общества мущинъ; — все сіе есть живописное начертаніе древнѣйшаго образа жизни; и кому покажется сіе не благороднымъ и слишкомъ низкимъ, тотъ конечно не Гомера читать долженъ, а только вѣкъ Лудовика XIV. (Siecle de Louis XIV.) Но сіе явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вѣра Авраамова, касательно исполненія даннаго ему обѣтованія, не требовала болѣе подкрѣпленія. Но для великаго онаго назначенія, къ которому Авраамъ избранъ, а вмѣстѣ и для того, что бы вѣра его была образцемъ чистаго и совершеннаго познанія Бога, онъ имѣлъ нужду въ большемъ просвѣщеніи; и поелику разумъ его не могъ познавать еще совершествъ Божіихъ въ точной связи, какъ требуетъ сія вѣра; то онъ долженъ имѣть о нихъ непосредственное, очевидное познаніе; — и для того быть свидѣтелемъ ужаснаго наказанія Божія, опредѣленнаго *Содому*. Здѣсь онъ ясно видитъ доказательство оной великой и главной истины всей Религіи, что его Богъ есть Господь и Правитель вселенныя; Богъ всемогущій, всѣ произшествія въ натурѣ по своей волѣ избирающій, располагающій и устрояющій; Богъ всевѣдущій, который знаетъ всѣ дѣйствія человѣческія, и на добрыя взираетъ съ благоволеніемъ, а на злыя съ презрѣніемъ; и

посему перемѣны въ природѣ такъ устрояетъ, что бы вездѣ сохраняемъ былъ великой законъ порядка, и что бы люди тѣмъ внимательнѣе смотрѣли на Его непремѣняемую любовь къ добру. Авраамъ впрочемъ не почерпнулъ бы сего наставленія въ одномъ только погубленіи Содома. Но Господь говоритъ: *Вопль Содомскій и Гоморскій умножился ко мнѣ, и грѣси ихъ велицы зело. Сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко мнѣ совершаются, аще же ни, да разумѣю.* Языкъ сей уже извѣстенъ и довольно объясненъ выше. Авраамъ видитъ, что это не случай, но Богъ воздвигаетъ сію ужасную тучу надъ Содомомъ. И какое для него впечатленіе, когда онъ въ слѣдующее утро открывъ глаза свои, въ восходящемъ дымѣ видитъ яснѣйшее доказательство сихъ Божественныхъ свойствъ! Еще другое обстоятельство дѣлало сіе явленіе необходимымъ къ просвѣщенію познанія Авраамова. Порядокъ и красота природы не возбуждаетъ ума человѣческаго, еще младенчествующаго, къ познанію Бога, какъ Господа вселенныя; они мало трогаютъ его; чувства не способны и слишкомъ грубы для сихъ наблюденій; онъ напротивъ видитъ Бога только въ ужасныхъ явленіяхъ натуры, въ буряхъ, наводненіяхъ и землетрясеніяхъ; онъ слышитъ его только угрожающаго въ громахъ. — Таковы божества нынѣшнихъ, таковы были древнихъ необразованныхъ, грубыхъ народовъ; божества

страшныя, которыя въ казняхъ своихъ показываютъ только возбужденное мщеніе,— а нигдѣ всеобщей любви къ порядку. Вотъ пагубное понятіе, которое не допускаетъ человѣка познать соотношенія, каковое должно быть между піварію и Творцемъ; понятіе, которое похищаетъ у *Религіи* всѣ сладостныя побужденія къ добру—и сей благодѣтельный даръ небесъ превращаетъ въ страшной бичь міра, въ мрачное ужасное суѣверіе, которое ввело столь рано въ употребленіе жестокое средство примиренія—приноситъ въ жертву людей, и оное вездѣ распространило. Позорище ужаснаго наказанія Содомлянъ, которое Авраамъ теперь уже почитаетъ отъ Бога опредѣленнымъ за ихъ грѣхи, могло произвести въ немъ столь же страшное впечатлѣніе при мысли, — что можетъ быть и невинный погибнетъ вмѣстѣ съ беззаконными. Мы, знающіе Провидѣніе въ полномъ свѣтѣ, и увѣренные, что настоящая жизнь не есть конецъ бытія нашего, — мы можемъ видѣть, какъ и невинный въ свѣтѣ семъ бываетъ подверженъ такому же наказанію, какому грѣшникъ; и наша Вѣра въ мудрое и благое Провидѣніе отъ того ни мало не терпитъ. Но Авраамъ не достигъ еще сей степени просвѣщенія; разительнѣйшимъ доказательствомъ сему есть смятеніе, въ каковое погружено было его благородное сердце, какъ скоро онъ услышалъ о Божіемъ опредѣленіи. Мысль— представить Творца менѣе человѣколюби-

нился вступить съ нимъ въ тѣснѣйшія связи; не чувствуетъ срама, каковому подвергаетъ дочерей своихъ малодушною нерѣшительностію, не знаетъ конечно неестественной гнусности того преступленія, въ каковое впадаетъ въ своемъ упійствѣ: однакожъ прямо тѣмъ и доказываетъ, сколь мало онъ, какъ отецъ, старался въ сѣмействѣ оживить чувства Богобоязненности, нравственности и самой почтительности дѣтской. Съ ложной точки зрѣнія будетъ смотрѣть на сію картину тотъ, кто станетъ изъ сего заключать о низкомъ характерѣ сего мужа и его сѣмействѣ вообще: это общая картина человѣчества, едва выступающаго изъ состоянія дикости и незбразованнаго еще обществомъ. Онъ составляетъ только разительную противуположность съ характеромъ простаго по образу жизни, но благороднаго по мыслямъ и чувствованіямъ Авраама.

Приближается время, въ которое данное Аврааму обѣтованіе должно исполниться и посредствомъ своей, толь далеко за естественныя границы простирающейся отсрочки, даровать теперь его вѣрѣ совершенное подтвержденіе.

Приключеніе съ Авраамомъ у Царя Филистимскаго Авимелеха.

Между тѣмъ мы видимъ здѣсь еще новое произшествіе съ Авраамомъ, которое

по поводу и окончанію совершенно подобно приключенію, бывшему съ нимъ въ Египтѣ, гл. 20. Только кажется сіе приключеніе относится ко временамъ молодости Сарриной; и какъ оно не имѣетъ связи съ прочими повѣствованіями, то потому отложено до сего пункта времени, что бы не прервать Исторіи. Впрочемъ если бы Моисей не имѣлъ никакихъ другихъ причинъ предать оное потомству; то одинъ благородной и Богобоязненной образъ мыслей *Авимелеха* заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ. Коль скоро Богъ произвелъ въ немъ мысль, что Сарра замужняя жена; то вдругъ всѣ чувства Религіи возбудились въ душѣ его; чистая и невинная совѣсть хотя освобождаетъ его отъ страха быть наказаннымъ; но онъ ужасается даже возможности учинить такое преступленіе; онъ ужасается при мысли, какое бы онъ навлекъ тѣмъ наказаніе на себя и на свое невинное Царство!! Едва наступилъ день, онъ созываетъ своихъ ближайшихъ, довѣренныхъ рабовъ, и представляетъ имъ опасность, въ которой находился; они слушаютъ повѣсть съ такими же Богобоязненными чувствованіями. Онъ немедленно посылаетъ за Авраамомъ — и въ первомъ движеніи вырываются изъ устъ его слова сіи: *что сіе сотворилъ еси намъ; еда что согрѣшихомъ тебѣ, яко навелъ еси на мя, и на Царство мое грѣхъ великъ?* Авраамъ доказываетъ невинность свою съ свойственною ему непритворною откровенно-

стію. Авимелехъ послѣ сего возвращаетъ ему Сарру со всѣми знаками почести; и поелику къ сей погрѣшности подалъ случай образъ ея одежды, (она ходила безъ покрывала;) то онъ хотя не осмѣливается изъ почтенія самъ возложить на нее покрывало, которое она могла принять только изъ рукъ Авраама, но проситъ ее купить оное за тѣ деньги, кои онъ подарилъ Аврааму, что бы ей не случилось подобной сей непріятности. Быт. гл. 20. ст. 7. Узнавши въ Авраамѣ великаго Пророка и поклонника Божія, онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ только тѣснѣйшаго съ нимъ союза; онъ проситъ его поселиться въ своей землѣ, гдѣ ему будетъ угодно, и заключаетъ его распространить и на потомковъ дружество съ нимъ заключенное. Авимелехъ, Царь Филистимскій — по произхожденію Принцъ Египетскій; глава Египетской колоніи—испрашиваетъ у Авраама дружества и покровительства для себя и своего потомства;—Авраама признаетъ избраннымъ и просвѣщеннымъ Пророкомъ Божіимъ, и вмѣстѣ съ Египетскимъ Фараономъ покланяется Богу Авраамову. — Сколь важны для Моисея всѣ сіи обстоятельства! И сіи Египтяне и Филистимляне, которые тогда признавали и поклонялись единому Богу, такъ скоро сдѣлались суевѣрными идолопоклонниками и непримиримыми врагами потомковъ Авраамовыхъ, исповѣдающихъ сего Бога!—Какое сильное побужденіе для

народа Израильскаго, видя столь скорой упадокъ, пребывать вѣрными и почитительными къ своему постановленію, которое все относится единственно къ сохраненію истиннаго Богопознанія!

Рожденіе Исаака.

Наконецъ *Исаакъ* раждается. гл. 21. Исторія *Измаила*, въ сей главѣ встрѣчающаяся, конечно не заслуживала бы особеннаго вниманія, если бы сей отрокъ, какъ я уже выше сказалъ, не былъ избранъ Провидѣніемъ къ важной роли въ Исторіи человѣчества и Религіи. Даже память сего кладезя сохранилась особеннымъ образомъ; онъ вмѣстѣ съ Кааба, или мнимою молитвенницею Авраама заключается въ Храмѣ Меккскомъ и почитается Магометанами за священный памятникъ сихъ обоихъ праотцевъ.

Приношеніе Исаака на жертву.

Между тѣмъ Исаакъ растетъ — и щастливый отецъ съ торжественною радостію видитъ въ немъ совершенное исполненіе всѣхъ своихъ ожиданій. Но вѣра Авраамова еще не имѣла всѣхъ принадлежностей; она не доказала еще той непоколебимости, которая бы сдѣлала его образцемъ для всѣхъ, вмѣстѣ съ нимъ исповѣдующихъ премудрое и бла-

гое Провидѣніе, единаго Бога и Господа міра. Авраамъ долженъ достигнуть той степени, что бы сія вѣра была душею его Религіи, что бы она не состояла въ одной только довѣренности къ Божественнымъ обѣщаніямъ, но въ безусловномъ повиновеніи, въ безусловной преданности—и вмѣстѣ истинному почитателю Бога сообщала бы необходимую къ тому крѣпость въ совершенномъ видѣ. Для сего Авраамъ, отецъ щастливѣйшій своимъ сыномъ, нечаянно получаетъ ужасное повелѣніе — сей предметъ нѣжныхъ своихъ чувствованій, сего единственнаго сына, въ которомъ онъ полагалъ всю свою надежду, утѣшеніе и подпору своей старости, славу своего щастія,—со всѣми сладостными великими ожиданіями—принесть въ жертву Богу. Съ перваго взгляда разсудокъ ужасается сего повелѣнія, — и довольно извѣстно, сколь жестокимъ выставляютъ оное враги откровенія. „Отецъ“ говорятъ они, „столь „многими опытами доказавшій предъ Бо„гомъ непоколебимость своей вѣры, дол„женъ еще для большаго испытанія, при„несть въ жертву своего единственнаго „сына! Какой разумъ не возмутится отъ „сего повелѣнія? Какой разумъ признаетъ „истину той Религіи, которая сіе повелѣ„ніе выдаетъ за Божественное? Какой „отецъ, безъ суевѣрія самого безчеловѣчна„го, можетъ чувствовать въ себѣ столько „силы, что бы исполнить сіе повелѣніе?“ Сіе обстоятельство требуетъ разсмотрѣ-

нія самаго безпристрастнаго, спокойнаго. Здѣсь дѣло идетъ не объ оправданіи только сего одного случая; онъ и для насъ столько же важенъ; мы обязаны къ такому же повиновенію, если хочемъ быть истинными исповѣдниками Бога и Его Провидѣнія.

Богъ не можетъ съ благоволеніемъ взирать на жестокость; Онъ не обязываетъ натуральнымъ образомъ къ жестокимъ дѣяніямъ; это вѣчная истина. Но не уже ли Богъ не можетъ повелѣвать человѣку непріятное, даже жестокое въ особенныхъ случаяхъ, для высочайшей цѣли, сообразной съ Его премудростію? Если мы предположимъ, что Богъ дѣйствительно хотѣлъ исполненія даннаго Аврааму повелѣнія; что же выдетъ нелѣпаго? Богъ есть неограниченный Господь тварей и жизни ихъ, и по своему произволенію также можетъ лишать ихъ бытія, какъ свободно оное имъ даровалъ; откуда же здѣсь мысль о жестокости? Первая и священнѣйшая наша должность, не изыскивая судебъ Вышняго, жизнь и смерть почитать дѣйствіями плановъ Провидѣнія. Всѣ наши планы — самые невинные, самые благонамѣренные, не могутъ служить противъ сего возраженіемъ, и нѣжнѣйшій отецъ своего сына — всю надежду свою и утѣшеніе — съ покорностію долженъ выпустить изъ своихъ объятій. Сія преданность, сія вѣра, что Богъ требуетъ отъ него такой жертвы для великихъ, премудрыхъ намѣреній, ос-

таепся его единственною должностію, при всѣхъ слезахъ, отеческому сердцу свойственныхъ; она самая прудпѣйшая, какую только можетъ Авраамъ исполнить предъ Богомъ своимъ; но она есть для него не менѣе должность; или иначе онъ отвергаетъ Бога.

„Но возможно ли, — возражаютъ они „еще — что бы Богъ возложилъ исполненіе „столь жестокаго повелѣнія на самаго от„ца? Яснѣе сказать, возможно ли, что бы „Богъ въ особенныхъ случаяхъ, касатель„но такого повелѣнія, имѣлъ высочайшую, „премудрую цѣль, и долженъ ли человѣкъ „почитать себя обязаннымъ къ исполне„нію такого опредѣленія?“ — Мы можемъ представить себѣ случаи, когда отечество требуетъ такой же жертвы, и когда нѣжнѣйшій отецъ произвольно поставляетъ себѣ долгомъ за общественное благосостояніе подвергать опасности жизнь любезнѣйшаго сына, — а съ нимъ вмѣстѣ лишиться сладостныхъ истинныхъ надеждъ. Законъ природы остается здѣсь ненарушимъ; и оные случаи доказываютъ только возможность высшихъ обязанностей, коимъ союзъ родства уступаетъ. Премудрый Правитель міра не уже ли не можетъ имѣть высшихъ причинъ, непостижныхъ уму нашему, кои равномѣрно требовали бы отъ отца такой жертвы? Положимъ, что природа въ семъ случаѣ страждетъ; но сіе бываетъ и тогда, когда отецъ, возбуждаемый рвеніемъ ко благу отечества,

лишается сына. И такъ не уже ли любовь къ Богу въ человѣкѣ не можетъ быть столь же велика, и при ясномъ познаніи, что сіе повелѣніе произходитъ дѣйствительно отъ премудраго и преблагаго существа, — не уже ли она страждущей природѣ не можетъ подать по крайней мѣрѣ столько же твердости? Если бы человѣкъ могъ ясно видѣть цѣль таковаго повелѣнія; то, сколь бы оно ни было жестоко для природы, онъ прославилъ бы оное, какъ повелѣніе безконечно-премудрое. Но онъ не знаетъ сей цѣли; менѣе ли потому онъ долженъ имѣть упованія на Высочайшую вѣчную премудрость? Слѣдовательно Богъ могъ требовать отъ Авраама дѣйствительнаго исполненія онаго повелѣнія,—и при всемъ томъ не былъ бы жестокъ.

Но намѣреніе Божіе было не то; Исторія говоритъ, что Богъ хотѣлъ только искусить Авраама. Такъ называются въ Священномъ писаніи вообще всѣ случаи, которые производитъ Богъ для того, что бы человѣкъ узналъ дѣйствительно силу и слабость своего упованія и повиновенія къ нему, и вмѣстѣ другимъ показалъ разительной сего примѣръ.—Авраамъ избранъ быть наставникомъ въ Религіи и образцемъ вѣры. До сихъ поръ посредствомъ всегда уяснявшагося и усовершенствовавшагося познанія о Богѣ онъ постепенно доведенъ до того, что вѣра его есть образъ совершеннѣйшаго упованія: увѣренность въ бытіи Высочайшаго, премудраго

и всемогущаго Правителя міра, можетъ до сего возвысить человѣка. Но теперь онъ всѣмъ исповѣдующимъ сего Высочайшаго Бога долженъ показать собственнымъ примѣромъ, самое дѣятельное и сильное начало сей вѣры; и во первыхъ самымъ сильнымъ опытомъ послушанія, къ каковому только способна природа, доказать, что сія вѣра — какъ дѣятельное начало заключаетъ въ себѣ безъусловную готовность, жертвовать нашими нѣжнѣйшими наклонностями и пріятнѣйшими расположеніями волѣ сего премудраго и благаго Существа; даже и тогда, когда планы Его премудрости для насъ совершенно не изслѣдимы, когда все вокругъ насъ темно, уныло и безъутѣшно; даже и тогда съ повиновеніемъ и терпѣніемъ подвергать себя Его судьбамъ и повелѣніямъ. Но вѣрующіе, для своего ободренія, должны вмѣстѣ познать изъ примѣра Авраамова, сколь сильна вѣра сія, какую вливаетъ она радость и крѣпость въ сердце человѣка, до какого величія она возвышаетъ его тогда, когда природа трепещетъ, изнемогаетъ. Вотъ предметъ Божественнаго требованія! Авраамъ не знаетъ цѣли его; но для него довольно, когда онъ знаетъ голосъ—требующій жертвы. Онъ знаетъ, что подъ симъ не черная, измѣнническая злоба скрывается, которая, оскорбившись невинностію и добродѣтелію Исаака, ищетъ отмстить ему; знаетъ, что это не есть дѣло коварной ненависти, которая смотритъ завистливыми

глазами на справедливыя отеческія радости и ожиданія;—онъ слышитъ гласъ Бога, тотъ же настоятельный гласъ, коего Божественность онъ уже дозналъ многими опытами. Онъ чувствуетъ все, его природа содрогается, теряется разсудокъ, сердце его разрывается; онъ отецъ—но вѣра его непоколебима. Смиреніе не допускаетъ его изслѣдывать судебъ Божіихъ; съ покорностію благоговѣетъ, къ нимъ,— вотъ что онъ почитаетъ своею должностію! Всѣ сладостныя надежды, которыя ему Богъ даровалъ въ семъ сынѣ, изчезаютъ; но Авраамъ, какъ говоритъ Св. Ап. Павелъ, думаетъ, что удобнѣе возстать мертвому, нежели ему усумниться въ правдѣ и любви Бога своего. Симъ ободренный онъ дѣлаетъ пріуготовленія къ исполненію страшнаго повелѣнія; въ горестномъ спокойствіи отправляется съ сыномъ своимъ на опредѣленное мѣсто. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ усматриваетъ ужасный холмъ; здѣсь оставляетъ онъ рабовъ своихъ, что бы безпрепятственно исполнить Божіе повелѣніе, а вмѣстѣ и для того, что бы пощадить ихъ отъ ужаснаго зрѣлища, которое можетъ снести только его вѣра; беретъ самъ огонь и ножъ дрожащею рукою, а сыну даетъ дрова.—Родитель мой! Вотъ огонь и дрова, гдѣ же жертва?—Сынъ мой! Богъ самъ покажетъ намъ ее. —Вотъ все, что могъ отвѣчать отецъ съ горестнымъ, разрывающимся сердцемъ? Между тѣмъ онъ достигаетъ ужаснаго мѣста,

воздвигаетъ жертвенникъ, беретъ ножъ въ трепещущую руку. Здѣсь природа останавливается, это ея границы; вотъ совершеннѣйшее повиновеніе, возможное только вѣрѣ; но и цѣль Провидѣнія уже достигнута. *Нынѣ познахъ, яко ты боишися Бога.* Человѣки! Вы, которые съ симъ отцемъ вашея вѣры поклоняетесь Богу, Правителю міра и вашихъ судебъ; вы, которые признаете Его въ господствѣ надъ ними неограниченнымъ, въ обѣтованіяхъ истиннымъ, во всѣхъ повелѣніяхъ и попущеніяхъ мудрымъ, праведнымъ и благимъ, — вотъ вашъ образецъ! Взирайте на преданность, послушаніе, какого требуетъ отъ васъ сія вѣра! Но къ ободренію своему посмотрите, какую сообщаетъ крѣпость слабой природѣ истинное упованіе на мудрый и благій промыслъ; посмотрите, какъ провидѣніе всѣ свои опредѣленія умѣетъ соразмѣрять съ вашими силами, и самымъ ужаснѣйшимъ даетъ такую развязку, что бы ваша вѣра всегда тѣмъ болѣе утверждалась; посмотрите, какъ оно даетъ силу слабѣйшимъ сдѣлаться въ вѣрѣ вамъ подобными! Правда, природа страдаетъ отъ таковыхъ жестокихъ опредѣленій нѣсколько времени; но сколь много почувствуетъ въ себѣ крѣпости человѣкъ, увѣренный въ премудрости и благости сего Провидѣнія,—при одной мысли, что онъ приноситъ своему Богу болѣзненную жертву! Чѣмъ труднѣе сраженіе съ природою, тѣмъ славнѣе, благороднѣе побѣда. Сколь много значитъ для меня, когда

я съ собственнымъ беспокойствомъ могу услужить человѣку! Несравненно болѣе дѣлаю, если моими наклонностями и радостями настоящей краткой жизни могу пожертвовать Существу великому и благому! Я не слышу болѣе непосредственно никакого голоса; но моя настоящая увѣренность о семъ Провидѣніи, властвующемъ надо мною, гораздо для меня сильнѣе, убѣдительнѣе всѣхъ явленій. Можетъ быть не угодно премудрости Божіей, чтобы я здѣсь увидѣлъ развязку моей судьбы; но за то взглядъ на вѣчность ободряетъ меня.

Авраамъ обнимаетъ вновь дарованнаго ему Богомъ сына съ сугубою радостію, и повторительное о немъ обѣтованіе принимаетъ съ твердѣйшимъ упованіемъ. — Такимъ образомъ вѣра его есть побѣда, и для всѣхъ исповѣдающихъ съ нимъ одного Бога совершеннѣйшій образецъ въ разсужденіи ея требованій и ея помощи. Гдѣ же въ семъ Божественномъ повелѣніи жестокость, противъ которой столь много враги Священнаго писанія возставали? Гдѣ поводъ къ приношенію въ жертву людей? Гдѣ изувѣрство въ поступкѣ Авраамовомъ? Разсмотримъ весь его характеръ. Онъ вездѣ публично и безъ обиновенія покланяется своему Богу; но его Религія является всегда въ истинномъ, Божественномъ видѣ, съ чистотою и спокойствіемъ. Это есть свойство истинной вѣры: она освѣщаетъ, согрѣваетъ, укрѣпляетъ; но никогда не разгорячаетъ; и чѣмъ она болѣе,

тѣмъ спокойнѣе, тѣмъ радостнѣе дѣлаетъ человѣка. Авраамъ, судя по его поведенію, есть нѣжнѣйшій другъ человѣчества; онъ трепещетъ при мысли, дабы Богъ невиннаго не погубилъ вмѣстѣ съ виновнымъ. Какая разительная разность между сею мыслію— и фанатическимъ стремленіемъ къ столь жестокой рѣшимости! Столь часто повторяемыя обѣтованія, долженствовавшія исполниться чрезъ сего сына, натурально всегда занимали душу Авраама; какъ согласить теперь сіе съ тѣмъ, что онъ въ столь глубокой старости, лишающей его всей надежды къ вознагражденію потери сына, съ продолжительнымъ пріуготовленіемъ и спокойнымъ хладнокровіемъ,—самъ у себя вдругъ похищаетъ всѣ великія ожиданія вмѣстѣ съ жизнію сына! Наконецъ если бы разгоряченное суевѣрное чувство столь сильно превратило всю его природу: то откуда произошло въ немъ противное тому стремленіе и въ ту самую минуту, когда первое достигло высочайшей степени ярости, и когда, судя натурально, было не возможно вдругъ удержаться отъ исполненія Его? —

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Отъ Исаака до путешествія Іакова во Египетъ.

Исторія жизни Исаака.

Исторія жизни Исааковой гораздо проспѣе и короче. Наставленный отцемъ своимъ въ познаніи истиннаго Бога, и его примѣромъ утвержденный въ поклоненіи Творцу, онъ также какъ и Авраамъ поставляетъ себѣ первою обязанностію, вездѣ публично исповѣдывать Бога своего, и домочадцевъ своихъ наставлять почитанію существа Высочайшаго. Исаакъ не имѣлъ болѣе нужды въ столь многихъ явленіяхъ для утвержденія себя въ семъ познаніи; когда Авраамъ напротивъ чрезъ откровенія могъ только получить сіе совершеннѣйшее въ ономъ наставленіе. Исаакъ наслѣдовалъ всѣ достоинства и праводушіе своего великаго отца; только душа его не имѣла такого же величія и твердости. Въ его характерѣ видна какая-то изнѣженная слабость и безпечность, кои уменьшили даже почтеніе къ нему его домашнихъ. Образъ жизни его гораздо утонченнѣе, и кажется, по тѣсной связи съ Герарою, расположенъ по обычаямъ двора Авимелехова. Столь, какой онъ далъ Царю сему при заключеніи дружескаго союза, очень опли-

ченъ отъ угощенія Авраамова. Въ сей союзъ вошелъ онъ для того, что бы при наступающемъ голодѣ, подобно Аврааму не ѣздить во Египетъ. А какъ Іаковъ послѣ того тою же необходимостію принужденъ былъ отправиться во Египетъ, то сіе и доказываетъ, сколь мало еще населена была въ то время оная страна, и сколь мало обитатели ея, жившіе однимъ звѣроловствомъ и скотоводствомъ, занимались земледѣліемъ, которое послѣ Моисей столь много старался ободрять превосходнѣйшими наставленіями; ибо онъ почиталъ земледѣліе существеннымъ основаніемъ всего общественнаго благосостоянія. Главнѣйшая причина еще нынѣ существующей между жителями сей страны необщежительной и не имѣющей ни какихъ законовъ нравственности, которая особенно была столь ужасна всѣмъ чужестранцамъ, состоитъ въ маломъ образованіи землепашества—сего благодѣтельнаго средства къ пропитанію. Впрочемъ Исаакъ нашелъ въ странѣ Герарской довольное для себя содержаніе такъ, что онъ не имѣлъ нужды продолжать пути своего въ Египетъ. Но страшась господствующей дикости нравовъ, онъ видитъ себя съ Ревеккою въ опасности, такъ какъ и Авраамъ всегда боялся, входя въ предѣлы чужой сильнѣйшей націи, и старался обезопасить себя такимъ же способомъ, какъ и отецъ его, коего исторія ему конечно была извѣстна. Хотя Исаакъ нашелъ въ Авимелехѣ еще тотъ же

благородной образъ мыслей, ту же Богобоязненность; но изъ отвѣта его довольно ясно, что страхъ Исааковъ былъ основателенъ, и что тамъ похищеніе не замужнихъ женщинъ было совершенно позволено такъ, что Авимелехъ и послѣ того, какъ Ревекка уже была признана женою Исаака, почелъ за нужное обезопасить ее, опредѣливъ смертную казнь тому, кто обезчеститъ, оскорбитъ ее. И такъ дружество, какового Исаакъ заключилъ съ Авимелехомъ, принудило его остаться въ сей странѣ; и какъ онъ живя въ Герарѣ научился земледѣлію, и узналъ постоянныя выгоды онаго; то и началъ прилѣжать къ нему, и соединяя съ нимъ скотоводство, въ короткое время столько умножилъ свои богатства, что его величіе произвело зависть въ Филистимлянахъ. Вотъ единственное произшествіе въ жизни сего Патріарха, которое Моисей сообразно своему предмету, почелъ за нужное помѣстить въ своей Исторіи! Всѣ другія повѣствованія содержатъ въ себѣ произшествія, случившіяся въ фамиліи Исааковой съ его сыновьями, какъ то: ихъ обоихъ рожденіе, различіе ихъ характера, споръ о первенствѣ и похищеніи родительскаго благословенія, всѣ сіи случаи сами въ себѣ суть такія малости, кои конечно не могли бы сохраниться до временъ позднѣйшаго писателя, а еще менѣе могъ ихъ кто нибудь выдумать изъ новѣйшихъ. Но если принять Моисея сочинителемъ сей книги,

какъ то неоспоримо доказываетъ каждая черта повѣствованія; то надобно вмѣстѣ допустить, что для его цѣли онѣ были чрезвычайно важны. Ибо, какъ видно, онъ писалъ книгу сію съ двоякимъ намѣреніемъ: во первыхъ, что бы утвердишь Израильскій народъ въ той увѣренности, что его Религія, то есть познаніе и почитаніе единаго Бога, Творца вселенныя, есть единственная истинная Религія, которую Богъ въ началѣ, по сотвореніи всего, самъ открылъ людямъ, а потомъ столь многими повторительными явленіями ихъ праотцамъ оную повелѣлъ; во вторыхъ, что бы показать своему народу, что завоеваніе той страны, въ которую онъ ведетъ ихъ, не есть его произвольное предпріятіе, но оная земля обѣщана отцамъ ихъ отъ Бога для потомковъ, и съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы она была мѣстомъ пребыванія сей Религіи. Хотя въ Исаакѣ раздѣлилась фамилія Авраамова, и по праву первородства потомство Исава имѣло ближайшее участіе въ обѣтованіи семъ; но Богъ, съ неограниченною свободою раздѣляющій милости свои, избралъ для того Іакова; и въ доказательство избранія, сей послѣдній былъ потомъ изъ потомковъ Авраама, которой, въ сообразность древнѣйшаго предсказанія, со всѣмъ домомъ своимъ отведенъ въ Египетъ.

Характеры Исава и Іакова.

Далѣе слѣдуютъ характеры Исава и Іакова, кои представляютъ совершенную картину нравовъ и образа мыслей того времени. Исавъ дерзокъ и гордъ; Іаковъ тихъ и робокъ. Исавъ, возбужденный дикимъ нравомъ, промѣнялъ отечественную пастушескую жизнь на звѣроловство; — къ сердечному оскорбленію своихъ родителей вступилъ въ родственныя связи съ Хананеями, вѣроятно бывшими уже идолопоклонниками, и не взирая на обѣтованіе, данное отцамъ его, по легкомысленности продалъ право первородства за малѣйшее услажденіе своихъ пожеланій. *Я умираю.*—Вотъ истинно геройской языкъ грубаго человѣка древняго міра! Іаковъ же, ни мало не думая воспользоваться сею слабостію брата и не надѣясь при томъ симъ средствомъ сдѣлать дѣйствительнымъ право свое, старался оное утвердить хитрымъ похищеніемъ отеческаго благословенія; и какъ оба братья, такъ и обманутый отецъ остаются въ твердомъ мнѣніи о силѣ отеческаго благословенія, что оное, не взирая ни на какую ошибку и обманъ, — непреложно. Но что болѣе всего здѣсь заслуживаетъ вниманія, это черты характера Іакова, которыя самымъ яснымъ образомъ доказываютъ откровенность Моисея и вмѣстѣ увѣренность его въ Божественномъ званіи своемъ. Если бы завоеваніе земли Ханаанской было произвольнымъ его

предпріятіемъ; то онъ имѣлъ здѣсь самой удобной случай Іакову, какъ собственному праотцу своего народа, приписать столь же благородный и высокій характеръ, съ какимъ онъ представлялъ Авраама, для того, что бы его показать тѣмъ достойнѣе особеннаго благословенія Божія, свнзпосланнаго на него и потомство его; по крайней мѣрѣ, судя по намѣренію Моисея, съ благоразумiемъ сообразнѣе было, умолчать о сихъ поступкахъ, посредствомъ коихъ Іаковъ получилъ право первенства и отеческое благословленіе. Но съ полною увѣренностію, что самъ Богъ избралъ родъ сей, и что сіе опредѣленіе Божіе чрезъ него должно исполниться, Моисей описываетъ Іакова, каковъ онъ есть, не скрывая ни малѣйшей его слабости и не стараясь лучшими описаніями выиграть благосклонность своего народа. И какъ видно, онъ имѣлъ на то особенную причину, которая еще болѣе открываетъ правдивость его намѣренія. Онъ не могъ умолчать предъ Израильтянами, что они были народъ избранный Творцемъ особенно для сохраненія истиннаго Богопознанія, и на сей конецъ земля Хананская отъ Творца дана имъ; но какъ не укрылось отъ его прозорливости и то, что народъ его могъ бы вмѣнить сіе себѣ въ особенныя заслуги и, съ презрѣніемъ ко всѣмъ другимъ націямъ, почитать себя преимущественно любимцемъ Провидѣнія; то онъ при всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду,—сіе избраніе представляетъ Израильтя-

намъ свободнѣйшею милостію Творца; и что слѣдовательно не могутъ они хвалиться никакимъ особеннымъ преимуществомъ предъ другими народами; что Богъ избралъ ихъ къ сему съ такою же безпредѣльною свободою, съ каковою Онъ изливаетъ на міръ другія свои благодѣянія; впрочемъ облагодѣтельствованные отнюдь не могутъ думать, будто бы это была награда особенныхъ заслугъ ихъ; и что наконецъ Богъ съ тою же свободою, съ каковою Онъ даровалъ имъ свою милость, по своей премудрости всегда можетъ и лишить ихъ оной. Такъ Богъ избралъ Іакова, не взирая на первенство Исава; хотя первой похищеніемъ первенства и родительскаго благословенія не пріобрѣлъ на то ни какаго права. Богъ попустилъ сей обманъ, какъ попускаетъ всѣ вообще несправедливыя дѣйствія людей, когда онѣ не противны его планамъ; но на Божіе избраніе ни первое, ни другое не имѣло ни какого вліянія. Сей выборъ зависитъ онъ вѣчной Божественной премудрости; Творецъ, какъ Правитель міра, съ неограниченною свободою исполняетъ его. Онъ предшествуетъ бытію всѣхъ тварей, и слѣдовательно совершился еще прежде рожденія сихъ обоихъ братьевъ; правило сіе прекрасно употребилъ С. Ап. Павелъ къ опроверженію мнимаго превосходства народа Іудейскаго, — и все что можетъ столь много облагодѣтельствованной народъ изъ того заключить, есть то, что онъ долженъ за сіи

преимущества благодарить вѣчному Провидѣнію.

Видѣніе Іаковлево.

Между тѣмъ сіе произшествіе въ фамиліи Исааковой подало случай къ тому, что планъ Провидѣнія въ нѣкоторыхъ чертахъ началъ становиться опять явственнѣе. Іаковъ, что бы обезопасить себя отъ мщенія Исава, тайно и безъ проводника удаляется въ Халдею; и какъ на пути застигла его ночь, то онъ ложится подъ открытымъ небомъ; камень служитъ ему изголовьемъ — Истинное изображеніе первыхъ грубыхъ временъ! — Здѣсь удаленный отъ домашнихъ, бѣгущій изъ земли, которой онъ почиталъ себя наслѣдникомъ, но которую видитъ для себя навсегда потерянною; — здѣсь видитъ Іаковъ сонъ, которой даетъ ему совершенное понятіе о Провидѣніи и о всемогуществѣ Божіемъ, сколько онъ былъ способенъ къ сему познанію. Онъ видитъ *лѣствицу на земли утвержденную, ея же глава досязаше до небесъ; и Ангели Божіи восходяху и нисходяху по ней. Господь же утверждашеся на ней и рече: Азъ есмь Богъ Авраама отца твоего, и Богъ Исаака, не бойся: земля идѣже ты спиши на ней, тебѣ дамъ ю, и сѣмени твоему; и благословятся о тебѣ вся колѣна и о сѣмени твоемъ.* Въ семъ видѣніи все то заключается, что могло утвер-

дитъ вѣру Іакова въ благое Провидѣніе. — Богъ, Высочайше Существо, хотя по ограниченному понятію человѣческому живущій въ небесахъ, но по своему всевѣденію и всемогуществу сущій во всемъ твореніи; — отъ небесъ до земли — все есть цѣпь, имѣющая въ Богѣ начало свое, лѣствицею; — Богъ во всемъ твореніи присущій, и здѣсь на границахъ Ханаанскихъ тотъ же Богъ, который являлся Аврааму; — Богъ истинный, въ судахъ своихъ и обѣтованіяхъ непремѣнный; — Господь всея природы, всѣ творенія дѣлающій служителями и орудіями воли своей; — который не только настоящее видитъ и устрояетъ, но и прошедшее съ настоящимъ, и сіе съ будущимъ соединяетъ; — коего Провидѣніе распространяется на всѣ племена земныя, опредѣляетъ судьбу ихъ даже до конца міра, назначаетъ, когда и чрезъ кого оная исполнится: — вотъ изображеніе, хотя совершенно чувственное, каковымъ оно и должно быть, судя по тогдашнему образованію разума; но самое понятіе столь полно, что высочайшій умъ не можетъ совершеннѣе сего мыслить, и столь чисто, что самый слабый разумъ не можетъ при семъ впасть въ заблужденныя мнѣнія! Идея Ангеловъ не противорѣчитъ сему истинному понятію о Провидѣніи.

Сіе зрѣлище было всего сообразнѣе съ слабымъ разумомъ Іакова, или лучше сказать, съ необразованнымъ разумомъ всего древняго міра. Чѣмъ менѣе разумъ пони-

маетъ обыкновенный ходъ природы,—причины и дѣйствія; тѣмъ болѣе мыслитъ о таковыхъ невидимыхъ дѣйствующихъ существахъ: и это было, можетъ быть, единственное возможное, по крайней мѣрѣ безопасное изображеніе, подъ какимъ слабой еще разумъ представлялъ Провидѣніе. Ибо въ какомъ бы мы видѣ ни представляли себѣ силы и средства, коими Богъ управляетъ вселенною; это не имѣетъ ни какого вліянія на сущность нашего понятія о Провидѣніи и на нашу къ нему довѣренность; довольно того, что есть силы, кои всегда дѣйствуютъ предъ очами Божіими; ничего не дѣлаютъ сами собою, но непосредственно зависятъ отъ Его всемогущей и премудрой воли. Не нужно изыскивать, въ какомъ точно видѣ Іаковъ представилъ себѣ сихъ Ангеловъ; (ибо это было только внутреннее представленіе;) вѣроятно онъ видѣлъ ихъ такими, какими всѣ въ то время ихъ воображали, т. е. съ крылами. Въ древнѣйшія времена всѣ Божества и Существа духовныя представлялись въ такомъ видѣ, вѣроятно для того, что бы симъ выразить ихъ высшую натуру и особенно ихъ скорость; и сіе представленіе столько натурально, что нѣтъ нужды думать послѣ того, будто бы Этрурійцы заимствовали оное отъ Египтянъ, или Греки отъ кого либо изъ нихъ. Высшія Греческія Божества не имѣли въ послѣдствіи сего вида—и въ ономъ изображались только нѣкоторыя низшія Божества, послѣ того

какъ искуство начало выражать высочайшую натуру первыхъ видомъ совершеннѣйшимъ. — Даже возвышенное, величественое представленіе Бога летящимъ на Херувимѣхъ и на крылахъ вѣтренныхъ, — какъ говоритъ Давидъ, имѣетъ съ симъ сходство. Но что сіе видѣніе не было излишнее для Іакова, при ограниченномъ его понятіи о вездѣсущіи Божіемъ; то довольно явствуетъ изъ удивленія, съ каковымъ онъ пробудился, — изъ удивленія, что онъ и здѣсь, удаленный отъ кущей и олтарей отцевъ своихъ, видитъ ихъ Бога и врата небесныя. *По истинѣ Господь есть на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдѣхъ:* вотъ вмѣстѣ доказательство, что сіе явленіе не есть натуральное дѣйствіе воображенія, — но видѣніе, произведенное Богомъ въ душѣ его! Іаковъ встаетъ, воздвигаетъ камень, какъ памятникъ сего явленія, и освящаетъ обливая его масломъ; онъ присовокупляетъ къ тому обѣщаніе, — Господа, какъ своего Бога, у сего освященнаго камня, на мѣстѣ видѣнія, публично исповѣдывать и Ему покланяться, если онъ на пути сохранитъ его отъ опасности, если онъ не будетъ имѣть недостатка въ хлѣбѣ и одеждѣ, (какъ мало требуетъ человѣкъ еще не изнѣженный!) если наконецъ Богъ щастливо возвратитъ его въ домъ родительской. Слово — священный камень, можно здѣсь принять за домъ или мѣсто, гдѣ Іаковъ хотѣлъ покланяться Богу. Ибо какъ кочующіе съ

стадами своими народы не имѣли неподвижныхъ домовъ; но они не имѣли и храмовъ, или неподвижныхъ жилищъ Божества. Всего вѣроятнѣе, что таковые камни или Беѳуліи, (что то же значитъ что и Беѳиль) въ сіе время, по крайней мѣрѣ въ сей странѣ, были единственными жилищами Боговъ, въ коихъ они особенно присутствовали,—послѣ того, какъ камни сіи были помазаны елеемъ и торжественно посвящены Божеству. И если около сего времени финикіяне въ сихъ священныхъ камняхъ покланялись своимъ ложнымъ Богамъ; но однако же поступокъ Іакова, что онъ посвятилъ сей камень истинному Богу, совершенно невиненъ: хотя послѣ того Моисей съ величайшимъ благоразуміемъ старался удалить все, что только хотя мало могло подать поводъ къ чувственному представленію Божества, строжайшимъ образомъ запретивъ таковые священные столпы. Іаковъ воздвигаетъ камень сей грубымъ, каковъ онъ есть; это сообразно съ простотою времени, когда люди не знали еще искусства, симъ священнымъ камнямъ давать значительные виды. Таковые необдѣланные камни, или только нѣсколько обтесанныя глыбы, были всѣ кумиры древнѣйшихъ народовъ; таково было изображеніе Солнца въ Едессѣ, Діаны и Ефесѣ; и мать Боговъ, которую Римляне столь торжественно перенесли къ себѣ изъ Фригіи, была также не иное что, какъ грубый

камень. Греція имѣла уже тридцать таковыхъ видимыхъ Божествъ, прежде нежели одно изъ нихъ имѣло значительный видъ. Искуство дало имъ фигуру, приставивъ сперва головы къ простымъ столбамъ; а потомъ, какъ оно болѣе усовершенствовалось, а роскошь возрастала, видъ сихъ Божествъ становился лучше, и матеріалы для кумировъ ихъ избирали драгоцѣннѣйшіе, какъ то: — мраморъ, слоновую кость и благородные металлы.

Fictilibus crevere diis haec aurea templa. Лѣпнымъ Богамъ воздвигнуты сіи златые Храмы,

Дедалъ первой приставилъ имъ ноги. Впрочемъ видъ ни сколько не придавалъ имъ святости. Они получали ее чрезъ торжественное ихъ обоготвореніе, соединенное съ нѣкоторыми обрядами. Люди думали, что по совершеніи сего посвященія, Божество всегда уже присутствуетъ въ семъ мѣстѣ, и что тамъ только можно ему покланяться и просить о милости. При посвященіи сихъ истукановъ одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, кажется, было ихъ намазываніе, особенно масломъ. Дерево, изъ котораго оное достается зналъ еще Ной; Іаковъ выжатой сокъ его имѣлъ въ пути съ собою, какъ превосходное питательное вещество, а можетъ быть и какъ лѣкарство. Вѣроятно, что и торжественный обрядъ, совершенный при семъ Іаковомъ, былъ уже въ употребленіи у его единоземцевъ. Ибо какъ

плодъ сей былъ однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ произведеній той страны, и составлялъ самую прибыточную и обширную отрасль финикійской торговли, то кажется жители, какъ скоро нашли оной, изъ благодарности прежде всего употребили при жертвоприношеніяхъ и Богослужебныхъ обрядахъ; а Финикіяне потомъ ввели сей священной обрядъ при торжественныхъ посвященіяхъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ они или продавали масло сіе, или гдѣ даже разводили самое дерево. Кажется, что въ сіе время было уже въ употребленіи—посвящать десятины Божеству на его служеніе.

Іаковъ у Лавана

Іаковъ, утвержденный симъ явленіемъ въ вѣрѣ къ Провидѣнію, продолжаетъ потомъ путь свой. Описаніе четырнадцатилѣтняго пребыванія его въ Харранѣ точно, выразительно представляетъ нравы и образъ мыслей людей, начинающихъ выходить изъ дикаго состоянія природы. Обманы Лавана, которые какъ и Улиссовы, у всѣхъ необразованныхъ народовъ почитаются благоразуміемъ; щастіе многочисленнаго сѣмейства, неразстроеннаго роскошію, гдѣ дѣти съ слугами занимаются одинаковыми работами; стыдъ не плодной матери; мысль—избѣгнуть сего, поношенія тѣмъ, когда жена мужу даетъ свою невольницу на ложе, и когда сія по-

слѣ родитъ на ея колѣнахъ; поведеніе двухъ сестеръ между собою; мечта о тайныхъ силахъ мандрагоры (растѣнія:)—вотъ отличительныя черты того времени! Между тѣмъ лично характеръ Іакова всегда виденъ. Добросердеченъ и честенъ, но слабъ и боязливъ; ему всякой можетъ повелѣвать, и онъ готовъ исполнить повелѣніе каждаго; онъ живо чувствуетъ обиду ему сдѣланную, но не имѣетъ довольно бодрости, духа,—права свои учинить дѣйствительными; его тесть съ перваго взгляда почитаетъ столько слабымъ, что надѣется не сумнѣнно обмануть его; онъ принимаетъ съ удовольствіемъ предложеніе, служить Лавану еще семь лѣтъ для того, чтобы получить обѣщанную невѣсту,— которую онъ по прежнему условію могъ бы уже имѣть; онъ съ своей стороны напротивъ съ величайшею точностію исполняетъ всѣ договоры, видимо обогащаетъ своего тестя—и перемѣнными договорами отъ него обманывается; наконецъ онъ нашелъ себя принужденнымъ, невинною хитростію вознаградить всѣ свои убытки — и что бы освободиться отъ рабства — тайно убѣжать отъ тестя съ своими домашними,

Отшествіе Іакова отъ Лавана.

Впрочемъ требованія Іакова были самыя справедливыя; онъ въ точности исполнялъ всѣ свои обязательства; самъ Ла-

ванъ чрезвычайное умноженіе своихъ богатствъ признавалъ особеннымъ благословеніемъ; между тѣмъ Іаковъ видѣлъ, что онъ ни какъ не можетъ выпти изъ своей бѣдности и рабства;сердце отеческое ходатайствуетъ у него за свободу и довольство своихъ домашнихъ; не было тамъ еще ни власти, ни законовъ, у коихъ могъ бы Іаковъ просить помощи; онъ и Лаванъ оба еще въ состояніи натуры, въ такомъ состояніи, гдѣ всякое право есть произвольное. Сверхъ того Лаванъ остается все еще богатѣе, нежели какимъ онъ могъ сдѣлаться безъ услугъ Іакова, и сей послѣдній не болѣе получаетъ, какъ сколько онъ заслужилъ по всякому праву; онъ не видитъ ничего несправедливаго въ семъ поступкѣ, такъ какъ и сонъ, открывшій ему сіе средство—утвердилъ его въ сей истинѣ. гл. 31. 11. Нѣтъ мнѣ нужды входить въ изслѣдованіе, можетъ ли сонъ Іакова быть изъясненъ натуральнымъ образомъ. Свойства и дѣйствія души во всякое время были однѣ и тѣ же. Іаковъ уже давно съ печальнымъ прискорбіемъ чувствовалъ несправедливость Лавана, давно занимался мыслію, какъ бы имѣть въ своей власти все нужное, уже давно заслуженное имъ, для продовольствія своихъ домочадцевъ. Можетъ быть давно сіе средство казалось ему безопаснѣйшимъ; очень натурально, что воображеніе, симъ занятое, представило ему во снѣ гораздо живѣе мысль эту. Какъ бы ни было, Іаковъ почиталъ сонъ

свой непосредственнымъ дѣйствіемъ Божія промысла; а щастливымъ событіемъ онаго еще болѣе утвердился въ своемъ мнѣніи.

Различіе характеровъ въ Праотцахъ.

Замѣтьте здѣсь откровенность сочинителя сей книги. Истина водила перомъ его, когда онъ описывалъ Праотцевъ своего народа; онъ не прикрашаетъ блистательными чертами ихъ характера и дѣяній. и не скрываетъ ихъ слабостей. Авраамъ благороденъ и величественъ, выше слабостей своего вѣка; совершенный образецъ въ упованіи и повиновеніи Богу, и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни; мужественъ, храбръ, когда дружба требуетъ его защиты; гостепріименъ, благородно скроменъ, при всемъ своемъ Царскомъ достоинствѣ; во всѣхъ явленіяхъ жизни всегда одинаковъ; въ немъ видно спокойное величіе,— удѣлъ одной совершенной довѣренности къ Провидѣнію. Исаакъ столько же правдивъ, такія же имѣетъ достоинства; но духъ его не столько возвышенъ, не столько великъ. Іаковъ честенъ и бодръ; но характеръ его слабъ; онъ подверженъ очень многимъ слабостямъ своего времени. Сыны его, Рувимъ, Леви, Симеонъ, Іуда — истинные Бедуинцы перваго міра; безъ всякаго чувства нравственности, наглы, недовѣрчивы, притворны, злобнонасмѣшливы, мстительны даже до совершеннаго истребленія сво-

ихъ непріятелей. гл. 35. 22. Они съ хладнокровіемъ совѣтуются убить брата своего; потомъ продаютъ его, какъ раба; безсовѣстно обманываютъ отца своего, и притворнымъ образомъ еще могутъ утѣшать его—сѣтующаго о потерѣ сына. гл. 37. 18. 19. 28. Но въ исполеніи не многихъ правъ своихъ, кои они знаютъ, строги даже до варварства; гл. 35. 25. Впрочемъ это болѣе погрѣшности времени, нежели личные пороки, общіе всѣмъ народамъ, живущимъ въ совершенной независимости, безъ всякихъ гражданскихъ постановленій, одною степенью выше Ирокезцевъ; (такими представлены Боги и Герои Гомеровы.)

Для чего Моисей описываетъ небольшія случившіяся обстоятельства.

Здѣсь опять могутъ спросить: „къ „чему намъ всѣ эти малости, и въ такой „книгѣ, которую мы почитаемъ за Божественное откровеніе?“ — Въ самомъ дѣлѣ сія Исторія для насъ собственно не такъ нужна; но для Моисея она была чрезвычайно важна, по многимъ причинамъ. Во первыхъ, что бы сохранить правильное родословіе различныхъ колѣнъ своего народа, что еще и въ наши времена у всѣхъ народовъ той страны почитается весьма важнымъ; во вторыхъ, какъ всѣ сіи поколѣнія въ будущемъ обладаніи обѣтованною землею должны имѣть одинакія права и составлять одно Государство; то Моисей

хотѣлъ отвратить всѣ домогательства на преимущества, въ семъ грубомъ и безпокойномъ народѣ столь удобно произойти могущія, доказывая имъ, что хотя они происходятъ и не отъ одинаковыхъ браковъ, но ихъ отцы съ самаго рожденія получили права равныя, и обѣ законныя матери, дѣтей своихъ невольницъ признали своими собственными. Но между тѣмъ могутъ ли быть для насъ совершенно не нужными сіи малости, и совершенно непристойными для той книги, въ которой Провидѣніе благоволило сохранить для насъ первую Исторію человѣчества, разума и Религіи? Положимъ, что сіи малости ничего бы болѣе для насъ не составляли; кромѣ подлинной картины нравовъ и образа мыслей перваго міра, когда люди жили еще въ грубомъ состояніи природы; то не уже ли сія картина, доказывающая вмѣстѣ не подозрительную древность сей книги, не можетъ быть для насъ занимательнымъ отрывкомъ изъ Исторіи онаго времени? Но если мы во всѣхъ таковыхъ отдѣльныхъ Исторіяхъ столь различныхъ пунктовъ усматриваемъ подлинной ходъ Провидѣнія, какъ оно особенно посредствомъ сего рода,—столь важной для человѣчества планъ просвѣщенія приводило въ дѣйство, такъ что первое основаніе всякой философіи и Религіи, т. е. познаніе единаго Бога, Творца и Правителя міра, въ семъ поколѣніи (сколько бы ни выставляли оное грубымъ и невѣжественнымъ;

Моисей не описываетъ Іудеевъ ни умнѣе ни образованнѣе;) сохранилось въ такой чистотѣ, въ каковой не имѣли онаго и образованнѣйшіе народы; и даже высокая степень нашего просвѣщенія, которымъ мы столько гордимся, первоначально происходитъ отъ сей философіи простаковъ; —если таковыя не большія повѣсти, говорю я, доказали намъ только это, или если онѣ частію пріуготовили намъ на сіе доказательства; то не имѣемъ ли мы причины, съ благоговѣніемъ почитать и благодарить Провидѣнію за сохраненіе такой книги, въ которой заключается сей столь благодѣтельной для человѣчества планъ, начиная съ перваго его устроенія? А что существенныя черты сего великаго плана во всей этой книгѣ заключаются въ малозанимательныхъ простыхъ Исторіяхъ, — сіе тѣмъ болѣе доказываетъ, что это не есть такой планъ, которой бы въ пользу своего намѣренія выдумалъ сочинитель ея, но что онъ начертанъ вѣчнымъ Провидѣніемъ.

Склонность людей къ идолослуженію.

Здѣсь встрѣчается одно обстоятельство, относящееся къ исторіи разума и Религіи; это *Терафимы*, или идолы, коихъ Рахиль тайно увезла изъ дому отца своего, гл. 31. 30. Я уже говорилъ о первомъ происхожденіи идолопоклонства; но здѣсь въ первой разъ упоминается о кумирахъ.

Представлялъ ли бы себѣ грубой разумъ существо Высочайшее, или и совсѣмъ не зналъ бы онаго; впрочемъ онъ непремѣнно будетъ допускать нѣкоторыя видимыя дѣятельныя Существа, отъ вліянія коихъ различныя части природы получаютъ свою дѣятельность. Если разумъ знаетъ еще существо Высочайшее, то это у него среднія Божества; но если познаніе истиннаго Бога совсѣмъ затеряно, то онъ почитаетъ ихъ независимыми, и однакожъ ограниченными. Свойства, какія человѣкъ понимаетъ въ сихъ Божествахъ, состоятъ въ томъ, что они сильнѣе и быстрѣе, и что познаніе ихъ о сокровенныхъ и будущихъ произшествіяхъ гораздо обширнѣе. Люди для того единственно покланялись имъ, что бы они низпосылали имъ щастіе, отвращали угрожающія бѣдствія, и особенно объявляли будущую ихъ судьбу; Захар. 10. 2: вотъ господствующая страсть людей, не признающихъ все правящаго Провидѣнія; вотъ причина, почему и въ наши времена суевѣрные столь охотно попускаютъ себя обманывать! Но какъ сіи Боги суть невидимые и не вездѣ присутствуютъ; то человѣкъ долженъ знать то мѣсто, гдѣ онъ ихъ можетъ найти. Капищь и столбовъ не довольно къ его успокоенію; онъ хочетъ имѣть Боговъ ближе къ себѣ въ своемъ домѣ; или если онъ не имѣетъ постояннаго жилища, хочетъ ихъ переносить съ собою для того, что бы всегда быть у нихъ въ благово-

Моисей не описываетъ Іудеевъ
ни образованнѣе;) сохранилось в
чистотѣ, въ каковой не имѣли
образованнѣйшіе народы; и даже
степень нашего просвѣщенія, к
мы столько гордимся, первоначал
исходитъ отъ сей философіи про
—если таковыя не большія повѣс
рю я, доказали намъ только это
ли онѣ частію пріуготовили нам
доказательства; то не имѣемъ ли
чины, съ благоговѣніемъ почитат
годарить Провидѣнію за сохранен
книги, въ которой заключается с
благодѣтельной для человѣчеств
начиная съ перваго его устроенія
существенныя черты сего велика
во всей этой книгѣ заключаются
занимательныхъ простыхъ Испо
сіе тѣмъ болѣе доказываетъ, что
есть такой планъ, которой бы
своего намѣренія выдумалъ сочин
но что онъ начертанъ вѣчнымъ
ніемъ.

Склонность людей къ идолосл

Здѣсь встрѣчается одно обс
ство, относящееся къ исторіи
Религіи; это *Терафимы*, или идо
Рахиль тайно увез дому о
его, гл. 31. 30. Я орилъ с
происхожденіи идо шва;
въ первой разъ уп

леніи, а особенно для того, чтобы просить у нихъ помощи и совѣта. Нѣтъ нужды до ихъ величины, вида и матеріи; духъ жожетъ жить во всякомъ мѣстѣ, если только оно посвящено ему торжественно; Арабъ всякую кость, всякой отрубокъ дерева дѣлаетъ своимъ фетишемъ и перемѣняетъ его, когда захочетъ. Идолы Лавановы безъ сомнѣнія не слишкомъ велики были, когда Рахиль столь легко могла ихъ скрыть, и когда ихъ носили въ ушахъ вмѣсто серегъ. гл, 35. 4. *Эней* унесъ своихъ кумировъ вмѣстѣ съ отцемъ. Не описано, какой именно видъ имѣли тѣ кумиры, о коихъ мы теперь говоримъ. Кумиръ Мельхолы, какъ видно, имѣлъ уже человѣческую голову. 1. Сам. гл. 19. 13. Но въ сіе время искуство, можетъ быть, еще не возвышалось до того, и идоловъ составляли фигуры, означенныя нѣкоторыми чертами; а можетъ быть они были уже золотыя, или серебреныя. Во времена *Судей*, дѣланіе таковыхъ серебряныхъ кумировъ составляло особенную промышленность; кн. Судей гл. 17; они у всѣхъ идолопоклонническихъ народовъ продавались самою дешевою цѣною; отъ того-то столь много дошло до насъ, особливо Египетскихъ идоловъ. Рахиль не одна взяла съ собою сихъ кумировъ; вся фамилія Іакова имѣла подобныхъ, въ доказательство сколь обще было суевѣріе сіе въ той землѣ. Она только похитила ихъ у отца, можетъ быть потому, что доселѣ они вмѣстѣ по-

кланялись имъ; а можетъ быть и для того, чтобы тѣмъ болѣе вознаградить уронъ, причиненный неправедными обманами отца своего и посредствомъ сихъ боговъ себя и всю фамилію обогатить; она думала, что домъ отца ея обогащенъ благословеніемъ сихъ идоловъ. Способъ, похищать чуждыхъ Боговъ, а съ ними вмѣстѣ и покровительство ихъ, непосредственно былъ соединенъ съ суевѣрнымъ воображеніемъ о нихъ; и вѣроятно древностію своею равняется началу самаго идолопоклонства. Когда Даниты искали себѣ жилища и увѣдомились, что у Михи есть священные кумиры и жрецы; то они похитили и то и другое для того, чтобы на своемъ разбойническомъ походѣ имѣть при себѣ Божества; Судей гл. 18. Это доказываетъ также Исторія Ковета Завѣта, который Филистимляне почитали жилищемъ сильнаго Бога Израильскаго, и суевѣрная надежда, какую они на него полагали; 1. Саму. 4. Пусть представитъ себѣ всякой, съ какою хитростію *Улиссъ* старался похитить у Троянцевъ статую покровительницы ихъ Паллады; и напротивъ съ какою заботливостію Тиряне при осадѣ хранили покровительствующаго ихъ Бога Геркулеса; также какою священною тайною у Римлянъ было имя ихъ Бога покровителя для того, чтобы никто не могъ отвратить отъ нихъ защиты его; съ какою пышностію, ласкательствами и обѣщаніями старались они, предъ занятіемъ

осажденнаго города, — вызывать оттуда Боговъ и выманивать себѣ ихъ благосклонность. Еще болѣе подтверждается сіе суевѣріе тѣмъ безпокойствомъ, съ какимъ Лаванъ искалъ Боговъ своихъ, и негодованіемъ Іакова,—что онъ обвиняетъ его въ семъ воровствѣ; сей послѣдній угрожаетъ наказать похитителя, хотя самъ и не служитъ симъ кумирамъ. Между тѣмъ, кажется, познаніе истиннаго Бога, какъ я и выше упоминалъ, еще не совсѣмъ было затеряно отъ сего идолопоклонства. Лаванъ кромѣ сихъ боговъ своихъ, знаетъ еще Высочайшаго Бога, которому поклонялись Авраамъ, Нахоръ и праотцы ихъ. Но для чувственнаго, грубаго человѣка понятіе невидимаго Высочайшаго Существа было слишкомъ высоко, нежели что бы онъ могъ успокоиться Провидѣніемъ его; суевѣрная наклонность къ чувственнымъ Божествамъ для него всего натуральнѣе. Даже всѣ сіи чудеса, каковыя Израильской народъ для утвержденія истины единаго Бога видѣлъ въ Египтѣ и пустынѣ, всѣ мудрыя установленія и законы, коими Моисей старался отвратить всякое идолослуженіе, не сильны были искоренить совсѣмъ сего суевѣрія такъ, что бы народъ на своемъ походѣ не имѣлъ при себѣ тайно таковыхъ кумировъ—и при малѣйшемъ попущеніи не покланялся бы онымъ. Іисус. гл. 24. 23. Это доказываетъ поклоненіе Египетскому Божеству Аппсу, или золотому тельцу, и стремительная наклон-

ность, съ каковою народъ Іудейской послѣ того, въ правленіе Царей, принималъ идолопоклонство своихъ сосѣдей. Впрочемъ люди не съ тѣмъ намѣреніемъ почитали кумировъ, что бы отвергнуть совершенно истиннаго Бога; имъ хотѣлось только симъ средствомъ быть увѣренными въ покровительствѣ и дружествѣ своихъ видимыхъ Боговъ. Но въ самомъ дѣлѣ это было истинное Богоотверженіе; оно отвратило людей отъ вѣрованія всеобщему Провидѣнію, и распространясь по всей землѣ, познаніе Существа Высочайшаго если не совсѣмъ истребило, то по крайней мѣрѣ оставило одно названіе онаго. Вся Религія состояла только въ почитаніи сихъ низшихъ боговъ; потому-то Моисей, которому лучше, нежели кому другому, была извѣстна слабость человѣческая, старался отлично-мудрыми, но и строгими законоположеніями сколько возможно отдалить всѣ поводы къ идолопоклонству. Таковъ былъ разумъ въ своей первой чувственной слабости. Лаванъ увѣрившись въ невинности Іакова, прощается потомъ съ нѣжностію отца съ дочерьми своими, и оба заключаютъ дружбу между собою по образу тогдашняго времени, т. е. приносятъ жертву, и Бога своихъ праотцевъ призываютъ быть свидѣтелемъ и Судіею утвержденнаго союза.

Прибытіе Іакова въ Ханаанъ и приключеніе съ нимъ.

Послѣ того Іаковъ продолжаетъ путь свой; но какъ скоро приближился онъ къ предѣламъ своего отечества, то страхъ—подпасть мщенію Исава, сильно поразилъ его. Между тѣмъ воспоминаніе явленія, посланнаго ему Провидѣніемъ на пути, ободряетъ его, и впечатлѣніе онаго столь живо въ душѣ его, что онъ видитъ цѣлые полки Ангеловъ для своей защиты; однако не опускаетъ при томъ ни одного изъ средствъ, внушаемыхъ ему благоразуміемъ, какъ къ укрощенію гнѣва брата своего, такъ въ противномъ случаѣ къ собственной безопасности. Но когда Іаковъ услышалъ, что Исавъ съ четырью стами мужей идетъ къ нему на встрѣчу, то онъ обращается къ Богу, и чтобъ скрыть свое безпокойство отъ домашнихъ, ночью одинъ переходитъ обратно за рѣку и съ прогательными, умиленными моленіями препоручаетъ себя и своихъ домочадцевъ Божію провидѣнію. Въ ночи видитъ онъ явленіе, котораго хотя мы не можемъ съ удовлетворительною ясностію изтолковать, по причинѣ нѣкоторыхъ темныхъ выраженій, —но которое было довольно ясно для утвержденія въ немъ вѣры; оно твердо увѣрило его, что если бы и самые сильные Государи препятствовали ему и его поколенію войти въ землю обѣтованную, то и въ семъ случаѣ онъ одержалъ бы надъ всѣ-

ми побѣду—и овладѣлъ страною, назначенною ему отъ Творца. Вотъ обстоятельство, столь важное для цѣли Моисеевой — и для ободренія народа Израильскаго! Іаковъ, утвержденный симъ явленіемъ,—съ радостнымъ упованіемъ, при появленіи утра, возвращается къ своимъ домашнимъ и продолжаетъ путь свой. Скоро оба братья встрѣчаются; въ обоихъ видно человѣчество во всей мѣрѣ; впечатлѣнія прежнихъ оскорбленій изгладились отъ времени — и природа опять взяла надъ ними верхъ. Хотя въ обоихъ, а особливо въ Іаковѣ, видна еще тайная недовѣрчивость; но какъ скоро Исавъ получаетъ покорность брата своего, — видитъ, что онъ не хочетъ съ гордостію вступить въ права свои; то съ благородствомъ забываетъ весь свой гнѣвъ, и спокойно возвращается въ горы, не дѣлая ни малѣйшаго препятствія, войти Іакову въ Ханаанъ. Онъ входитъ потомъ щастливо съ своими домашними въ землю обѣтованную, и первою обязанностію почитаетъ исполненіе обѣта; прежде всего Бога, явившагося ему на пути, коего провидѣніе открывалось ему въ столь разительныхъ опытахъ, — сего Бога признаетъ онъ открыто своимъ Господомъ, и воздвигнувъ жертвенникъ, посвящаетъ его съ отличнымъ наименованіемъ: *Богу Израилеву*, въ томъ намѣреніи, что онъ отъ нынѣ вѣчно будетъ Богомъ ему и потомкамъ его. Но нечаянное, печальное приключеніе въ сѣмействѣ Іакова, при-

нуждаетъ его скоро потомъ оставить страну сію. Его дочь насильственнымъ образомъ обесчещена сыномъ владѣтеля того мѣста, и дѣти Іакова отмщаютъ сіе оскорбленіе столь коварно, столь жестоко, что и то и другое составляетъ достопримѣчательную черту въ картинѣ сихъ временъ. Съ одной стороны, никакими законами неограниченное сластолюбіе дикихъ народовъ, которые въ разсужденіи чужестранцевъ всѣ разбойническія насилія почитали позволительными; съ другой, жестокое, всѣмъ необразованнымъ народамъ свойственное мщеніе, которое въ разсужденіи враговъ не знаетъ никакихъ правъ, не иначе успокоивается, какъ совершеннымъ ихъ истребленіемъ, и ни мало не разсуждаетъ даже о самыхъ измѣнническихъ ухищреніяхъ, только бы онѣ споспѣшествовали его намѣреніямъ. Самоуправство есть, кажется, особенное право человѣка еще необразованнаго, котораго онъ попустилъ себя лишить уже довольно поздно; оно можетъ быть обуздано только законами общежитія, совершеннѣе учрежденнаго, а совсѣмъ истреблено быть высшими началами просвѣщеннѣйшей Религіи. Даже Моисей въ законѣ своемъ, не смотря, что оный весь относился къ сохраненію человѣчества и къ возбужденію тихихъ общежительныхъ чувствованій,—даже Моисей нѣкоторымъ образомъ защищаетъ сіе право; по крайней мѣрѣ повелѣваетъ оказывать оскорбленному удовольствіе, чрезъ

отмщеніе врагу его тѣмъ же самымъ способомъ, какъ онъ обидѣлъ его; *око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, раны за раны*, II. Моис. 21. 24. 25. Разность въ томъ только, что Моисей, съ большимъ благоразуміемъ, изъ рукъ оскорбленнаго отдаетъ исполненіе отмщенія въ щадящія руки закона, или Судіи, и тѣмъ ограничиваетъ какъ наглость оскорбленій, такъ и жестокость наказаній. Между тѣмъ, сколько Іаковъ чувствовалъ прискорбія, видѣвши похищеніе своей дочери; съ такимъ же отвращеніемъ смотрѣлъ онъ и на сіе измѣнническое, убійственное мщеніе своихъ сыновъ. Исполненный стыда и страха, онъ не можетъ уже остаться въ землѣ сей; онъ рѣшается идти въ Беѳиль, что бы тамъ предать себя въ покровительство своего Бога, единаго Высочайшаго Господа, въ промыслѣ котораго онъ увѣрился на пути своемъ; и Ему, какъ Богу своему и потомковъ своихъ, совершенно посвятить себя. Но прежде нежели онъ туда входитъ, требуетъ отъ своихъ домашнихъ всѣ кумиры и усерязи, изъ Месопотаміи перенесенныя, и зарываетъ оныя въ землю, что бы отнять у нихъ тѣмъ всѣ случаи къ сему идолопоклонническому суевѣрію и показать свое отвращеніе отъ того. А что бы дать имъ живѣйшее понятіе, сколь много они доселѣ осквернены были симъ суевѣріемъ; то повелѣваетъ имъ омыться и очиститься, прежде нежели приближатся къ священному мѣсту—Беѳилю. Вотъ эм-

блеммашической обрядъ, столь натуральной человѣку, когда онъ намѣревается приближиться къ Божеству для поклоненія! Онъ былъ издревле общимъ при всѣхъ Богослужебныхъ празднествахъ; Моисей особенно повелѣлъ наблюдать его при Богослуженіи. Отсюда-то произошло послѣ того еще болѣе значительное омовеніе нововѣрцевъ, (proseliti): ибо оно не только было знакомъ очищенія, но и образомъ совершенной смерти и новаго рожденія, знакомъ торжественнаго обѣщанія—посвятить себя совершенно только одному исповѣдуемому Богу, для него единственно жить. Сей таинственный обрядъ и нынѣ есть отличительнымъ признакомъ великаго званія всѣхъ, посвятившихъ себя совершеннѣйшей Религіи Спасителя міра.

Планъ Провидѣнія къ просвѣщенію рода человѣческаго истинною вѣрою.

Уже приближается время, въ которое родъ Іакова вступитъ на сцену, — столь примѣчательную; въ которое свѣтъ увидитъ великое доказательство, что особенное руководство Израиля не есть что-либо случайное, а планъ, Провидѣніемъ избранный и преднамѣреваемый для великой цѣли; планъ, коего существенныя черты съ перваго начала рода человѣческаго сохранены въ сей книгѣ. Сіи черты, разсуждаемыя въ особенности, по видимому, не имѣютъ никакого значенія; но въ связи,

вмѣстѣ взятыя, онѣ возбуждаютъ все наше вниманіе — и принадлежатъ очевидно къ одному особенному плану. Этотъ планъ отъ нынѣ становится болѣе и болѣе понятнымъ и заключаетъ въ себѣ яснѣйшіе признаки дѣйствующаго имъ высочайшаго управленія. Онъ, по причинѣ великихъ пріуготовленій и ограниченной по видимому цѣли, оставляетъ разумъ нашъ на нѣсколько въ замѣшательствѣ; но потомъ по мѣрѣ, какъ сія великая цѣль болѣе открывается, онъ оправдываетъ всѣ сіи пріуготовленія, и во всѣхъ пунктахъ получаетъ отличительную печать Божественности, которой не можетъ отрицать и самое ужасное ослѣпленіе. Этотъ планъ, вдругъ послѣ сильныхъ мѣръ, посредствомъ коихъ народъ Израильской получаетъ во владѣніе Ханаанъ, кажется, совершенно оставленъ Провидѣніемъ, и совсѣмъ заперянъ нѣсколько столѣтій въ мрачныя времена Судей; потомъ, въ правленіе нѣкоторыхъ Царей, опять становится яснѣе; съ разсѣяніемъ народа, снова совершенно теряется; потомъ, съ возвращеніемъ его, въ нѣкоторыхъ едва примѣтныхъ чертахъ дѣлается примѣтнѣе; но наконецъ, послѣ всѣхъ сихъ великихъ переворотовъ,—когда приближилось великое время исполненія,—онъ явился въ такомъ свѣтѣ, что привлекъ на себя вниманіе всего міра, и тогда открылось ясно во всѣхъ его пунктахъ, что это есть планъ, уготованный для просвѣщенія міра; это планъ, въ которомъ

мы, разсматривающіе его уже осьмнадцать столѣтій,—тѣмъ съ большимъ удивленіемъ можемъ видѣть десницу Господа вселенныя, начертавшую и исполнившую оный.

Іосифъ продается братьями своими гл. 37.

Прежде нежели Моисей продолжаетъ описывать дальнѣйшія обстоятельства сей Исторіи, онъ включаетъ двѣ родословныхъ потомства Исавова и особенной линіи потомства Іуды;—что собственно важно было только для его народа. Но поелику ему извѣстно было достопамятное предсказаніе объ особенныхъ преимуществахъ колѣна Іудина; то онъ имѣлъ еще особливую причину замѣтить происхожденіе его потомства.

Описаніе случившихся при семъ обстоятельствъ есть новая картина грубыхъ нравовъ тогдашняго времени и грубыхъ понятій о чести и справедливости. Между тѣмъ Іосифъ проданъ Мадіамитянами въ Египтѣ, какъ невольникъ; и здѣсь-то открывается великая сцена. Хотя поколѣнію Израиля и была назначена въ удѣлъ земля Ханаанская; но оно теперь еще не можетъ въ ней остаться. Здѣсь, между грубыми идолопоклонническими народами, потомство Авраамово могло бы еще совсѣмъ затеряться, и ведя независимую, дикую, пастушескую жизнь, оно не могло бы никогда достигнуть образованности, не могло бы сдѣлаться значительнымъ народомъ, каковымъ должно быть по намѣренію Про-

видѣнія. Для того ему опредѣлено въ чужой землѣ возвыситься до силы — составить особенной народъ; и въ Египтѣ соединялись всѣ обстоятельства, могущія споспѣшествовать исполненію великихъ плановъ, не раздѣльныхъ отъ того. Египетъ въ то время былъ самою образованною страною; и еще послѣ того многія столѣтія пребывалъ великимъ училищемъ свѣта, откуда всѣ прочіе народы заимствовали науки и искуства, Философію и Религію. И такъ здѣсь народъ Израильскій, вмѣстѣ съ размноженіемъ, долженъ научиться и нравственности, что бы онъ послѣ того, какъ Государство довольно образованное, по своему собственному внутреннему устроенію могъ существовать независимо отъ другихъ, и для сохраненія въ чистотѣ собственной своей конституціи могъ обойтись безъ всякихъ связей съ сосѣдственными идолопоклонническими народами. На сей конецъ народъ Израильской долженъ здѣсь научиться земледѣлію, какъ главному основанію великаго нравственнаго общества, а съ нимъ вмѣстѣ и другимъ полезнымъ искуствамъ и рукодѣліямъ; и поелику будущее его устроеніе требовало строгаго порядка, то народъ долженъ былъ въ Египтѣ привыкнуть къ повиновенію, законамъ и благочинію; его великой предводитель долженъ былъ родиться въ Египтѣ и образоваться при дворѣ и въ школахъ мудрецовъ свои великіе таланты и дарованія, которые были необходимы для

него, какъ Полководца, Законодателя и основателя народа, совершенно отличнаго отъ всѣхъ другихъ по своему устроенію и Религіи. И какъ Египетъ въ то время былъ великимъ и главнымъ позорищемъ въ свѣтѣ; то чрезвычайныя явленія, сопровождавшія исходъ народа Іудейскаго, здѣсь долженствовали привлечь на себя большее вниманіе.

Но симъ еще не было достигнуто намѣреніе Провидѣнія. Народъ Израильской, при всемъ своемъ умноженіи, долженъ всегда остаться тѣмъ же народомъ,—долженъ сохранить свой особенной отличительной характеръ. Для фамиліи, состоявшей изъ семидесяти человѣкъ въ чужой землѣ—нуженъ былъ для сего особенный промыслъ Божій; судя по подозрѣнію и ненависти, каковую Египтяне имѣли ко всѣмъ восточнымъ и кочующимъ народамъ, необходима была особенная помощь сѣмейству Іакова войти въ сію землю и жить въ ней въ безопасности.

Іосифъ въ Египтѣ.

Здѣсь слѣдуетъ развязка Исторіи Іосифа. — Его вводятъ какъ раба въ домъ одного изъ первыхъ придворныхъ; но онъ скоро пріобрѣтаетъ довѣренность своего господина и такимъ образомъ получаетъ случай—точнымъ познаніемъ Египта пріуготовиться къ будущему высокому назначенію. Хотя Богобрязненность и вѣр-

ность къ господину были причиною его заключенія въ темницу; но это самое есть вмѣстѣ шагъ къ его величію. Чтобы не сдѣлаться слишкомъ скучнымъ, я не хочу останавливаться на подробномъ описаніи Египта. Множество различныхъ придворныхъ чиновъ, разные классы жрецовъ или ученыхъ, высокое достоинство и особливыя преимущества сего состоянія, наконецъ великая должность, въ которую вступилъ послѣ того самъ Іосифъ и великолѣпіе, сопровождающее оную,—все сіе доказываетъ, до какой уже цвѣтущей великости достигъ въ то время Египетъ. Въ темницѣ Іосифъ своимъ добрымъ поведеніемъ (а можетъ быть тайно узнали его и невинность,) пріобрѣтаетъ дружество и довѣренность главнаго надзирателя; и какъ онъ имѣлъ случай часто разговаривать съ находящимися въ темницѣ, то это опять было ближайшимъ шагомъ къ его великому назначенію.

Его толкованіе сновъ Фараоновыхъ.

Мысль, что сны суть что нибудь значительное и Божественное, равняется древностію своею любопытству человѣческому—предъузнавать будущую судьбу свою; суевѣріе и обманъ издревле выдумали науку толковать оные. Хотя Іосифу не могъ быть извѣстенъ языкъ Іероглифическій, составляющій все основаніе мнимой истолковательной науки; однако же онъ самъ

почитаетъ ее пустою; — что видно изъ отвѣта его, даннаго обоимъ вельможамъ, въ тюрьмѣ содержавшимся и потомъ самому Фараону, что сны, дѣйствительно Богомъ произведенные, не иначе можно и истолковать, какъ посредствомъ Божественнаго же вдохновенія. Богъ возбуждаетъ сонъ въ душѣ обоихъ придворныхъ, а потомъ два, очень значительные, въ воображеніи самаго Государя, что бы Іосифа возвысить на то мѣсто, которое опредѣлено для него Его провидѣніемъ. Сонъ Фараоновъ былъ столь значителенъ, что онъ необходимо здѣлалъ на него великое впечатлѣніе и возбудилъ желаніе, узнать значеніе онаго. —Съ великимъ безпокойствомъ онъ повелѣваетъ тотчасъ призвать всѣхъ мудрецовъ; но какъ ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился, слыша столь важный сонъ своимъ не надежнымъ, ложнымъ толкованіемъ обмануть Царя; то это и подало случай призвать Іосифа изъ темницы ко двору. Фараонъ разсказываетъ ему сонъ свой; и не только сіяющее исполненіе прежнихъ его истолкованій, но скромная надѣянность, съ какою онъ изъясняетъ сонъ его, удивительная ясность, точность его толкованія, потомъ чрезвычайная важность онаго и благоразумный планъ, представляемый Іосифомъ Фараону для предупрежденія ужаснѣйшихъ слѣдствій, — вдругъ произвели въ Государѣ такую довѣренность къ его уму и благоразумію, что онъ препоручаетъ ему исполнить весь этотъ планъ, даетъ ему та-

кую власть, какая потребна къ щастливому приведенію его въ дѣйство, и соединя его бракомъ съ дочерью Пентефрія, первосвященника Онскаго, возвышаетъ въ достоинство жреца, что бы онъ тѣмъ болѣе сдѣлался способнымъ къ великой своей должности. Какъ уже очень часто было упоминаемо, что подъ словомъ *жрецы* въ Египтѣ заключались всѣ вельможи Государственные, всѣ Законоискусники, Испорики и истолкователи древняго Іероглифическаго языка, всѣ врачи, Естествоиспытатели и Звѣздочеты (Астрономы), которые особенно и изключительно одни занимались столь необходимымъ въ сей странѣ счисленіемъ временъ года, теченіемъ свѣтилъ небесныхъ и измѣреніемъ земли; такъ же извѣстно, что Египетъ въ семъ пунктѣ не имѣлъ ничего особеннаго, но жрецы его не иное что, какъ Маги у древнихъ Персовъ, Друиды у Галловъ, нѣкоторымъ образомъ жрецы у Римлянъ, и тоже, что еще и нынѣ Брамины Индѣйскіе, и Мандарины Китайскіе; что только нѣкоторые изъ нихъ занимались собственно отправленіемъ Богослуженія, точно такъ, какъ послѣ того Моисей учредилъ въ разсужденіи Священниковъ и Левитовъ;—какъ это, говорю я, столь часто повторялось и уже доказано; то было бы совершенно излишне и упоминать о томъ, если бы нѣкоторые не изслѣдовали о семъ предметѣ сколько глупо, столько же и дерзко, что бы по-

мѣстить свои слабыя насмѣшки касательно преимуществъ и вольности Жрецовъ.

Благоразумныя мѣры Іосифа къ спасенію Государства отъ голода.

Іосифъ говоритъ предъ Царемъ откровенно о единомъ Богѣ, и Фараонъ слушаетъ его съ такимъ вниманіемъ, что, кажется, познаніе истиннаго Бога и въ то время еще не было совершенно затеряно. Между тѣмъ какъ *Онъ* (городъ), по словопроизводству означающій источникъ свѣта и послѣ того отъ Грековъ названный Иліополь, или Солнечный городъ, получилъ свое наименованіе отъ солнца; то вѣроятно оно уже было публично тамъ почитаемо, какъ Высочайшее чувственное Божество.

Іосифъ ободренный достоинствомъ своимъ, неограниченною властію, каковую далъ ему Фараонъ, а утвержденный внутреннимъ чувствомъ, что его толкованіе было не пустая догадка, а Божественное вдохновеніе; Іосифъ вскорѣ принимаетъ нужныя мѣры для исполненія своего великаго плана. Онъ объѣзжаетъ самъ всю землю Египетскую, что бы узнать сколько въ годъ собирается хлѣба, и вычислить употребленіе онаго по числу жителей; и какъ онъ почитаетъ достаточнымъ, отъ каждой жатвы въ первые плодородные седьмь лѣтъ оставлять пятую часть, что бы замѣнить недостатокъ слѣдующихъ седми безплодныхъ; то онъ во всѣхъ городахъ для

собиранія сего избытка учреждаетъ магазины, (благодѣтельное учрежденіе!) такъ что отъ сего не только Государство при продолжительномъ ужасномъ неурожаѣ остается въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи, но и многія тысячи людей сосѣдственныхъ странъ могли получать себѣ пропитаніе. Если бы сію Исторію предалъ какой нибудь свѣтской писатель: то Іосифъ какой былъ бы славной образецъ Государственныхъ и Финансъ-Министровъ! Его конечно поставили бы выше всѣхъ *Сюлліевъ* и *Колбертовъ!*—Но онъ изъ народа Израильскаго,—его Исторія въ книгѣ Моисеевой; потому все напротивъ, все представлено въ самыхъ черныхъ краскахъ, что бы Іосифа выставить самымъ опаснымъ предателемъ Египта, виновникомъ всякаго тиранства, которой пользуется нуждою подданныхъ, дабы всѣхъ ихъ здѣлать невольниками своего Государя!

Здѣсь заслуживаетъ примѣчанія слѣдующее обстоятельство, что пятая часть годоваго произведенія плодовъ сполъ малой земли, какъ Египетъ, которой величиною не можетъ равняться съ Европейскими Государствами;—что пятая часть, говорю, была достаточна не только для продовольствія природныхъ многочисленныхъ ея обитателей, но и сосѣдственныхъ многихъ народовъ. Таковая плодоносность показалась бы дѣйствительно невѣроятною, если бы не была подтверждена всѣми Исторіями. Ибо если страна сія, не упоми-

ная о древнихъ Персидскихъ опустошеніяхъ, уже потерявши цвѣтущее свое состояніе отъ послѣднихъ войнъ, тираніи и расточительности своихъ Государей, подъ Римскимъ господствомъ была еще столько плодоносна, что могла довольствовать многолюдный Римъ и большею частію его опустошительныя войска; если Египетъ еще и нынѣ, подъ ненасытимымъ хищничествомъ Турецкаго деспотизма, который столь многія тысячи земледѣльцовъ отвлекаетъ отъ удобренія земли, и по сребролюбію приводитъ въ совершенной упадокъ источники прежняго изобилія напр: каналы, плотины, шлюзы; и не смотря на то, что Нилъ по причинѣ постепеннаго возвышенія земли и чрезвычайнаго множества остатковъ разрушенныхъ древнихъ городовъ, коими покрыта вся страна, не можетъ болѣе наводнять и половины прежней плодоносной почвы, такъ что вся восточная страна теперь ничто иное, какъ сухая песчаная степь; если Египетъ, говорю, при всемъ томъ и нынѣ есть богатѣйшая житница всего востока, и своимъ избыткомъ почти изключительно питаетъ многолюдной Константинополь: то какъ описаніе въ сей Исторіи, такъ и преданіе всѣхъ другихъ древнихъ бытописателей, о столь невѣроятной плодоносности и многочисленности жителей и городовъ, симъ совершенно уже доказано.

Пятая часть ежегоднаго излишества, которую Іосифъ приказалъ сохранять, бы-

ла собственность народа; но она и осталась тѣмъ же, только для безопаснѣйшаго сбереженія хранилась въ публичныхъ магазинахъ; когда напротивъ этотъ запасъ въ частныхъ рукахъ, по недостатку средствъ сберегать оной, и когда по обыкновенному плодоносію не могли и помышлять объ неурожаѣ, каждой годъ напрасно терялся бы. И такъ, значитъ ли это хищничество, что Іосифъ, сберегши сей необходимо-нужный и безъ особливаго надзора необходимо имѣющій потеряться избытокъ, сохранилъ жизнь милліоновъ людей—и страну, которая лишившись обитателей и всѣхъ животныхъ, здѣлалась бы ужасною пустынею, отъ паденія которой конечно потерпѣлъ бы весь свѣтъ,—сію страну удержалъ въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи? „Но какая жестокость!“ возражаютъ противники; „Іосифъ, подъ видомъ попеченія „о семъ, пользуется нуждою подданныхъ, „и при наступленіи неурожайныхъ лѣтъ „за сію ихъ собственность грабитъ день„ги; скотъ ихъ, землю, и наконецъ самую „ихъ свободу отдаетъ въ руки своего Го„сударя!!—Но дѣйствительно ли было поступлено такъ жестоко, какъ думаютъ нѣкоторые? Правда, они должны были покупать свой хлѣбъ собственными деньгами. Но Египтяне не имѣли почти совсѣмъ иностранной торговли; они не знали еще роскоши, которая послѣ того дала столь великую цѣну сребру; они ничего не получали отъ сосѣдственныхъ наро-

довъ, кромѣ немногихъ благовонныхъ травъ и мастей, употребляемыхъ ими при жертвоприношеніяхъ и бальзамированіи умершихъ; ленъ, которой они употребляли на одежду, по причинѣ великаго зноя,—жито для продовольствія, производила земля безъ всякихъ ихъ трудовъ въ величайшемъ изобиліи;—отъ чего происходила такая невѣроятная дешевизна, что Цари Египетскіе могли исполнять величайшіе планы и предпріятія, каковыя невозможно было произвесть въ дѣйство соединенными силами великихъ и сильныхъ Государствъ. И такъ деньги не были тамъ необходимымъ средствомъ къ пропитанію, какъ это было у другихъ народовъ и есть въ наши времена! Положимъ даже, что деньги и тогда значили тоже; что жъ должно бы здѣлать Іосифу? Надобно ли было ему безъ всякой цѣны выдавать хлѣбъ? Такимъ образомъ, при всей возможной прозорливости и осторожности, всего запасу недостало бы на удовлетвореніе потребностямъ народа и въ теченіе одного года. Единственное средство, отвратить всякой обманъ и всякую безполезную расточительность, было-держать хлѣбъ въ высокой цѣнѣ. То-же благоразуміе требовало, что бы народъ, когда серебро уже истощилось, платилъ за хлѣбъ скотомъ своимъ; и это для жителей имѣло ту неоцѣненную выгоду, что такимъ образомъ остался цѣлъ весь скотъ, которой при всеобщемъ голодѣ, къ совершенному паденію Египта, конечно погибъ

бы. И, какъ можно догадаться, что Фараонъ по прошествіи безплодныхъ лѣтъ, не захотѣлъ къ отягченію своему оставить у себя скота цѣлаго Государства, но съ полями раздѣлилъ оной опять между своими подданными; то Государство, послѣ голода, осталось въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи и каждой обитатель былъ столь же богатъ и щасливъ, сколько и прежде того.

„Наконецъ народъ, не имѣя болѣе ни „денегъ, ни скота, долженъ отдать Госу„дарю въ уплату за пропитаніе свободу и поля свои.“—Въ чѣмъ же состоитъ здѣсь тиранство, представленное въ столь черныхъ краскахъ? Какъ скоро прошли годы неплодоносные, народъ обратно получаетъ всѣ свои поля, только уже, какъ владѣніе своего Государя; и въ знакъ того всякой обязанъ ежегодно отдавать Фараону пятую часть доходовъ съ жатвы. Вотъ въ чемъ состояло все рабство. О! когда бы свѣтъ никогда не зналъ ни какого другаго! — Это было, лучше сказать, самое мудрое и благодѣтельное учрежденіе, основавшее столь рано щастливое величіе Египта; коего слѣдствія скоро потомъ распространились на лучшую часть извѣстнаго міра, и вообще столь много споспѣшествовали скорѣйшему образованію и нравственности человѣчества. Ибо, какъ народъ до того времени, судя по сей подати, ни чѣмъ не помогалъ общему благосостоянію Государства, и потому частію жилъ еще въ не-

зависимости, безъ законовъ: то онъ, симъ способомъ приведенный подъ верховную власть Государя, получилъ вмѣстѣ прочную основанную на законахъ Конституцію; силы Египта соединились въ одну точку —въ одной особѣ; и сія, при великомъ и натуральномъ плодоносіи едва примѣтная дань пятой части годоваго избытка, въ которомъ подданный не имѣлъ ни какой нужды и не зналъ какъ употребить его,— опъ нынѣ привела Государей въ состояніе при множествѣ народа, находящагося въ ихъ власти, которой по натуральной плодоносности земли не имѣлъ нужды много удобрять ее,—сія, говорю, дань привела ихъ въ состояніе, не только предпринимать чрезвычайныя дѣла, которыя частію время не могло еще разрушить, кои и въ развалинахъ остаются чудомъ свѣта; но и производить въ дѣйство благодѣтельныя заведенія, напр: каналы, плотины, и проч.; что доставляло Египту надежное и чрезвычайное богатство. Вѣроятно сія подать была основаніемъ вскорѣ потомъ произшедшаго особливаго состоянія солдатъ, которое будучи безъ перемѣны наслѣдственнымъ, кромѣ того что охраняло безопасность и спокойствіе Государства, наипаче тѣмъ еще подкрѣпляло болѣе и болѣе возрастающее благоденствіе его и величіе, что низшія состоянія, посвятившія себя земледѣлію и ремесламъ, такимъ образомъ пребывали всегда въ своемъ званіи, не желая переходить въ другое.

Къ такому управленію народа Іосифъ, можетъ быть, имѣлъ свои особенныя политическія причины; всѣхъ ихъ знать мы не можемъ; но вѣроятно главная была та, что бы народъ заставить забыть прежнюю свою не зависимость, и тѣмъ скорѣе пріучить его къ повиновенію законодательной власти, когда онъ новыя поля свои, не иначе могъ почитать, какъ подаркомъ, или *леноліо* Государя; а вмѣстѣ, что бы отвратить всѣ возмущенія. Для сего намѣренія такое же избирали средство самые благоразумные Правители древнихъ Государствъ. Народъ грубой, едва вышедшій изъ состоянія дикости, необходимо требуетъ правленія болѣе деспотическаго, нежели другой, уже довольно образованный благочиніемъ и законами; и если изъ того въ послѣдствіи вышли злоупотребленія, то сіе было не столько погрѣшностію установленія, зависящею отъ первыхъ основателей онаго, сколько общимъ недостаткомъ всѣхъ человѣческихъ, даже самыхъ совершенныхъ конституцій. Народъ ничего не потерялъ отъ сего переселенія. Египтяне жили тогда въ не большихъ хижинахъ, или шалашахъ; не знали другаго богатства, кромѣ плодовъ, которые по всей странѣ равномѣрно произрастали въ изобиліи: такимъ [illegible] столь же мало потерпѣли [illegible] сколько теряютъ Татарскія [illegible] щія скотоводствомъ, [illegible]

плодородной степи переходятъ на другую, столь же плодоносную.

Земли и доходы Жрецовъ, такъ какъ непосредственно принадлежащіе Государству, не были подвержены сей перемѣнѣ. Ибо если къ сему состоянію, какъ первому и важнѣйшему въ Египтѣ, принадлежали всѣ классы людей, кои, вмѣстѣ съ публичнымъ Богослуженіемъ, отправляли общественныя, Государственныя и министерскія должности, занимались науками и имѣли попеченіе о всѣхъ учрежденіяхъ, служащихъ къ благосостоянію отечества; если Жрецы не только отъ сихъ земель получали себѣ пропитаніе, но и всѣ издержки, употребляемыя на публичное Богослуженіе, брали на свой счетъ: то благоденствіе Государства непосредственно требовало оставить ихъ владѣнія на прежнемъ основаніи; притомъ же и классъ земледѣльцовъ имѣлъ отъ сего ту выгоду, что, кромѣ постановленной законами подати пятой части, всегда могъ безопасно пользоваться плодами трудовъ своихъ.

Вотъ Іосифъ, отъ всѣхъ враговъ книги сей выставленный столь ужаснымъ тираномъ! Пусть судятъ о честности ихъ. —О! когда бы всѣ, подобные ему по состоянію и должности, столь щастливо и продолжительно, какъ онъ, могли соединять умноженіе величія своего Государя съ внутреннимъ благосостояніемъ отечества и подданныхъ! Когда бы они, имѣя въ виду распространеніе власти и дохо-

довъ своего Монарха, заслужили вмѣстѣ отъ народа благословеніе, благодарность: *оживилъ ны еси, обрѣтохомъ благодать предъ Господиномъ нашимъ. гл. 47. с. 25.*

Прибытіе Іакова со всею фамиліею во Египетъ.

Съ наступленіемъ перваго безплоднаго года обнаружился голодъ и въ Ханаанѣ. Іаковъ, услышавъ о благодѣтельныхъ мѣрахъ, приняпыхъ въ Египтѣ, посылаетъ сыновъ своихъ купить тамъ необходимо нужные къ пропитанію припасы. Я умолчу о трогательныхъ сценахъ, происходившихъ здѣсь между Іосифомъ и его братьями. Іаковъ узнаетъ наконецъ, что этотъ благотворитель человѣчества есть его сынъ, котораго онъ давно почиталъ умершимъ. Восхищенный отъ радости, онъ вдругъ рѣшается со всею фамиліею отправиться въ Египетъ; и здѣсь-то является въ полномъ свѣтѣ намѣреніе Провидѣнія, для чего Іосифъ долженъ былъ достигнуть высокаго достоинства въ семъ Государствѣ.

Всѣ Восточные пастухи въ Египтѣ были крайне подозрительны и ненавидимы, или по причинѣ дѣйствительно уже произшедшихъ съ ними жестокихъ браней, или по крайней мѣрѣ потому, что они дѣлали нѣкогда покушенія—непріятельски напасть на оной. Потому-то Іосифъ, прежде нежели далъ узнать себя братьямъ,

упрекаетъ ихъ, называя шпіонами, пришедшими лишь высмотрѣть Государство. гл. 42. ст. 9. И такъ нужна была вся власть Іосифа, что бы фамиліи своей въ Египтѣ доставить безопасное мѣсто-пребываніе, и назначить ей страну для собственнаго обиталища, гдѣ она, отдѣленная отъ націи, могла бы жить сама собою, и безъ смѣшенія умножаясь составить особенный народъ. Тайное неудовольствіе Египтянъ, возраставшее вмѣстѣ съ умноженіемъ народа Израильскаго — и послѣ того, какъ изчезла память заслугъ Іосифовыхъ, превратившееся наконецъ въ жесточайшее гоненіе, еще болѣе споспѣшествовало плану Провидѣнія, что бы сей народъ не смѣшивался съ природными жителями и не затерялся между ими.

Заключеніе.

И такъ сіе намѣреніе Провидѣнія достигнуто во всей его полнотѣ. Іаковъ умираетъ; но предъ кончиною воснѣваетъ еще въ Пророческой пѣсни участь своего потомства. Симъ оканчивается Исторія разума и Религіи по первой книгѣ Моисеевой. Теперь пусть противники найдутъ во всей прочей Исторіи человѣчества, отъ перваго его начала и донынѣ, такое произшествіе, которое бы имѣло на себѣ столь видимыя черты плана, располагаемаго особеннымъ промысломъ! — И какъ бы ни думали о достоинствѣ книги, въ которой

сохранилась Исторія плана сего;—почитали ли бы ее за простую лѣтопись сего единаго народа; почитали ли бы ее пустою, а народъ ничего незначущимъ; какими бы презрѣнными именами ни называли его; сколько бы ни увеличивали его варварство и невѣжество: все однако же народъ сей и его Исторія останутся достойными вниманія. Всегда будетъ тѣмъ достопримѣчательнѣе, что въ этой же варварской ордѣ, при всеобщемъ идолопоклонствѣ, сохранилась единственно истинная Философія о Богѣ, какъ Творцѣ и Господѣ вселенныя, въ такой чистотѣ, какой съ великою трудностію достигалъ уже довольно утонченной разумъ. Еще болѣе примѣчательно и удивительно, что въ народѣ грубомъ, безъ помощи Философіи, безъ всякихъ связей съ просвѣщеннѣйшими націями, при его всегдашней наклонности къ идолопоклонству,—сіе истинное познаніе могло сохраниться только посредствомъ мудраго первоначальнаго постановленія и внутренняго его устроенія.

Столь же достойно вниманія, что небольшіе, ничего, кажется, не значущіе анекдоты, въ такомъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ сей Исторіи, составляютъ существенные пункты, ознаменовывающіе весь планъ Провидѣнія; и что сія самая книга, не смотря на перемѣны, каковыя она вмѣстѣ съ участію народа претерпѣла, была

сохранена до того времени, когда сіе повѣствованіе помѣщено въ извѣстнѣйшую Всемірную Исторію, и столь тѣсно съ нею соединилось, что оно, доколѣ міръ будетъ соществовать, уже не затеряется болѣе.

КОНЕЦЪ 4 ТОМА.

ОТЗЫВЫ

С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, Гг. Издателей Журналовъ и другихъ писателей, о книгѣ Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи Г. Іерузалема, перевед. на руской языкъ Т. Крыловымъ (*).

1.) С. Петербургскій Цензурный Комитетъ оффиціально.

....Что касается до внутренняго достоинства книги сей, говоритъ онъ, то можно сказать не обинуясь, что она есть одна изъ числа полезнѣйшихъ, каковыя и на иностранныхъ языкахъ рѣдки, а на Россійскомъ и еще рѣже. Не возможно найти другой книги въ семъ родѣ, въ которой бы содержались сполъ ясныя и убѣдительныя доказательства истины и Божественности Христіанской Вѣры, и такія сильныя опроверженія вольнодумства, какъ въ семъ безцѣнномъ твореніи Іерузалема. Книга сія писана была Авторомъ въ наставленіе воспитанника его, наслѣднаго Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго; и сіе уже одно доказываетъ, что въ ней ничего

(*) Издатель рѣшился помѣстить здѣсь сіи отзывы, къ опроверженію поселившагося у нѣкоторыхъ предубѣжденія на счетъ сего сочиненія, которые впрочемъ, можетъ быть, еще его и не читали. Что же касается до критическихъ разборовъ онаго, то если какіе будутъ заслуживать вниманіе, отвѣтствовано будетъ на нихъ въ періодическихъ изданіяхъ.

противнаго Христіанству быть не можетъ. Книга сія переведена на всѣ Европейскіе языки, и вездѣ нашла своихъ почитателей. Авторъ оной признается однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Христіанства. Она въ нашъ лжепросвѣщенный вѣкъ, когда духъ вольнодумства столь быстро разливается, служитъ сильнымъ противъ него оплотомъ. Въ заключеніе не излишне присовокупить, что книга сія переведена на Руской языкъ превосходно. Почему и можно отъ нее ожидать сугубой пользы.

2.) Г. Карамзинъ, знаменитѣйшій Россійскій Исторіографъ.

Въ письмахъ Рускаго путешественника час. II. на стран. 44. при разсужденіи о *Геніѣ* вообще, между прочимъ сказано: „Сей же духъ ревности оживляетъ и сочиненія великихъ духовъ. Если бы можно было извлечь его на прим. изъ Мендельзоновыхъ философическихъ писемъ, или Іерузалемовой книги о Религіи; то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, во второй одни простые догматы Теологіи; *но оживляемые имъ, они возвышаютъ душу читателя.*

3.) Сѣверная почта 1818 года Февраля 19. N 13.

Любителямъ чтенія полезныхъ книгъ, особливо наполненныхъ истинами о священной Религіи и о спасительныхъ дѣйствіяхъ ея, извѣстно превосходное твореніе знаменитѣйшаго Нѣмецкаго писателя Іерузалема, заключающее въ себѣ разсужденія о бытіи Божіи, о свойствахъ его и проч. и проч. Нынѣ съ удовольствіемъ

возвѣщаемъ мы, что не давно вышелъ изъ печати вторымъ изданіемъ первой томъ означеннаго творенія, подъ заглавіемъ: Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи, перев. Т. Крылова. Самое содержаніе сей книги и весьма удачный переводъ, написанный чистымъ и яснымъ Россійскимъ слогомъ, составляютъ такое достоинство оной, которое не имѣетъ нужды ни въ какой похвалѣ.

4.) Сынъ Отечества 1813 года N 8.

Іерузалемъ считается въ числѣ знаменитѣйшихъ Германскихъ Богослововъ и сочиненіе его, Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion, признано классическимъ въ своемъ родѣ. Появленіе онаго на Рускомъ языкѣ будетъ конечно пріятно всѣмъ любителямъ назидательнаго чтенія, которыхъ число у насъ нынѣ, благодаря распространенію истиннаго просвѣщенія, весьма велико. Руской переводъ близокъ, ясенъ, чистъ—словомъ очень хорошъ и проч.

5.) Le Conservateur Impartial 1813 le 19 Fevrier N 15.

Les personnes qui se nourrissent de lectures pieuses et solides, trouveront tout ce qu'elles peuvent desirer á cet ègard dans l'ouvrage allemand qui a pour tître: Rèflexions sur les Vèritès les prus importantes de la Religion par Mr. Ièruſalem, regardé eomme un des meilleurs écrivains actuels dans ce genre. Cet ouvrage, déja traduit dans presque toutes les langues, vient de l'être également en Ruſſe, par Mr. de Krilov. Nous ne pouvons le recommander ici que d'apres la note qui nous a été communiquée, et

sur la foi de personnes qui le jugent propre á penetrer la coeur et l'esprit des Vérités consolantes du Christianisme.

6) *Соревнователь Просвѣщенія 1818 года. N 4.*

Г. Рецензентъ, разсмотрѣвъ всю первую часть сей новопереведенной книги, изложивъ въ связи содержащіяся въ ней истины, отдавъ при всякомъ размышленіи своемъ должную справедливость и уваженіе Іерузалему, говоритъ наконецъ: „Что скажу о переводѣ?—Онъ ясенъ, чистъ и весьма близокъ къ подлиннику; сіе доказываютъ выписанныя мною мѣста. Правда: самая точность допустила индѣ вкрасться германизму, впрочемъ весьма незамѣтному: но трудность переводить подобныя книги на языкъ нашъ, еще не обогащенный отвлеченными терминами, извинитъ переводчика. По крайней мѣрѣ есть надежда, что при переложеніи столь превосходныхъ, назидательныхъ твореній, богатый, всеобъемлющій языкъ Россійскій достигнетъ желаемаго совершенства.

7.) *Благонамѣренный (журналъ) N VIII. за Августъ 1818.*

При появленіи на Рускомъ языкѣ перваго тома сего, истинно превосходнаго творенія знаменитѣйшаго Богослова и Проповѣдника Іерузалема, нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ и газетъ отозвались уже съ отличною похвалою какъ о самомъ сочиненіи, такъ и о переводѣ. Сочиненіе давно признано классическимъ, а переводъ, какъ весьма справедливо сказалъ издатель Сына

Отечества—близокъ, ясенъ, чистъ—словомъ очень хорошъ. Каждое изъ сихъ размышленій имѣетъ множество краткихъ отдѣленій или главъ, такъ что не смотря на важность и глубокомысленность предметовъ, о которыхъ трактуется въ этой книгѣ, вниманіе при чтеніи оной ни сколько не утомляется.

8.) *Рускій Инвалидъ 1814 года. N 55.*

Можно поздравить Россійскую Литературу съ прекраснымъ переводомъ превосходнаго сочиненія. Книга сія на Нѣмецкомъ языкѣ служила для многихъ къ утвержденію въ святыхъ истинахъ Религіи Христовой и къ успокоенію совѣсти. Она переведена на всѣ Европейскіе языки, и вездѣ нашла своихъ почитателей. Нѣтъ сомнѣнія, что и на Рускомъ она принесетъ не меньше пользы.

9.) *Тотъ же самый Инвалидъ 1818 года N 73.*

Сіе сочиненіе столь уже извѣстно въ ученомъ свѣтѣ, что мы почитаемъ излишнимъ, распространяться о достоинствѣ онаго. Второе изданіе онаго на Россійскомъ языкѣ служитъ пріятнымъ доказательствомъ, что чтеніе полезныхъ книгъ ежедневно распространяется въ нашемъ отечествѣ. Переводъ вообще вѣренъ и можетъ быть — *слишкомъ вѣренъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержаны Нѣмецкія словосочиненія, противныя языку нашему, и почти вездѣ наблюденъ тотъ же самый порядокъ, который находится въ оригиналѣ. Сему-то должно приписать примѣтную во многихъ мѣстахъ негладкость слога, которой переводчикъ безъ

шруда могъ бы избѣжать, если бы приложилъ большее стараніе; сіи длинныя, связныя фразы, кои утомляютъ читателя, и препятствуютъ надлежащей ясности. (1) Мы также замѣтили нѣкоторыя легкія погрѣшности въ словахъ, кои, вѣроятно, произошли отъ недосмотрѣнія, наприм. на стран. 45 сказано: *Богохульство* вмѣсто *Богохуленіе*, (2) на стран. 51 *присущь* вмѣсто *присносущь*, (3). на стра. 49 *Антиной* названъ *Ан-*

---

(1) Богъ знаетъ, кого теперь слушать. Одни Гг. Издатели журналовъ говорятъ, что переводъ хорошъ; а Гос. К. онъ кажется не гладокъ. Предаю это на благосклонное сужденіе читателей. Не надобно бы только Г. К. терять при семъ изъ виду сказаннаго самимъ Авторомъ въ предисловіи, том I. „Во многихъ погрѣшно„стяхъ противъ красоты и чистоты слога, говоритъ „онъ, я здѣсь не оправдываюсь; ибо въ подобныхъ симъ „размышленіяхъ весьма трудно соблюсть чистую сло„весность.“—Переводчикъ точно такъ же въ семъ пунктѣ не оправдывается, но, подобно желанію автора, остался бы весьма благодаренъ, если бы Госп. К, или кто другой сказалъ ему, какимъ же образомъ и въ которомъ мѣстѣ можно было бы лучше перевесть?...

(2) То и другое слово, *Богохульство* и *Богохуленіе* въ языкѣ нашемъ есть и Россійскою Академіею приняты. Только мнѣ, по крашкости, нравилось первое; а Госп. К. не знаю почему, нравится второе. De gustibus non est disputandum. Смотри также Лексиконы: изданный Обществомъ ученыхъ въ С. Пешербургѣ 1798 стр. 711. гдѣ именно употреблено слово *Богохульство*, а *Богохуленіе* даже и нѣтъ; Г. Гейма 1799 и 1805 годовъ.

(3.) *Присущь* и *Присносущь* суть два слова, совсѣмъ различнаго значенія. Послѣднее здѣсь было бы несогласно съ оригиналомъ, и дѣлало бы даже напрасное повтореніе одной и той же мысли. Въ переводѣ моемъ сказано такъ: *Бого отъ вѣчности во вѣчность присущь*; а по

тоніемъ и проч. (4·) Впрочемъ всѣ сіи частныя недостатки не затмѣваютъ достоинства сего полезнаго труда. Мы напротивъ отдаемъ должную справедливость хорошему выбору Г. Переводчика, и увѣрены, что при дальнѣйшемъ упражненіи въ подобныхъ предметахъ, слогъ его всегда болѣе и болѣе усовершенствуется. Мы бы желали обратить вниманіе его на новѣйшую Германскую Литтературу, столь изобильную превосходными сочиненіями въ семъ родѣ. (*Подписано*: *К.*)

Сверьхъ всѣхъ сихъ отзывовъ, также кромѣ благосклоннаго принятія книги сей Особами, знаменитѣйшими по своему *просвѣщенію и благочестію* изъ числа подписавшихся, Издатель отъ многихъ изъ нихъ, какъ Духовныхъ такъ и свѣтскихъ, имѣлъ честь получить и письменныя одобренія, въ которыхъ сіе твореніе Іерузалема называютъ: *назидательнымъ*, *душеспасительнымъ*, *нравственно-полезнѣйшимъ*, *исполненнымъ чистѣйшаго Христіанскаго ученія* и проч. проч., оставаясь при томъ очень довольными и переводомъ.—Но помѣщать здѣсь таковые отзывы подлинникомъ, скромность воспрещаетъ. *Издат.*

мнѣнію Г. К. вышло бы такъ: *Богъ отъ вѣчности въ вѣчность вѣчносущь*. Ибо присно значитъ всегда, *вѣчно*. На оборотѣ сей же самой страницы стр.24. я употребилъ слово *присносущь*— ибо тутъ оно было: прилично.

(4) Нѣтъ, Госп. К! въ Нѣмецкомъ оригиналѣ изданія 1785 года, съ котораго я исправлялъ переводъ свой, на стр. 36. строк. 3. стоитъ Antonius. И такъ развѣ не ошибся ли самъ Авторъ? *Переводч.*

ПОГРѢШНОСТИ

4 ТОМА.

Напечатано:			Чипай:
Стран.	Строк.		
5.	13.	особыя	особые
9.	5.	враговъ	враговъ
35.	17.	сохраняемъ,	сохраняемъ;
48.	2.	крайней одинъ	крайней мѣрѣ одинъ
—	4.	мирооописанія.	міроописанія
62.	20.	„Я есшь	„Я есмь
64.	19.	поклялся	покланялся
—	25.	оживошкорящій	оживошворяющій
68.	17.	ишѣмъ	имѣлъ
—	24.	шолько	шогда
82.	1 и 3.	слабосши„	слабосши,
84.	1.	равнагъ	равнаго
87.	18.	подобной	подобной
85.	16 и 17.	касалосъ	касалось
99.	13.	онъ	опъ
115.	10.	благоповѣшь	благоговѣшь
130.	31.	Діаны и Ефесѣ	Діаны въ Ефесѣ
131.	12.	temla.	templa.
133.	28.	домашними,	домашними.
135.	20.	Бедуинцы перва-го міра;	Бедуинцы (кочующія Аравишянѣ)
136.	11.	общіе	общія
142.	33.	Аппсу	Апису

Stanford University Libraries
3 6105 012 536 269

Stanford University Librar
Stanford, California

Return this book on or before date due